Илья Семёнов
BILLI'S BLUES
Истории из жизни
Билли Новика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга "Billy's Blues — Истории из жизни Билли Новика" это повесть о мальчике Диме из Купчино, который превращается в известного половине страны музыканта Билли, лидера группы "Billy's Band". Она выросла из бесчисленных интервью с Билли и другими музыкантами группы и получилась такой, какой получилась. В ней угрюмые 90-е с концертами в переходах, нулевые с первыми альбомами и выступлением на новогоднем огоньке и то, что есть сейчас и пока никак не называется.

Билли книга нравится, мне тоже. Хорошо, если тех, кто ее прочитает будет больше.

- Илья Семёнов
  - Рождение и реанимация
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Братья Бум и старина Том
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Европейские каникулы
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

- 7
- 8
- 9

○ Петербург и Москва
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ Аншлаги, эфиры и премии
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ Бэнд растет и меняется
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ Минимализм и ностальгия
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

○ Обострение лучших чувств
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

○ Вместо послесловия

○ Тексты песен Billy's Band
- Парижские сезоны
- Немного смерти, немного любви
- Оторвемся по-питерски

- Весенние обострения
- Блошиный рынок

- notes
  - 1

Илья Семёнов
Billy's Blues — Истории из жизни Билли Новика

Эле и Васе

«Увечны они, горбаты, голодны, полуодеты, глаза их полны заката, сердца их полны рассвета»

Иосиф Бродский

Рождение и реанимация

1

Здесь, во дворах между Димитрова и Альпийским, в самом южном и самом гопническом районе Ленинграда семиклассник Дима Новик по дороге из школы нашел старую непроявленную фотопленку.

Непроявленная фотопленка — это всегда интрига. Что там на ней? Что за человек щелкнул затвором фотоаппарата? Какие люди попали в кадр? Почему именно они? Дима шел домой быстрее обычного — в маленькой квартире, окна которой выходили на железнодорожную станцию Проспект Славы, у него была своя фотолаборатория. Там он проявлял сначала сделанные на свою старенькую «Смену» фотографии друзей и родственников — мама отдала его в фотокружок, чтобы не болтался на улице — а потом, уже по собственному желанию, перефотографированные из забугорных музыкальных и порно журналов снимки групп Accept, Kiss, Black Sabbath и безвестных голых баб. Эти фотографии отлично расходились в школе за небольшое вознаграждение. Что-то около двадцати пяти копеек. Так зарабатывался авторитет, столь необходимый в седьмом классе школы на окраине города.

На пленке, найденной по дороге домой, половина фотографий была засвечена, а на тех немногих, которые все-таки получились, пятеро толстых мужиков с гитарами и в полном панковском обмундировании нахально скалились в камеру и держали в руках кусок ватмана с нарисованной свастикой и словом «Реонимация», коряво выведенным краской. Кто-то даже показывал фак.

Дима посмотрел на свет на проявленную пленку и пошел к телефону:

— Коля, ты знаешь такую группу «Реонимация?» — он позвонил своему другу и коллеге по безымянному школьному музыкальному коллективу, который на днях отыграл свой первый концерт в школьной рекреации на четвертом этаже.

— Нет, — удивился Коля, — а что они играют?

— Не важно, давай тогда мы будем называться «Реанимация»? По-моему название что надо для панк-группы. Что-то между жизнью и смертью.

2

В первое время «Реанимация» играла каверы на песни своих кумиров — инструменталы Deep Purple и Led Zeppelin, песни «Аквариума» и «Кино». Для того первого концерта Дима (он играл на соло гитаре, которую выдавали в военно-патриотическом клубе «Фрунзенец» особо усердным ученикам музыкального класса) снял соло Александра Ляпина из программной песни «Аквариума» «Рок-н-ролл мертв». Ради этого пришлось поставить бобинный магнитофон на вторую скорость и в таком медленном режиме по одной ноте снимать длинную и сложную партию.

Две недели, проведенные в обнимку с бобинником и гитарой, не прошли зря: после исполнения перед аудиторией Дима стал общепризнанным королем гитары. Хотя других претендентов на эту должность в школе не было.

Димина школа № 310 хотя и была в меру гопнической (в параллельном классе учились дети зеков и рецидивистов), отличалась от остальных своим учителем музыки, которого звали Андрей Кудрявцев. Он вел рок-кружок и после уроков играл на барабанах так, что грохот раскатывался по всем этажам. «Реанимации» на этапе становления как раз не хватало барабанов, чтобы репетировать свои песни. Гитары у Димы и Коли были, но на ударные накопить было невозможно даже подторговывая фотографиями.

Билли: В рекреации, в которой мы играли, был очень убедительный холл. Эхо напоминало обвал в горах.

3

— Ладно, фиг с ним, деньги мы найдем, но давай тогда договоримся, что поставим все у тебя.

— Коля рассказывал Диме о том, что нашел барабанную установку всего за 250 рублей.

— ОК, куда деваться!

Установка стремительно поселилась в маленькой Диминой комнате, а вместе с ней появилась возможность репетировать песни и писать альбом. Параллельно Дима стал учиться играть на барабанах. На тот момент в «Реанимации» он был неоспоримым лидером по части соло-гитары, а в клубе «Фрунзенец» вместе с такими же купчинскими школьниками, как и он, на басу исполнял западные рок-инструменталы.

— Когда я в первый раз взял в руки неподключенный бас и дернул струну, то я почувствовал такую глубокую вибрацию, что понял — вот оно, это мое, — позже скажет Новик. Но в «Реанимации» толком никто играть не умел, Дима был самым профессиональным гитаристом, поэтому ему отдали соло, а бас считался простым инструментом — чего там, дергать четыре струны по очереди, и все. Сид Вишез вон вообще играть не умел и при этом стал культовым персонажем.

Кстати, если учителями гитары для Димы были Ляпин с Гребенщиковым и Блэкмор с Пейджем, то с ударными все было куда проще — незадолго до их появления в доме двоюродный брат Димы Леша Кривский, тоже музыкант-любитель, записал для Димы кассету с альбомом Sex Pistols. Они и стали образцом для подражания: Дима приходил домой и, пока мама была на работе, на полную врубал эту кассету, стараясь подыгрывать немудреным партиям.

4

За окном гремело начало 90-х, страна разваливалась, а одиннадцатиклассники Дима, Коля и некий Славик, которого все тот же Коля нашел на почве любви к мегапопулярному панковскому коллективу из Купчино «Бригадный Подряд», сидели в маленькой Диминой комнате и старательно записывали свой первый альбом. Пели Дима и Славик, Коля играл на басу, Дима на ударных и наложением прописывал партии сологитары, а Славик отвечал за ритм-гитару. Название для альбома придумали незамысловатое — «Веселые нотки с подвыподвертом», а большую часть песен написали сами.

Сочинять предложил естественно Коля, никто, правда не знал, как это делается, зато Коля мог за неделю написать пару десятков неплохих текстов, к которым потом все вместе придумывали по-панковски простые мелодии и аранжировки. Большая часть текстов Сторожева, увы, не сохранилась для истории.

Зато та памятная кассета осталась, и стоит заметить ради справедливости, что качество записи на ней очень даже, особенно если учесть тот факт, что записывалась «Реанимация» на микрофоны от бобинника, естественно в линию, все инструменты одновременно, — сейчас бы такое звучание назвали low-fi, а тогда просто не было возможности записываться по-другому. Впрочем, тексты разобрать можно, а это уже достижение, потому что голос всем известного Билли Новика узнать на той записи как минимум сложно. Не скажешь, что тонкоголосый юный мальчик, кричащий панковские тексты, и алко-джазовый скрипучий мужчина с трехдневной небритостью на щеках — один и тот же человек. Что так посадило этот голос и изменило тембр? «Беломор»? «Три топора»? «Агдам»? Или сама жизнь? — в этом нам и предстоит разобраться.

5

«Реанимацию» разрушили не 90-е, не путч и не безработица, а банальное окончание школы. Так получилось, что записанный на коленке альбом стал завершающей точкой в истории группы, зато его можно было дарить друзьям, и Дима очень гордился тем фактом, что у него на полке стоит кассета, на которой он поет и играет.

Поступление в мединститут на педиатрическое отделение не принесло новых музыкальных знакомств, а денег на то, чтобы выезжать в центр и тусоваться в Рок-клубе на Рубинштейна или «ТаМтАм» никогда не было. Может, правда, оно и к лучшему — самобытность обычно рождается в одиночестве.

Кстати, поступить в мединститут тогда было примерно так же сложно, как и сейчас, а то и сложнее — конкурс был что-то около пятнадцати человек на место, но Диме удалось пройти его с первой попытки. Он вообще-то не очень хотел учиться в институте, потому что особо ни в какой не рвался, но мама уговорила его попробовать поступить.

— Надо хоть что-нибудь закончить, — сказала она, — а потом будешь думать, что делать дальше, надо тебе это или не надо.

Первое время учебу удавалось совмещать с музыкой. Тот самый Леша Кривский, который записал для Димы Sex Pistols, играл с друзьями в группе «Осколки», и им как раз не хватало соло гитариста, который смог бы играть так, как Джордж Харрисон. Диму, который был младше всех остальных на три года, пригласили в группу, но при том условии, что играть надо будет не панк-рок, а рок-н-ролл.

Если быть точным, то «Осколки» играли бит, то есть в принципе они вообще играли The Beatles. Установка на любимую группу миллионов работала очень неплохо — в России к Битлам почти всегда относились так же, как в Ливерпуле 62-го, а значит и деньги «Осколкам» за их выступления давали охотно. Даже учитывая тот факт, что играть тогда приходилось не в клубах и на концертных площадках, а прямо на улице или в переходе. За несколько недель Дима снял десятки соло Харрисона и вместе с группой поехал в теплую трубу около Гостиного двора на первый концерт в новом составе. Тогда в лампе освещения перехода была розетка, к которой можно было подключить аппарат. «Осколки» собирали чуть ли не аншлаги и после нескольких часов игры, в гитарном кофре набирались очень неплохие по тем временам деньги.

Билли: У меня в семье было много медиков и я всегда очень

уважал медицину, а после курса анатомии в школе мне показалось, что это действительно очень интересно, как работает такая сложная система, как организм. Я принял решение пойти в медицинский класс, еще раз сменил школу, это была уже 230-я школа на Пражской. Там десятый и одиннадцатый класс один класс медицинский, а параллельный физико-математический. На математику мне никогда не хватало терпения, с гуманитарными науками тоже было все плохо: я никогда не любил читать, ненавидел стихи, в живописи ничего не понимал. А медицина это что-то средненькое такое, прямо вот то, что надо. Химия мне тоже не очень нравилась, но у меня мама учитель химии, кандидат химических наук, и я подумал, что если что, она меня подтянет. Пошел в медицину.

6

С «Осколками» Дима играл на собственной электрогитаре советского производства «Аэлита», он купил ее у одного дружка всего за сто двадцать рублей, а бас, внешне такой же, как у Пола Маккартни, ему подарила мама. Через некоторое время к гитарам пришлось докупать примочки. Дело в том, что как раз в начале 90-х, когда «Осколки» были в самом расцвете сил, до России дополз интерес к группе Nirvana — и все «Осколки» заслушивались записями Курта Кобейна.

— Может, немного утяжелим звучание? — на каждой репетиции предлагал Дима, и звучание стало немного гранжевым, но полную поддержку он находил только в своем друге барабанщике Диме Тимонине, который тоже хотел играть что-то гораздо более тяжелое, в духе Sepultura. Новик и Тимонин быстро переболели «Нирваной» и, на всю жизнь сохранив уважение к Курту Кобейну, пошли дальше, углубились в тяжелый звук — их любимыми группами в то время были Sepultura и Pantera. Дима даже побрился наголо, ходил во всем черном и носил берцы со шнуровкой почти до колена, но самое главное, что он во всю использовал гранжевые примочки для гитары и, не обращая внимания на костяк группы, играл в хард кор, а Тимонин за ударной установкой постоянно его подначивал, изображая Дейва Грола. Кому такое могло понравиться?

Но даже не расхождения на идеологической почве ощущались тогда как решающий удар. Настоящим нокаутом стал ремонт в «теплой трубе», после которого все розетки в переходе запрятали так хорошо, что подключать аппаратуру было решительно некуда — еженедельные концерты в переходе прекратились (играть в акустике группа тогда уже никак не могла, да и милиция получила распоряжение гонять уличных музыкантов), а вместе с концертами закончился и постоянный заработок. Нужно было искать новые способы добывать деньги музыкой.

Билли: В итоге группа разделилась на два лагеря и достигнуть компромисса было очень сложно: я все больше играл с фуззом и все больше заводил барабанщика, а группа начинала оправдывать свое название.

7

Сейчас, почти 20 лет спустя, сложно представить себе, что концерты на улице приносили больше денег, чем клубные выступления, но тогда это было именно так. Вообще, в городе было мало клубов. «TaMtAm» только появился, Рок-клуб на Рубинштейна уже загибался («Осколки» даже успели сыграть в нем пару раз), культовое «Молоко» еще не открылось, а на окраинах стали появляться брутальные и по-настоящему андеграундные заведения вроде клуба «Джабба» на проспекте Славы или клуба «Роттердам» на Ветеранов. Рок культура в городе находилась в коматозном состоянии после долгих десятилетий запретов и еще не воспринимала себя свободной.

В клубах типа «Роттердама» играли так же, как спустя 10 лет первые эмобои в клубе «Пятница» на Сенной — для кучки людей, из которых большая часть знакомые, а гонорара хватало разве что на пару кружек пива в том же самом заведении. В общем, подобные концерты не приносили никакого материального и даже никакого морального удовлетворения, да и проблемы внутри группы нарастали. В итоге, поиграв немного в жутких клубах репертуар собственного сочинения, «Осколки» распались.

Шел 95-й год, Дима учился на третьем курсе медицинского института. Любовь к тяжелой музыке он не утратил, но однокурсники не разделяли его увлечения, впрочем, как и его дедушка, которого в то время Дима часто вспоминал.

— Ну, хорошо, ты так любишь эту свою музыку, — говорил дедушка, когда Диме было лет пятнадцать, — толку-то что с нее? Когда тебе исполнится тридцать лет, ты что так и будешь прыгать

козлом по сцене?

Как никогда раньше казалось, что дед был прав. Дима успокоился, продал свои гитары и музыка надолго ушла в прошлое.

8

Вот так прозаически, первая история Димы-музыканта и закончилась. Так же, как закончилась она для многих его сверстников, которые, поиграв в своих полупрофессиональных группах по маленьким клубам на окраинах города, бросали это занятие и становились «серьезными» людьми. Диме тогда казалось, что он тоже становится взрослым и серьезным. Уже на третьем курсе, как раз когда распались «Осколки», он решил жениться и посвятить свою жизнь медицине. Если с первым пунктом все было в порядке, то со вторым намечались проблемы. Учеба в институте отнимала немало времени, но, что естественно, не приносила совершенно никакого дохода. А семью надо было кормить. Летом Дима решил устроиться на стройку. Не престижно, конечно, зато деньги очень неплохие. В середине 90-х обычный врач, работающий в районной больнице, или школьный учитель получали сто, максимум двести долларов, а на стройке за месяц можно было заработать все пятьсот. Но зарабатывать Диме нужно было не на выпивку или развлечения, а на новый телевизор, например. Каждый летний вечер, вместо того, чтобы сидеть с женой в кафе или просто гулять по городу, используя каникулы на сто процентов, он приходил домой весь в бетонной пыли и иногда уставал так, что не мог даже принять душ, а прямо в одежде падал на кровать и засыпал. В общем, времена были из тех, что называются тяжелыми. В свои двадцать с небольшим он уже был женат, работал на стройке и исправно ходил в институт, потому что уже хотел получить образование. И, пожалуй, брал на себя слишком много. Все-таки все должно происходить в свое время, и пусть человек не животное, пусть он способен сдерживать свои порывы и инстинкты, существуют некоторые фазы развития личности, протестовать против которых бессмысленно и глупо, потому что все, что не было сделано в одном возрасте, обязательно каким-то образом вылезет в другом. Или наоборот. Не стоит считать это лирическое отступление таковым, потому что в дальнейшем оно нам сильно пригодится.

Работа на стройке имела свои минусы, и главным из них было даже не то, что работа оказалась непосильно тяжелой, а в том, что эта работа отнимала все время, и можно было посвящать себя возведению домов только в каникулы, потому что в остальное время года нужно было посещать институт. Поэтому очень скоро Дима нашел себе новую, почти идеальную работу: он стал профессиональным бильярдным маркёром.

9

Бильярд тогда только-только приобретал популярность. И как все новое, считался поначалу развлечением для богатых, тем более, что бильярдных в городе было не так много, а людей, которые хорошо умели играть и знали правила, было, пожалуй, еще меньше. Для всех остальных в каждой бильярдной существовал, да и сейчас существует, специальный человек-маркёр. Он встречает посетителя, расставляет на столе шары, объясняет правила игры и, в случае, если человек пришел один, должен составить ему компанию. Работа была не такой пыльной как на стройке, но в бильярдной приходилось торчать по семнадцать часов, а утром бежать в институт и отсыпаться на лекциях. Вначале над Димой, конечно, смеялись, особенно, когда он пару раз упал со стула прямо во время занятий, но со временем он пристроил в бильярдную нескольких своих однокурсников и смеяться перестали, а Диме с друзьями удалось организовать что-то вроде товарищеского бизнеса.

Основные деньги в бильярдной добывались благодаря желанию богатых любителей этого вида спорта во что бы то ни стало обыграть сосунков-маркёров. Со временем Дима научился неплохо оценивать свои силы, сливать партии в нужный момент, находить подход к каждому клиенту, тем более, что большинство из них были завсегдатаями, а некоторые даже приходили специально к нему. И несмотря на то, что раз за разом они проигрывали, они не могли поверить в то, что этот ботаник в очках способен все время их обыгрывать, и делали все большие и большие ставки, а он побеждал и зарабатывал.

Бильярдный клуб, в котором работал Дима, за неимением лучшего, считался одним из самых престижных в городе, так что туда захаживали не только «новые русские», которые носили модные двубортные малиновые пиджаки, но и известные люди, ставшие в дальнейшем видными персонажами не только в городе, но и в стране. Среди этих персон был известный ювелир Ананов, победу над которым Новик до сих пор считает своим высочайшим бильярдным достижением.

10

Как выяснится чуть позже, бильярд, как и фотографии голых баб, не просто так были в жизни Димы, и не просто так появились в этой книге. Они были важными ступенями на пути к настоящей, своей музыке, теми случайностями, которые указывают на перекрестках неочевидные, но в итоге, единственно верные повороты. Здесь, в бильярдном клубе на Московском проспекте заканчивается первая часть истории Димы Новика, а если быть откровенным, история Димы Новика заканчивается совсем, а начинается другая история, другого человека, который, в отличие от первого, хорошо известен общественным массам. Здесь же заканчивается затянувшийся пролог книги и начинается настоящая жизнь.

— Дим, есть одна идейка, — Диме снова звонил старый друг Коля Сторожев.

— Какая?

— У меня есть дружок, Карен, который очень круто играет на барабанах…

— И?

— Есть идея реанимировать группу «Реанимация» и попробовать немного поиграть вместе. Идея была, конечно, не блестящей, но поиграть хотелось, тем более, что предложение исходило не от него, а значит, и ответственности никакой. Решили собраться у Коли: выпить пивка, познакомить Диму с Кареном и договориться о первых репетициях.

Как в дурацком романе, Дима и Карен оказались знакомы: Карен был одним из постоянных посетителей бильярдного клуба, в котором работал уже не маркером, а администратором Дима. При более близком знакомстве оказалось, что Карен отличный парень, они с Димой моментально нашли общий язык и вечер у Коли плавно продолжился в клубе «Манхеттен», одном из немногих заведений в центре города, которое дожило до наших дней и за десять прошедших лет более-менее сохранило свой внешний вид. Для Димы это был первый выход в свет, а Карен частенько бывал в клубах, устраивал какие-то вечеринки, в общем, был в курсе дела. Он выступал для Димы своего рода проводником в другую жизнь и эту функцию выполнил на все сто процентов.

За пивом в «Манхеттене» пришло окончательное понимание того, что «Реанимация» будет собрана снова, но первые же репетиции доказали всю абсурдность этой идеи. То ли все разучились играть за последние несколько лет, то ли

действительно повзрослели, то ли время изменилось. В итоге группа возродилась только для пары репетиций, а до концертов, даже уличных, дело не дошло. Но Карен, в силу своей природной импульсивности и активности, не бросал эту идею и как-то сказал Диме: «Я тут устраиваю одну вечеринку, было бы неплохо на ней что-нибудь сыграть, давай сыграем, например, Deep Purple?» На репетицию перед вечеринкой Карен привел своего друга и однокурсника по Институту Культуры, девятнадцатилетнего парня с копной рыжих кудрей, которого звали Андрей, но называли Рыжик.

Братья Бум и старина Том

1

— Ты сам-то куда хочешь пойти?

— Не знаю. Может, на истфак?

— У тебя же три по истории. Мне кажется, что тебе только гитара интересна.

— Ага.

— Тогда надо идти в «Кулёк». Это, конечно, не лучший институт, но единственное в городе место с военной кафедрой, где ты сможешь заниматься любимым делом, — на кухне семьи Резниковых собрался семейный совет в лице Андрея и его родителей, Аллы Абрамовны и Сергея Витальевича. Этот совет вынес вердикт о том, что Рыжик после школы пойдет учиться в Институт Культуры на отделение джазовой гитары.

Ну, а действительно, куда еще ему было идти? В школе он учился не очень и никакими предметами особенно не увлекался. Единственным более-менее серьезным увлечением Андрея была гитара, с которой он проводил большую часть своего времени, хотя играть толком так и не научился. В школе у Рыжика была своя группа, которая специализировалась на каверах рок-героев 70-х, а потом, как и «Реанимация», распалась в связи с окончанием школы.

В институте умений не прибавилось, зато арсенал Рыжика-гитариста пополнился парочкой эффектных блюзовых приемов, которые в сочетании с его шевелюрой всегда производили неизгладимое впечатление на слушателей. Именно в институте

Андрей познакомился с Кареном — тот учился на отделении ударных и постоянно звал Рыжика поиграть вместе. На первой же репетиции, на которую Карену удалось притащить Андрея, он познакомил его с Димой.

Карен сидел за ударными, Дима играл на басу, а Рыжик отвечал за соло-гитару и пел. Играли как всегда — каверы на Deep Purple и Джимми Хендрикса — материал, знакомый всем с детства. Получалось не то чтобы очень хорошо, скорее даже плохо. Можно только порадоваться, что до нас не дошли записи выступлений той группы, тем более что они в принципе не существуют, да и группа эта даже не успела получить названия. Алла Абрамовна: Первый контакт с группой Billy's Band, которая еще не была Billy's Band, произошел у меня где-то лет двадцать восемь назад, когда я родила одного мальчика. И с тех пор мы неуклонно шли к тому, что должно было получится в конечном итоге. Например, группа Billy's Band.

2

Уже второй концерт группа без названия давала на каком-то фестивале для молодых команд в Василеостровском центре молодежи, который располагался между «TaMtAm» и станцией метро Василеостровская. Посмотреть на выступление сына пришла Алла Абрамовна, которая всегда очень трепетно относилась к тому, что он делает, и беспрекословно верила в его способности и неминуемый будущий успех. Алла Абрамовна знала толк в искусстве, она закончила режиссерский факультет Институт Культуры им. Крупской, какое-то время работала преподавателем режиссуры, а также руководила самодеятельными театральными студиями, где вела актерское мастерство и ставила спектакли, потом на какое-то время отошла от профессиональной деятельности.

Концерт Алле Абрамовне, как не трудно догадаться, понравился, и она прокралась за кулисы, чтобы выразить свой восторг:

— Ребята! Вы молодцы, вы такие талантливые! — Алла Абрамовна всегда отличалась склонностью видеть таланты, иногда даже там, где ими и не пахло, — я хочу, чтобы вы не бросали это дело, — добавила она, — у нас с мужем есть пустое помещение в доме на Охте, там раньше был склад, может быть, вы устроите там клуб? В прямом смысле этого слова — место, где будут собираться такие же молодые и талантливые, как вы?

— А можно мы еще там барную стойку поставим с пивком? — поинтересовался Карен.

— Почему нет? — только нужно, чтобы кто-то все это дело формализовал, взял на себя кассу, налоги и всю ответственность.

Так появился знаменитый андеграундный клуб «Boom Brothers», с которого все и началось по-настоящему.

Помещение, которое Алла Абрамовна и Сергей Витальевич отдали группе под клуб, меньше всего напоминало как раз клуб, зато голые стены и обстановка заброшенного склада давали простор для фантазии. Адаптация под клуб, для которой даже формулировка «косметический ремонт» звучала бы слишком гордо, продолжалась несколько недель и подарила этому миру несколько поистине новаторских решений. Так, например, диваны сделали из закатанного в рулоны ковролина, абажуры для ламп из металлических банок из-под английского чая, а барную стойку сколотили самостоятельно из обычных досок и покрыли лаком. Для украшения интерьера использовали любой подручный материал: что-то сделали из папье-маше, кто-то притащил старые

пластинки, кто-то пустые бутылки из-под вина, кто-то стулья. В итоге клуб выглядел именно так, как должно выглядеть по-настоящему маргинальное местечко. Как лет через семь скажет Билли, вспоминая о «Boom Brothers» и также безвременно канувшем в лету Cash Bar, «Таких баров сейчас днем с огнем не сыщешь, и если бы кто-то открыл что-то подобное сегодня, это была бы тема».

3

Все обязанности относительно клуба распределили между теми, кто участвовал в его создании. Дима, как самый ответственный и взрослый человек был назначен коммерческим директором, он стал бизнесменом: зарегистрировал индивидуального предпринимателя и купил себе барсетку. Он отвечал за кассу, налоги, общение с санэпидемстанцией и все технические вопросы. Рыжика назначили арт-директором, потому что он казался самым тусовочным человеком, у которого всегда были деньжата, чтобы ходить по клубам, а значит, знакомиться с музыкантами и приглашать их играть в «Буме». Ему выдали составленный общими силами список телефонов групп. У Карена не было официальной должности, но он считался и был идейным вдохновителем заведения.

Когда интерьер был готов, а Дима утряс все проблемы с бумагами и съездил на рынок на улице Салова за четырьмя ящиками «Балтики № 3», клуб был открыт. Пусть не слишком торжественно, но все же. Увы, сейчас никто не помнит точной даты этого события, видимо, пива все-таки было многовато, но все сходятся на том, что это было лето 99-го. Дима, Рыжик, Карен и их немногочисленные гости так радовались этому событию, что выпили все пиво, закупленное на рынке. Теперь у них не было проблемы, где, с кем и когда играть, а заодно, куда ходить выпить и послушать живую музыку, мечта сбылась — у них появился свой клуб!

Рыжик: Мне тогда было девятнадцать и меня сразу назначили арт-директором. Боже мой! Какой из меня арт-директор в девятнадцать лет? Никого не знаю! Ничего не знаю!

4

Конечно, «Boom Brothers» не стал новым «Red Club» или «Молоком», во многом, он так и остался заведением только для своих, куда друзья приводили друзей, а те своих, аншлаги, правда все равно случались редко, ну, или совсем не случались. Вход был бесплатным, а пиво недорогим, поэтому музыкантам за выступления никто не платил и они играли в «Буме» просто так. Во многом из-за этого арт-директорство Рыжика давало постоянные сбои: он приглашал группу играть, группа соглашалась, а в последний момент получала предложение от какого-нибудь другого заведения: даже если во втором случае гонорар был смехотворным (а других тогда и не платили), команда все равно отправлялась туда, бросив «Братьев Бум» на произвол судьбы.

Увы, такие вечера случались довольно часто и именно они заставляли выползать на сцену группу без названия в составе Рыжика, Димы и Карена: они рубили, что умели, причем рубили абсолютно черноземно[1], превращая каждую песню в пятнадцатиминутный джемсейшн (репертуар тогда был небольшой, но и пустующая сцена не рассматривалась как вариант).

Дима слишком любил живую музыку, чтобы включать в своем баре кассеты с записями музыкантов, так что приходилось играть.

— Даже самый мрачный и непрофессиональный живой музыкант на сцене лучше, чем самый крутой, но мертвый мастер на фонограмме, — часто повторял он перед выходом на сцену. Играли тогда все то же, что 7 лет назад: Deep Purple, Джими Хендрикс, Led Zeppelin и т. д., к тому же у Рыжика в «Буме» была еще одна группа, в которой он играл и пел блюзы, но она быстро приказала долго жить, а в основной команде микрофон перешел к Диме. Постепенно к Бумовской группе стали привыкать, некоторые даже приходили специально, чтобы послушать именно их, а они не только заполняли вечера, намеченные для других групп, но и оставляли некоторые специально для себя. Пару раз их даже пригласили сыграть в кафе «Лайза» на Петроградской стороне и заплатили небольшой гонорар, рублей 500 на группу.

Билли: Я всегда пытался сделать так, чтобы в клубе играла живая музыка. Если никого нет, — давай я лучше сам буду играть, такой был принцип.

5

В то время для Димы «Бум» стал в прямом смысле этого слова вторым домом. Он закончил мединститут и учился в ординатуре на детского патологоанатома, работал санитаром в больнице, а по вечерам, прихватив положенный ему медицинский спирт, ехал в «Бум». По дороге в любом киоске покупалась пол-литровая бутылочка «Швепса» — грамм сто из нее нужно было отлить или выпить, а пустоты заполнить заготовленным медицинским спиртом. Получался крепкий и молниеносный «медицинский» коктейль, который уже через пятнадцать минут делал жизнь значительно более сносной.

Концерты или простые вечеринки в «Буме» заканчивались поздно и, когда все расходились, Дима прибирался в зале, заваривал себе «Ролтон», брал бутылочку пива, пачку «Беломора» и в полном одиночестве сидел в подвале дома на Охте. Домой ехать было поздновато, метро далеко, да и уже закрыто, ловить такси дорого, да и вообще что-то не очень хочется домой. В один из таких вечеров, после того, как неизвестные до сих пор недоброжелатели утащили из «Бума» все диски, прихватив за одно кое-что еще, Дима сидел как всегда один, но в этот раз в непривычной тишине. От нечего делать он стал рыться в коробке с хламом, которая стояла под барной стойкой, и обнаружил там подаренные пару месяцев назад кассеты человека по имени Том Уэйтс. Кассеты кто-то переписал с других носителей, поэтому на белых картонных коробках черным фломастером было написано только имя исполнителя и названия альбомов — это были «Foreign Affairs» и «Heart attack and Vine», — самые грустные и самые блюзовые альбомы золотого периода творчества Уэйтса. На второй стороне Foreign Affairs был записан еще и самый первый альбом Уэйтса — «Closing Time». Все это как нельзя кстати сочеталось с пустым клубом, одиночеством, дымом дешевых сигарет и спиртом. «It's too early for the circus, it's too late for the bars, everyone's sleeping but the paper boys. And no one in this town is making any noise, but the dogs and the milkmen and me», — протяжно хрипел Уэйтс, а Дима сидел над стаканом, подперев голову руками, и периодически подкуривая одну и ту же беломорину, которая постоянно гасла. Он не понимал, о чем поет этот человек, представлявшийся ему высоким старым негром, который сидит на помойном баке и, дергая струны контрабаса, хрипит что-то о своей любви к молодой девушке из богатого района или о своих подругах-проститутках. Дима не понимал, о чем поет Уэйтс, но чувствовал, что о чем-то важном, по крайней

мере, важном для него.

6

Когда стало ясно, что группа привлекает все больше и больше внимания, по крайней мере, на уровне своего клуба, было решено совершить своеобразный прорыв, устроить костюмированную вечеринку, собрать побольше людей и повеселиться во всю. Посещали «Boom Brothers» в основном мрачные ковбоеподобные мужчины в казаках и косухах, которые жили неподалеку и друзья группы, тоже любившие надеть кожаную шляпу и выпить пивка. Из-за своей публики клуб и так частенько походил на таверну дикого запада, а когда дело дошло до костюмированной вечеринки, то тема ковбойства всплыла сама собой. Тем более, что Дима считал Уэйтса не только черным лузером в шляпе, но и исполнителем кантри, а что может быть лучше для ковбойской вечеринки, чем кантри?

«Boom Brothers» преобразился: все, кто имел к нему отношение, присоединились к украшению зала. Снова тащили отовсюду всякую ерунду, кто-то даже принес початки кукурузы и развесил их по всему бару. Дима, Рыжик и Карен приготовили несколько каверов Уэйтсовских песен. Репетиции выглядели так: Дима снял дома несколько песен, стал их наигрывать Рыжику, который еще не слышал Уэйтса и говорил:

— Я тебе пока не буду ничего говорить, играй, что попало, чем хуже — тем лучше. Непосредственно перед выступлением впервые задумались над названием группы. Было ясно, что нужно что-то в ковбойском духе, что-то необычное и смешное. Как раз в то время все в баре в шутку стали называть Диму Билли. Он

частенько стоял за барной стойкой и те, кто подходил к бару за очередной порцией, любили сказать что-нибудь в стиле фильма «Харлей Дэвидсон и ковбой Мальборо» хриплым голосом Клинта Иствуда, например:

— Эй, Билли, плесни-ка мне еще пивка.

Это имя, Билли, прилипло к Диме после известной песенки Ника Кейва «Stagger Lee», которую он очень любил. В ней действует один придурок со звучным именем Billy-Dilly, который попадается на пути главного героя «Stagger Lee» и тут же погибает от его рук. Почему-то этот лузер, эпизодический герой одного из куплетов песни стал прообразом героя Билли.

Шуточка про Билли-Дилли всплыла перед ковбойской вечеринкой, тем более, что лицом группы на тот момент стал Дима — он пел и играл на басу, значит, команду надо было называть его именем, а что такое группа, играющая блюзы и кантри? — это непременно бэнд. Получалось дурацкое, то есть именно такое, как и было нужно, название Billy Dilly's Band, под которым группа и сыграла на вечеринке.

Народу в тот вечер пришло больше, чем обычно, не то, чтобы слишком много, но это все равно был успех — точную цифру, правда, сейчас никто не назовет. Посередине сцены сидел Билли с бас-гитарой, рядом Рыжик, а за ударной установкой Карен. Билли на полном серьезе решил превратиться в ковбоя, применил все свои актерские способности и потому больше всех походил на выходца с дикого запада. Он не только пел как ковбой (ну, или, как ему казалось должен петь ковбой), но и выглядел соответствующе. Казаки он взял у кого-то из своих приятелей, джинсы и рубашка были его личные, а шляпу он выпросил у отца, настоящую ковбойскую широкополую шляпу, которую тот, похоже, купил на каком-то блошином рынке.

Ковбойская вечеринка в Boom Brothers стала первым важным событием в истории Billy's Band, в этот день, по сути, группа и родилась. И хотя мы теперь прекрасно знаем, что это совсем не так, сами музыканты во всех интервью отмечают именно этот момент, когда их просят рассказать о том, как появился Billy's Band.

Билли: Мы общались между собой в таком духе: «Да, Мальборо, если бы ты стрелял в кучу дерьма, даже брызги бы не полетели», — ну, типа такие крутые ковбои, и, в общем, я стал Билли.

7

Несмотря на то, что группа обрела название, в сущности ничего не изменилось — дни проходили так же, как и раньше. Билли растил сына, учился в ординатуре, работал детским патологоанатомом, пил медицинский спирт и слушал Уэйтса. Группа продолжала играть свои адские джемсейшены в «Буме», но дальше двигалась не слишком. Она стал одной из многих в этом городе команд, которые можно квалифицировать как хобби для музыкантов и удовольствие для пары десятков поклонников.

Полтора года, прошедшие с момента ковбойского концерта, напоминали брежневскую эпоху застоя: не происходило ровным счетом ничего. Разве что проблем прибавилось: в клуб практически никто не приходил, денег он, естественно, не приносил никаких, да и удовольствия было немного. К тому же жившие над клубом бабули утомили постоянными вызовами милиции и угрозами: они принимали запах неудачи за запах марихуаны, в «Буме» тогда пахло не травой, а дешевым пивом, «Ролтоном» и папиросами.

Все эти угрозы и проблемы валились в первую очередь на голову Билли, потому что именно он был номинальным директором клуба, и только он оставался в «Буме» ночевать. Это его «Беломор» принимали за марихуану и это он отбивался от санэпидемстанции и милиционеров.

Может быть, последней каплей стала полная банка спирта, разбившаяся в самый неподходящий момент или таракан, найденный в «Ролтоне», или заклинившая молния на ширинке, но Билли понял, что так больше нельзя.

— Вы, конечно, можете думать, что хотите, но я так больше не могу. Я ухожу, — он объявил свое решение Карену и Рыжику и бросил свой «бизнес». Теперь после учебы и пары отработанных смен, можно было выезжать в центр города в обнимку с любимым коктейлем из спирта и «Швепса» и отправляться гулять.

Любимым местом Билли тогда было то самое кафе «Лайза» около Петропавловской крепости. Он садился за столик, заказывал себе что-нибудь выпить и слушал группы наподобие Billy's Band, которые там частенько играли, или просто смотрел вокруг. В этих «выходах в свет» был свой бродяжнический шарм, романтика одинокого лузера, который пригревшись осенним вечером в третьесортном кафе может просидеть за своим столиком до самого рассвета и, выпив десяток рюмок водки и пару пива, еле волоча ноги и шатаясь, отправиться домой уже сырым молочным утром.

Он не только хотел казаться, но и был таким. В это время появилась неизменная шляпа «пирожок» и представление о том, что нужно делать, чтобы быть крутым парнем. Все очень просто: нужно было сидеть в баре, много пить и грустить. Иногда можно было знакомиться с такими же, как ты сам — музыкантами, писателями, в общем, — недооцененной богемой. Но такие люди попадались, увы, нечасто. Если их не было, можно было заговорить с одинокой барышней и развлекать ее беседами в лучших традициях плебса.

— Знаешь, у меня есть мечта, — говорил Билли одной из своих мимолетных соседок по барной стойке в баре около Мариинского театра.

— Какая?

— Я бы хотел проснуться завтра утром в одной постели с тобой, встать, пройти сквозь разгромленную квартиру на кухню, выпить из-под крана пару стаканчиков холодной воды, вернуться назад, сесть на край кровати и увидеть, что ты тоже проснулась и что ты такая же красивая, как была сегодня. А потом не вспомнить твоего имени, но выпить по паре рюмок того, что не допили вчера, закусить чем придется и снова завалиться в кровать. Это утро было бы не просто идеальным, оно было бы лучшим в моей жизни.

Одним таким утром, где было все, за исключением девушки (и это исключение превращало его в рядовое похмельное утро), нужные слова сложились в нужном порядке, наверное, под влиянием тоски по несбывшемуся, и была написана песня «Немного смерти, немного любви», ставшая через пару лет первым хитом Billy's Band.

Билли: Мне никогда не нравилось выпивать дома и сейчас я считаю, что первый шаг против алкоголизма — это не выпивать дома. Потому что если ты пьешь дома с друзьями — это фактически и есть настоящая попойка, когда сбегать за очередной бутылкой — нет никаких проблем. Заплатить сто рублей, сбегать и нет никаких проблем. А вот где-то это делать, например, в баре, совсем другое дело. Это дорого и к тому же стакану ты начинаешь относиться по-другому, как-то осмысливаешь, понимаешь, зачем ты это делаешь, а не так вот просто автоматически накидался и все. А если ты все-таки набираешься каким-то образом, то тебя выведут, когда ты дашь повод. И потом, ну чего дома сидеть? — в баре же можно всегда найти нового человека, поговорить, услышать что-то от него. В этом смысл.

8

Еще БГ говорил, что похмелье — это очень творческое состояние, когда музыкант по кусочкам собирает свою исстрадавшуюся душу, а из нее, как кровь, сочатся грустные философские песни. Не зря же именно в этом состоянии был написан самый страдальческий «Русский альбом» Гребенщикова.

Для Билли опыт кумира детства тоже оказался небесполезным. Вообще, все сложилось одно к одному, как это обычно и бывает: проблемы в семье, ночные выходы в город, знакомство с новыми людьми, ежедневное пьянство и утреннее творческое похмелье нашли свой выход в песнях, в которых есть не только грусть, маргинальные развлечения и ужас, но и ощущение надежды на настоящее счастье, на избавление от проблем и легкость.

За пару месяцев Билли написал семнадцать песен, причем почти все на алкогольную тематику, — позже они станут основой альбома «Немного смерти, немного любви», а также попадут на другие пластинки. Тексты давались непросто, иногда удавалось выдавить из себя только пару фраз, которые позже обрастали припевами и куплетами, зато с музыкой проблем не возникало — нескольких гитарных аккордов вполне хватало, потому что уже тогда стало ясно, что Билли идет дорогой Уэйтса, а значит, музыка — только аккомпанемент, только подходящая огранка для главного — небанальной истории, которая разворачивается на фоне банального джазового квадрата.

— У меня тут есть песни, — говорил Билли знакомым музыкантам, когда в баре попадались они, а не барышни, — я хочу их записать. Сможете помочь?

Обычно музыканты соглашались, но после того, как выпивали за его счет, цинично исчезали в неизвестном направлении, и никогда больше не появлялись.

Идея привлечь кого-то со стороны и самому Билли казалась ужасной — все-таки за это надо было платить деньги, причем немаленькие, да и за аренду студии тоже.

— Я тут кое-что написал, давайте сыграем? — он в первый раз показал песни своей группе.

— Нет, сыграть мы, конечно, можем, но это фигня какая-то, шансон.

С таким отношением заставлять кого-то репетировать (особенно при том условии, что главным правилом группы Billy Dilly's Band было — не репетировать вообще) и тем более записывать песни казалось абсурдным. Так оно и было. Так что

репертуар по-прежнему состоял из проверенных временем хитов, песен Уэйтса и пары-тройки новых треков.

Билли: Похмелье — это, безусловно, очень творческая стадия, по крайней мере, тогда оно помогало мне освободиться от комплексов уже написанного другими людьми. Я думал, что мне абсолютно пофиг, если люди об этом уже пели, я хочу сам спеть.

9

В 2000-м году Борис Ельцин досрочно ушел в отставку, умер Дюша Романов, в Тушино прошел первый рок-фестиваль «Крылья». А группа Billy's Band (тогда название сократили до нынешнего, прежнее казалось слишком громоздким) иногда поигрывала в маленьких барах и кафе, но чаще все-таки появлялась в «Буме». Но несмотря на общее затишье, в этом году в группе случилось два важнейших события, которые в дальнейшем определили ее развитие. Первым стало появление на горизонте Антона Матезиуса.

Билли и Рыжик познакомились с Антоном в «Буме». Андрей частенько звал довольно популярную в городе фолк-группу «Флирт» сыграть у них. Для Антона «Флирт» тогда был основным проектом, но периодически он выступал с другими группами. Любая группа, которая появлялась в «Буме», под конец вечера становилась участницей джемсейшенов и «Флирт» не был исключением. Иногда Матезиуса просили постучать на перкуссии вместе с Биллисами, а он никогда не отказывался помочь. В то время Карен постепенно перестал играть вместе с Билли и Рыжиком, и место барабанщика оставалось вакантным. Ударники в группе менялись каждую неделю, пока за перкуссию не встал Антон. Его баян тогда казался чужеродным (какой может быть блюз на баяне?), но постепенно мнение изменилось, и он заиграл на любимом инструменте. Кстати, Матез был единственным на тот момент в группе музыкантом, который закончил музыкальную школу. В одиннадцатой музыкальной школе Василеостровского района баян в него в прямом смысле этого слова вбивал преподаватель Станислав Захарович, который в случае невыполненного домашнего задания, хватал ученика за волосы и бил головой об инструмент. Так, в общем, и вбил. После школы Антон играл в паре десятков коллективов, в основном фолк-рок, пока не оказался во «Флирте», о масштабах популярности которого до сих пор можно судить по гигантской надписи на стене дома, в котором был «Бум»: «Флирт — короли Бума!» Второе эпохальное событие случилось чуть позже.

— Билли, сможешь подыграть нам на басу? Мы в следующем месяце в студии пишемся — спросил приятель Матезиуса из группы «Гарибальди», — я видел, как ты играешь, в общем, это то, что надо.

— Я могу, конечно, но у вас же есть парень с контрабасом?

— Да есть с ним кое-какие проблемы, в общем, он нам не нравится.

— ОК, тогда давай баш на баш: вы пока мне дадите его контрабас поиграть, а я с вами запишусь.

Следующие две недели превратили все пальцы Билли в сплошные мозоли. Он давно хотел поиграть на контрабасе, чтобы стать окончательно похожим на джазмена, даже купил себе безладовый бас, звук которого, по его мнению, походил на звук контрабаса. На контрабас тогда не хватало денег, тем более никак нельзя было брать инструмент, который ни разу не держал в руках. Теперь выяснилось, что играть на нем даже сложнее, чем он мог предположить: держать огромный инструмент было ужасно непривычно, а прижимать толстые тугие струны раз в пять сложнее, чем на гитаре, к тому же надо было использовать новые мышцы и приспосабливаться к непривычной позе. В итоге Дима кое-как одолел контрабас, но на записи все равно использовал свой безладовый бас.

Антон: На Billy's Band никто никогда не делал никаких ставок, мы тогда были полными лузерами, а потом неожиданно стали играть в «Б1»

10

Всем известно, что сейчас Алла Абрамовна, мама Рыжика, — директор группы, но когда-то все было по-другому. Как я уже говорил, она закончила режиссерское отделение Петербургской театральной академии, затем некоторое время работала режиссером в Великом Новгороде, а потом ушла с постоянной работы и периодически устраивала курсы для актеров и режиссеров.

К 2001-му году она уже очень долго вращалась в среде петербургской интеллигенции, вела занятия для актеров, принимала по творческому обмену группы молодежи из-за рубежа. Летом 2001-го знакомые снова попросили ее помочь — принять группу русских эмигрантов из Баварии, показать им в городе что-то интересное, наладить культурный обмен. Алла Абрамовна обещала помочь.

Так, в один из летних дней семнадцать мюнхенских эмигрантов оказались в клубе Boom Brothers. В России их поражало все, но «Бум» произвел действительно неизгладимое впечатление. Дикий необычный интерьер в сочетании с дешевым пивом и фантастическими людьми, которых они там встретили, обеспечили фурор. К вечеру бумовцы и эмигранты выпили все пиво, которое было в клубе, и по-настоящему побратались.

— Знаете что, — сказала Нина Вишневски, которая в будущем сыграет важную роль в истории группы, — у вас тут так здорово, и вы все такие крутые: приезжайте к нам! В качестве, так сказать, культурного обмена.

— Договорились! — кажется, это был Рыжик, но, в общем, не важно.

После этого предложения вечеринка продолжилась и вспомнили о нем только на следующий день, когда эмигранты уже улетели в родной Мюнхен. Билли, с характерным для него пессимизмом, решил, что эмигранты на утро забыли про свою идею, но через пару недель на адрес клуба пришло приглашение, в котором было сказано, что двенадцать человек из клуба «Boom Brothers» могут посетить Германию в августе 2001-го года. Приглашение было рассчитано на месяц.

— Это же отлично! Поедем отдохнем! А ты говорил, что они забудут, — Рыжик, Билли и Митя Максимачёв, лидер группы «Танки» и завсегдатай клуба, вместе шли в «Бум».

— Это, конечно, круто, но зачем я поеду? Я лучше пойду на стройке этот месяц поработаю — долларов шестьсот заработаю, смогу себе что-нибудь позволить, например, компьютер.

— Так они же будут нам суточные платить — 30 марок в день.

— Тридцать марок на тридцать дней — это девятьсот марок, то есть где-то пятьсот долларов.

— Ехать надо обязательно, — вмешался в разговор Митя, — в Баварии очень любят уличных музыкантов, там можно просто сидеть на улице с инструментом, ничего не делать, а денежки будут потихоньку капать.

В итоге, конечно, решили ехать: Билли брал с собой контрабас чувака из группы «Гарибальди», Антон — баян, а Рыжик ехал налегке, потому что гитару можно было найти и в Германии. Митя тащил с собой там-там.

Билли: Я очень боялся, что меня не пустят в автобус с контрабасом, поэтому не взял с собой абсолютно ничего кроме «Ролтона» (30 пакетов из расчета на 15 дней акклиматизации), которым как взрывчаткой был обвязан контрабас, зубной щетки и полуторалитровой бутыли спирта. Кто-то из знакомых убедил меня в том, что в Баварии все необходимое можно заиметь прямо на улице — достаточно лишь приоткрыть мусорный бак.

Европейские каникулы

1

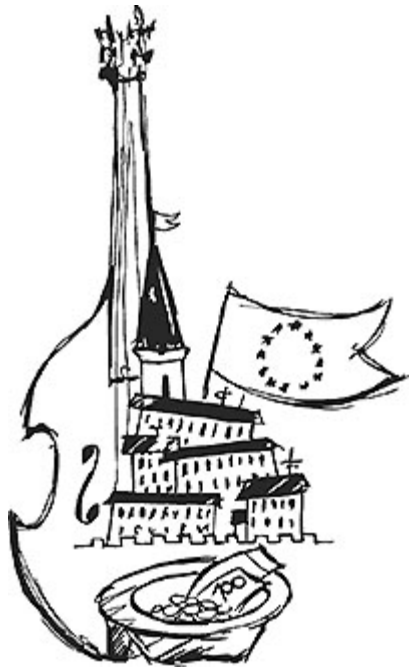
Перед путешествием надо было основательно подготовиться, тем более, что в составе Билли, Рыжик, Антон и Митя они на тот момент сыграли, наверное, только пять-шесть концертов, да и то еле-еле душа в теле. Утвержденного репертуара не было, а репетиции у Billy's Band были не в почете. Тогда Билли с Антоном решили тряхнуть стариной и выйти поиграть в «теплую трубу», тем более что на улице уже было совсем тепло. Рыжик не смог пойти с ними. Первый же выход в «трубу» оказался очень удачным: буквально за десять минут Билли и Антон заработали рублей пятьсот, то есть примерно столько, сколько они получали за полноценный концерт. Весь июль несколько раз в неделю они покупали бутылку дешевого портвишка и начинали угар: они играли в теплой и холодной «трубе», около Спаса на Крови, в Михайловском саду, на Горьковской. Эти концерты были не только развлечением и репетицией перед Европой, но и настоящей школой жизни и школой музыки. На улице надо было играть не только громче, чем в клубе, но и лучше, потому что публика, которая пришла в клуб, уже никуда не денется, ее значительно проще удержать на своей волне, чем простых прохожих, которые могут совсем не обратить внимание на то, что ты корчишься и стараешься им понравиться, а могут остановиться, дослушать песню до конца и даже отблагодарить тебя.

Билли: Да, для того чтобы научиться извлекать громкие звуки из контрабаса, пришлось немало попотеть. Когда я в первый раз привез домой контрабас, поставил в комнате, подошел к нему… играю… и вообще ни фига не получается. Там же совсем другая мензура, чем у гитары, очень много сил нужно, чтобы струну прижать. В извлечении звуков участвуют совсем другие мышцы. В первые же минуты три или четыре я стер себе все пальцы, у меня огромные мозоли вскочили, потому что там другие, ненатертые места используются. Вот так и фигачил каждый день, неделю ждал, пока у меня пальцы заживали, потом еще раз и так много-много раз. Мы поехали в Германию, вышли на улицу, а там надо играть еще в три раза громче, чем я уже играл, и там у меня опять до костей пальцы все стерлись.

2

Германия действительно оказалась сказочной страной, а для Billy's Band она была важной вдвойне. В первый же вечер Билли бросил кличь, мол, «кто идет играть на улицу?» — отозвались Андрей, Антон и Митя Максимачев, — все, кто взял с собой инструменты. В Баварии уличные музыканты — обычное дело, летом и осенью, особенно во время «Октоберфеста» они стоят на каждом углу, при этом они не похожи на наших пьяных бродяг с гитарами с Невского проспекта. Как правило, это опрятные и главное — профессиональные музыканты. Может быть, такими им позволяют быть заработки, действительно очень высокие в Баварии — за день группа может заработать пару сотен долларов, то есть где-то по полторы тысячи рублей на человека, при том, что играть можно всего два-три часа в день. Сначала Биллисы играли исключительно в Мюнхене, но когда их стали узнавать, решили, что можно съездить и в другие города, а заодно и посмотреть всю Баварию. Улица изменила стиль группы: подача стала более гротескной, музыка более громкой, а выступления все больше напоминали театр. Билли приходилось вопить во всю глотку и прижимать струны на контрабасе так, что через пару дней пальцы снова полностью состояли из мозолей. Стиль исполнения, который сформировался на улицах Баварских городов, стал фирменным стилем Billy's Band: в нем есть что-то от Тома Уэйтса, что-то от The Tiger Lillies, что-то от Ника Кейва, но главное, конечно, от себя.

3



В Германии репертуар группы полностью состоял из песен Уэйтса. Они вообще как могли старались скрыть то, что они русские, по непонятным причина стыдились своего происхождения. Их принимали то за французов, то за поляков, то за ирландцев. В первый же день, ближе к вечеру на главной площади Мюнхена в числе прочих слушателей Билли заметил трех девушек с фотоаппаратами, которые то фотографировали, то просто стояли и слушали. Одна из них, конечно, смотрела только на него, а он, конечно, только на нее. После пятнадцатиминутного сета, все песни которого были спеты персонально незнакомой немецкой девушке, подруги подошли познакомиться. Ту, которая смотрела на Билли, звали Пегги. Через три года она станет его женой, а пока они объяснялись на ломаном английском и пытались лучше узнать друг друга.

Этот роман напрочь снес крышу Билли. Пегги, как настоящая немка была педантична и строга, а потому не могла сразу «fall in love with Billy», хотя этот русский парень с американским именем очень ей понравился. Но разве можно было думать о переезде в страшную и неизвестную Россию? В итоге Билли уехал из Германии в расстроенных чувствах и на Родине ушел в долгосрочный запой, из которого его выводили только редкие телефонные разговоры с Пегги.

Билли: У нас с Пегги поначалу был языковой барьер, она же идеалистка, немцы они все идеалисты, они очень мучаются, когда не могут выразить мысль так красиво, как им этого хотелось бы. Я ей раза три сказал, что пока есть желание, все получится. Она подумала, что, наверное, да, желание есть, и как-то сразу все стало получаться. Английский в этом плане очень хороший язык, потому что там минимум различных окрашенностей, чего хочешь, то и говоришь, потому что в русском, часто думаешь, как выразить мысль, подбираешь слова, потом говоришь и понимаешь, что нет, это не то, что я хотел сказать. Я вообще человек, который плохо умеет выражать свою мысль, и для меня это так круто говорить именно то, что я думаю.

4

Как это ни странно, первая поездка в Германию не только сформировала фирменный стиль Billy's Band, но и дала понять, что в репертуар необходимо включить песни на русском языке. Как-то вся компания сидела на балконе в доме, где они жили, было, наверное, человек двадцать, включая эмигрантов и тех, кто приехал из Питера. Пили немецкое пиво, пели песни и Рыжик говорит:

— А у Билли есть еще и свои песни, он может что-нибудь сыграть.

— Ну, только, если хотите, — Билли понял, что Рыжик хочет его подколоть и убедить всех, а главное самого Билли, что это, в общем, лажа.

Билли взял гитару и сыграл «Немного смерти, немного любви», свою первую песню. Когда он закончил, повисла неловкая пауза. В такой компании всегда не очень понятно, что делать, если кто-то закончил петь: хлопать глупо, а говорить что-то первому тоже не хочется.

— Круто, — все-таки сказал Митя Максимачев, — мне понравилось.

— Да, круто, подтвердил кто-то еще.

— Здорово, очень романтично, — задумчиво сказала какая-то барышня, сидевшая на подоконнике.

— А вы их играете?

В общем, это был успех, и Андрей с Антоном прислушались к мнению большинства. Вся группа приехала в Питер в приподнятом настроении, близком к эйфории: Билли привез с собой небывалые деньги — тысяча двести долларов и мог, наконец, осуществить мечту: записать свои песни на кассету. К тому же начавшийся роман с Пегги, хотя и расстраивал его, но придавал сил. Незадолго до этого он развелся со своей первой женой и переехал из Купчино к троюродному брату на Мойку, 10. Теперь все клубы были рядом, и не надо было тратиться на ночные такси в компании контарабаса — на это обычно уходили все деньги, заработанные за концерт.

Билли: В центре как-то теплее, даже не морально, а физически. Здесь слишком много удовольствий, даже визуальных удовольствий: идешь по городу и любуешься домами. Нет жесткача. Купчино, в смысле творчества, характеризуется преодолением безумия, которое там творится, особенно в зимние месяцы года, особенно по Бухарестской, туда от Димитрова и до конца… все эти сквозняки, глина на ботинках, пустыри, какие-то

гаражи, вечная стройка. Это как-то заставляет найти в себе что-то, чего у тебя совсем нет. И поэтому, конечно, сидеть где-то на отшибе в Купчино, мечтать о том, как ты с трамвайной остановки дойдешь восемьсот метров до своей кухни… это позволяет оценить жизнь как-то по-другому. А перебрался в центр я, наверное, из-за контрабаса. Я переехал еще в 2002 году, снимал один за другим кучу каких-то углов. Это было связано с тем, что весь мой прежний гонорар за концерт уходил на доставку меня домой с контрабасом. Потому что не любой таксист возьмет за сто пятьдесят рублей тебя откуда-нибудь с Петроградской до Димитрова и Бухарестской, а получали мы тогда по сто пятьдесят рублей, по сто, по двести. И было обидно: потратишь полдня на концерт, получишь удовольствие от какого-то успеха, а домой возвращаешься абсолютно пустой, уставший, подпивший… в общем это было очень изнурительно. А в центре можно дойти от любого клуба до дома пешком за десять-пятнадцать минут.

5

Благодарная немецкая публика не только материально поощряла музыкантов, но и часто интересовалась, где можно приобрести их музыку. Так как Billy's Band не привезли с собой ни одной записи (их попросту не существовало), на эти довольно настойчивые вопросы ответить им было нечего. Тогда стало ясно, что необходима хоть какая-то запись, пусть это будет неофициальный релиз, но его, по крайней мере, можно будет продавать на своих концертах и на улицах. Желание записать хоть что-нибудь и стремление Билли издать свои песни соединились в общем порыве и привели к появлению первого неофициального релиза под названием «Being Tom Waits».

После нескольких репетиций писаться решили в студии Зоопарка, но по дороге на студию Антон загремел в милицию, так что на первом неофициальном релизе его баяна нет. К записи пришлось подключить Митю Максимачева, который сидел за пультом. Он подыграл что-то на бонге, Рыжик записал партию соло-гитары, а Билли играл на своем безладовом басу и пел. Записали всего семь песен: пять каверов на Уэйтса и две своих — «Немного смерти, немного любви» и «На его месте должен был быть я». Носителем была, естественно, кассета, CD для Биллисов тогда был еще чем-то очень непривычным, в то время как в Германии хотели покупать только диски.

Растиражированная на кассетах запись была очень черноземной. Получить представление о том, как звучал тот Billy's Band можно по некоторым трекам с альбома «Чужие». Но это паршивое качество и кривые аранжировки очень хорошо отражали то, что происходило с группой в 2001-2002-м годах. И как это ни странно, именно эта запись помогла Биллисам впервые заявить о себе: ее разносили по клубам, чтобы рассказать о группе, песню с этого альбома случайно услышал в баре «Пурга» известный журналист Борис Барабанов, а в дальнейшем и Михаил Козырев, который в то время был директором «Нашего Радио», но речь об этом пойдет позже.

Билли: Митя поначалу часто выходил с нами на сцену и поигрывал на разных инструментах, но в итоге он неизбежно оказывался за пультом звукорежиссера. Кому-то же надо было делать звук. А он по профессии звукорежиссер, да и потом ему немножко стыдно с нами. Митя такой правильный и хороший, а мы как бы плохие парни, особенно в то время, выпивали серьезно, а Митя же не выпивает. Но я рад, что он с нами, потому что в нашей группе есть разные люди, в том числе и Митя,

интеллигентный, правильный, положительный.

6

Ощущения от игры на питерских улицах нельзя было сравнить с тем, что они испытывали в Германии, но, тем не менее, Биллисы иногда все-таки выдвигались в «трубу», чтобы немного размять кости. В один из таких выходов их заметил проходящий мимо Макс Новый. Макса и сейчас хорошо знают в питерской музыкальной тусовке, он бессменный лидер известной группы «С. О. К.», а в 2001-м он был еще и арт-директором Psycho Pub, места, которое давно закрылось, но когда-то было знаменито на весь Питер.

Макс тогда впервые работал арт-директором и был крайне мотивирован, он, позитивный по своей сути человек, тогда был заряжен оптимизмом под завязку и уверен в том, что если что-то понравилось ему, то он сможет, приложив все усилия, сделать так, чтобы это понравилось еще многим людям. А Биллисы Максу понравились очень, он одним из первых почувствовал заложенный в них потенциал и пригласил их сыграть пару концертов в Psycho Pub, а потом стал их директором. Как это ни странно, но Рыжик тогда параллельно играл на соло-гитаре в группе «С. О. К.» и, соответственно, познакомился с Максом раньше. Концертов у Billy's Band было немного, так что можно было играть еще хоть в двух командах.

Постепенно вся группа Billy's Band влилась в состав «С. О. К.а»: Билли играл на басу, Рыжик на соло-гитаре, а Антоха на баяне. В свою очередь Макс, известный в городе музыкант, у которого были связи во многих клубах, забил сетку концертов для «С. О. К.а» и для Billy's Band — играли они каждую неделю в перерывах между выступлениями с «С. О. К.ом» — это было удобно и выгодно для всех.

Макс оказался не просто предприимчивым человеком и хорошим музыкантом, для группы он стал настоящим другом и первым в их жизни директором, причем именно таким директором, который был так нужен группе на этом этапе: Билли, в силу своего природного пессимизма и неуверенности в себе, не мог заниматься рутинной деятельностью, а Максим был полон энтузиазма и фактически выполнил на посту директора всю черную работу: он постоянно делал концерты в Питере, впервые привез группу в Москву, где они играли в «Культе», «О. Г. И» и «Китайском летчике», настаивал на включении в репертуар русскоязычных песен. Он так много времени посвящал Billy's Band, что стал четвертым членом группы и после концертов они вчетвером бросали инструменты в клубе, заходили в «Находку»

напротив Цирка за водкой или в аптеку за настойкой боярышника и ночью шли гулять по городу, знакомились с какими-то девушками, орали песни под гитару, в общем «гуляли по-питерски» (Тогда знаменитая «Оторвемся по-питерски» фигурировала на домашней записи Билли под названием «Погуляем по-питерски»).

Билли начал довольно сильно пить. В ход шел принесенный с работы медицинский спирт и вообще все, что горело. Когда музыкант много играет, но мало зарабатывает, он начинает спиваться. Он должен постоянно помогать себе чувствовать песни, которые повторяет уже в сотый раз, а обостряет чувства именно алкоголь. Он же помогал Билли справиться с сердечными проблемами (Пегги колебалась, стоит ли ей ехать в Россию, хотела, чтобы он был рядом с ней) и забыть прошлую жизнь, в которой хватало ужаса. Из алкогольного штопора его пытался вытащить Макс, который как-то раз даже уложил его спать в подсобке Psycho Pub после того, как Билли срубился прямо за барной стойкой. Неизвестно, чем бы закончилось это постоянное пьянство, если бы не вторая поездка в Германию. Все понимали, что ехать надо обязательно: это выгодно, полезно и приятно, к тому же Билли там ждала девушка, и играть там можно было хоть каждый день.

В немецком консульстве удалось получить визы на целых пятьдесят четыре дня. С группой не смог поехать только Макс — у него не было загранпаспорта, он не знал английского, к тому же он не мог почти на два месяца бросить свой клуб и «С. О. К.», который несмотря ни на что всегда был его главным детищем. Отъезд Billy's Band и так нарушил весь гастрольный график «С. О. К.а» и несколько запланированных концертов пришлось отменить, но для Биллисов оставаться не было смысла — хотелось в ухоженную и чистую Европу, где даже за выступления на улице платили больше, чем за полноценный концерт в родном Питере. Конечно, Билли, Рыжик и Антон уехали, а Макс остался. К тому моменту, когда они вернулись назад, он уже окончательно сложил с себя обязательства директора Billy's Band, нашел для «С. О. К.а» новых музыкантов и, как он сказал Билли, «ушел в арт», а директором, соответственно, стал сам Билли.

Билли: Я помню, была однажды такая курьезная ситуация: мы шли по улице, и Макс познакомился с девушкой. Потом он шел по улице, нес эту девушку на руках (он был в градусе уже порядочном) и с этой девушкой вместе они упали в лужу, а Макс заржал. Я думаю, что если бы я, даже будучи в таком состоянии, упал в лужу с девушкой на руках, то, наверное, не нашел бы в себе силы так разрядить обстановку. А он легкий человек. Я

плохо его знаю в трезвом состоянии, но под градусом он был готов творить абсолютные безумства.

7

Директорство Билли долго продолжаться не могло. Какой из него директор? Он уже окончательно стал творческим человеком: то есть писал песни, играл концерты и много пил, а такая жизнь не похожа на жизнь директора группы. К тому же у него еще не было мобильного телефона, а дома он появлялся только поздно вечером, или не появлялся вообще. Так что если Билли значился директором, то его троюродный брат Юра, у которого он жил, стал секретарем, потому что в течение дня принимал все звонки, а вечером говорил Билли, кто звонил и что они хотят. Естественно Билли терял все записи и дела шли не то чтобы очень здорово.

Хотя, ближе к осени 2002-го года на одном из концертов к Билли подошла девушка и сказала, что группа ей очень нравится и что она входит в оргкомитет празднования 300-летия Петербурга в Париже. Такой вот странный коктейль.

— В Париже, в знаменитом кафе «Ша Нуар» на Монмартре будет проходить празднование юбилея Петербурга, — говорила она, — мы бы хотели, чтобы вы поиграли там 4 раза в неделю, за каждое выступление вы получите по 250 евро.

— Отлично, мы согласны! — Билли отвечал без раздумья. Тогда казалось, что Европа покоряется им страна за страной.

Дома группу особенно ничего не держало, так что Билли,

Рыжик и Антон купили билеты на автобус до Парижа и обратные билеты — чтобы вернуться через месяц, взяли инструменты и в начале октября поехали покорять Францию. Многие, наверняка, ездили на автобусе на большие расстояния. Приятного в этом, обычно мало, к тому же запах в салоне стоит что надо. Особенно где-нибудь на третьи сутки беспрерывного путешествия. Так было и в этот раз — на подъезде к Парижу пахло уже особенно паршиво, и тут Билли наклонился к впереди сидящей девушке, с которой он флиртовал всю дорогу, и зловеще прошептал в полной тишине: «Черт, дерьмо попало в вентилятор», — так рождались коронные фразы будущих песен.

Осенью Париж особенно красив. Это не тот октябрь с постоянными дождями, слякотью и тяжелым серым небом, к которому мы привыкли, а настоящая красивая осень: голубое небо, желтые и оранжевые деревья, пятнадцать градусов за окном, в общем, все прекрасно. Billy's Band приехали в Париж, где, как оказалось, их никто не ждал. Для начала их не встретили, хотя перед поездкой Билли много раз созванивался и все согласовывал с организаторами. Но что-то пошло не так. В культовом «Ша Нуаре», который они нашли самостоятельно, им тоже не были очень рады.

— Да, мы слышали про вас, — сказали там вежливые французы, — но, к сожалению, ничего не получится.

— Как не получится?

— К сожалению, все сорвалось в последний момент. Вы можете обменять билеты и ехать домой, если хотите.

Легко сказать — ехать домой. Но для того, чтобы обменять билеты, надо доплачивать, причем немало, а денег-то естественно нет — ехали же и так на деньги. Кому-то может показаться, что вопрос денег встает здесь слишком часто, но пусть это никого не смущает — это нормальный этап становления андеграундной группы, когда все трудности преодолеваются вопреки полному отсутствию средств. Итак, уехать было невозможно. Да и не то чтобы очень нужно. У них была маленькая однокомнатная квартира в спальном районе Парижа, виза на месяц, инструменты и полная свобода. Естественно, было решено остаться.

8

— Да ладно, — говорил Билли, — в Германии же не пропали, что мы в Париже пропадем?

В первый же день Billy's Band выбрались в центр города — поиграть на улице, заработать денег на обед. Встать решили в самом попсовом месте — под Эйфелевой башней. Дело сразу пошло, но сыграть они успели всего пару песен, потому что после этого подошли два полицейских и очень вежливо объяснили, что для того, чтобы играть на улице, нужно получить специальную лицензию. Пришлось идти в парижскую полицию и заполнять там необходимые бумаги.

— Спасибо, мы рассмотрим ваше заявление, — сказали в полиции очередные вежливые французы, — приходите за лицензией через месяц.

— Отлично, через месяц мы уезжаем.

— Ничего не поделаешь, у нас такие законы, — французы не оставляли надежды на лучшую участь.

Это был полный провал. Заработать деньги иначе, чем уличными выступлениями не представлялось возможным. Настроение было паршивое, заработанные за 5 минут 60 евро решили потратить в продуктовом магазине около дома — Билли взял себе колбасы, Рыжик купил тушенку, на которой была нарисована голова быка и пара-тройка фасолин, а Антон — вязанку баночек пива. Ужин был грустным, потому что пиво оказалось безалкогольным, а тушенка оказалась фасолью к мясу. Подстава была во всем, и в пору было кричать в телефонную трубку: «Мама! Я в Париже. Все отлично. Сегодня я даже купил приличной колбасы!».

Во Франции ко всему надо приспосабливаться. На следующий день бэнд отправился играть к базилике Сакре-кер, а когда прогнали оттуда, перебрался на другое местечко и так курсировал по центру города, каждый раз говоря неизменно вежливым полицейским «Спасибо!». За первое нарушение там никогда не штрафуют, а они старались попадаться на глаза полиции разных микрорайонов города, а потом группе в первый раз в Париже повезло. Они встали в местечке, которое называется «Фуникулер де Монмартр», отыграли пятнадцатиминутный сет — никто не подошел. Немного отдохнули, потом отыграли еще два.

Полиции не было. Оказалось, что этот самый фуникулер — приватная территория, на которой за порядком следит не городская полиция, а местная охранная организация — примерно как Малая Садовая в Питере — а местной охране их музыка

понравилась, они решили не прогонять группу и даже купили их диск. «Фуникулер де Монмартр» стал местом, куда Billy's Band приходили каждый день и где, наконец, смогли заработать на пропитание. Там же они приглянулись одной очень энергичной особе, которую звали Жеральдин. Она работала в каких-то муниципальных органах Парижа, хорошо говорила по-русски, и обещала, что обязательно поможет группе, таскала их по малюсеньким джаз-клубам, уговаривала матерых джазменов позволить бэнду сыграть пятнадцатиминутный сет между их выступлениями и очень верила в группу. То, что творили Billy's Band на сцене вводило публику в позитивный эстетический шок.

— Это русский джаз, — объясняла им Жеральдин, и люди, глядя на трех сумасшедших русских, которые рубили Уэйтса в настоящем говноджазовом ключе, охотно ей верили.

Билли: Я думаю, что Париж — это одна из джазовых столиц мира. И именно поэтому в первое время мы чувствовали себя там очень плохо. Там ведь такие крутые джазмены, что просто уши в трубочку сворачиваются! Уровень игры — высочайший! Мы так играть не умели и не рассчитывали ни на какой успех в этом смысле.

9

Конечно, играть даже в маленьких джаз-клубах было не очень комфортно. Париж действительно одна из джазовых столиц мира, поэтому даже в самом компактном баре, соизмеримом с клубом «Podмосковье», там играют такие джазмены, что любому непрофессионалу хочется сбежать оттуда и никогда больше не брать гитару в руки. Так было и с Billy's Band — они стыдились уже не того, что они русские — это как раз производило впечатление экзотики, а того, что они толком не умеют играть, потому что с этой точки зрения экзотикой быть не хотелось.

Все, что у них было тогда — энергия и напор, — профессиональное владение инструментами прибавилось уже значительно позже, а пока его компенсировала подача материала, такая, какой не было ни у кого. По крайней мере, профи так не играли. И на одной из таких вечеринок их все-таки заметили. Француза, который подошел к ним после вступления, звали Бертран, и он сделал им небывалой предложение.

— Как долго вы будете в Париже? — спросил он.

— Еще две недели, у нас билеты и сдать мы их не можем — ответил Билли, хотя им самим уезжать раньше уже, в общем-то, не хотелось.

— Отлично, я хочу сделать вам два концерта — один в Высшей Джазовой Школе, а другой в клубе «Пальма».

Бертран занялся группой вплотную: он напечатал и развесил афиши, пригласил на концерт кучу людей, и в Высшей Джазовой Школе Парижа их ждал настоящий триумф. Этого концерта Billy's Band боялись, возможно, больше, чем любого другого за всю историю существования группы — облажаться в таком заведении было бы непростительной ошибкой. На выступление «русских медведей» собрались студенты и весь высший преподавательский состав. Все ждали чего-то сверхественного и свежего и получили именно то, чего ждали. Выступление группы произвело фурор — их вызывали на бис и скупили все диски, которые они предварительно нарезали на компьютере, — больше пятидесяти штук. Такого успеха у группы не было еще ни разу. В клубе «Пальма» концерт прошел тише, но те, кто пришел на выступление, тоже остались очень довольны.

Казалось бы: время в Париже шло быстро, столько всего происходило, но на самом деле каждый день тянулся как целый месяц — утром на пару часов выходили поиграть на улицу, а что потом делать? Концерты ведь были не каждый день. В самом начале своего пребывания в Париже Биллисы позвонили девушке,

с которой познакомились в автобусе по дороге во Францию, и она позвала их в сквот Хвостенко, который тогда устраивал концерты русской рок-тусовки у себя в подвале, в клубе «Ле Симпозьон». Он находился на другом конце города, и добраться до него в намеченный день никак не удавалось — сначала не шли поезда нужной ветки метро, а потом просто опустились руки. Они выпили в сквере вина из бумажного пакета и доехали на автобусах. В итоге концерт получился не слишком выдающимся, зато понравился двум армянам, которые почему-то любили русские концерты у Хвостенко. Они позвали Billy's Band сыграть у них в варьете «Фонтаны Парижа», которое располагалось прямо напротив знаменитого «Мулен Ружа» и тоже было известно на всю Францию.

Но этот концерт был намечен только на третью неделю октября, а пока свободного времени было более чем достаточно. Billy's Band сидели в своей маленькой квартирке и писали новые песни, они решили увековечить свою поездку и написать альбом «Парижские сезоны», тем более, что каждая неделя тянулась как целый сезон. По всей видимости, на творческом потенциале группы сказался отрыв от Питерского быта: они были абсолютно свободы и не обязаны ничем — такие творческие каникулы, за которые удалось написать больше 10 песен, вошедших впоследствии в «Парижские сезоны». Часть из них — добитые задумки Билли, которые прежде существовали в виде одной-двух строчек, а здесь стараниями Билли и Антона обросли аранжировками и доделанными текстами.

Сразу после возвращения из Парижа они отправились в студию «Нева», которая по тем временам считалась очень крутой — там писались такие гранды как Tequilajazzz и «Ленинград». Даже несмотря на то, что песни были отлично отрепетированы еще в Париже, на запись ушли все деньги, заработанные во Франции, и выручка с проданного телевизора, который они выиграли на фестивале «Окна открой».

Поездка во Францию оказалась действительно очень плодотворной. Они возвращались оттуда стопроцентными победителями. Визит в Париж, который сначала не заладился и мог обернуться полным провалом, стал серьезной вехой в истории группы: за месяц сочинили альбом, сыграли триумфальные концерты в Высшей Джазовой Школе Парижа и дважды в легендарном варьете «Фонтаны Парижа», стали популярными на улице, продали больше двух сотен своих дисков и снова убедились в том, что их музыка востребована и нужна не только им самим.

Петербург и Москва

1

Петербург — большой город, но при этом уютный и все-таки по-хорошему провинциальный, в том смысле, что слухи здесь распространяются очень быстро — как только появляется что-то новое и по-настоящему интересное, все нужные люди в городе об этом уже знают. Так было и с Billy's Band — к концу 2002-го года они существовали уже больше года и в городе их знали, тем более что они отметились во всех более-менее подходящих клубах, сыграли на фестивале «Окна открой», который впоследствии транслировал «Пятый канал», а теперь еще и записали альбом. У группы были друзья на питерских радиостанциях — на «Нашем радио», на «Модерне», и было понятно, что радиоротации группе очень нужны, если она хочет развиваться дальше. И если раньше все упиралось в отсутствие своего материала, и в отсутствие вообще какого-либо качественного материала, то теперь альбом появился. Представить бэнд на радио было довольно сложно и единственной радиостанцией, в формат которой группа вписывалась хоть как-то, было «Наше радио», программному директору которого, Михаилу Козыреву, уже давно рассказывали про Billy's Band и даже давали послушать альбом «Being Tom Waits», но это было явно не то, что надо. «Нет, мне все нравится, конечно, — говорил Козырев, — но я же не могу поставить на радио Billy's Band, поющих Тома Уэйтса».

Не то чтобы Billy's Band стремились попасть на радио и в телевизор. Билли, например, со свойственным ему пессимизмом, прекрасно понимал, что это почти нереально и не слишком нужно, уже тогда было понятно, что основная аудитория группы — это далеко не домохозяйки и подростки, а взрослые серьезные люди и маргиналы, которые телевизор уж точно не смотрят. Соответственно, он просто забивал на это болт и группа, как и раньше просто играла концерты и, как истинно маргинальная команда, не занималась никаким пиаром. Но как раз в 2002-м, когда они вернулись из Парижа, делами группы занялась Алла Абрамовна, которая очень сильно повлияла на развитие Billy's Band.

Директор из Билли был совершенно никакой, это понимали все, и он сам в том числе. Нужен был человек, который сочетал бы в себе функции администратора, умел решать денежные дела и при этом не был чужд творческой линии группы, а иногда и мог бы что-то подсказать, направить бэнд в нужное русло, потому что самим музыкантам в этом смысле решительности порой не хватало. Этим человеком и стала Алла Абрамовна.

Для нее в Billy's Band сошлось очень много интересов. Во-первых, ей всегда очень нравилось то, что они делали и делают, и соответственно, она стремилась всячески поддержать группу — достаточно вспомнить клуб «Boom Brothers». Во-вторых, она обладала необходимыми административными и предпринимательскими навыками. Наконец, она всегда умела доброжелательно общаться с людьми и могла найти подход к любому, к тому же ее опыт творческой работы и прекрасные познания в искусстве позволяли и позволяют подсказывать что-то группе, направлять в нужную сторону. И, что важно, в случае с Биллисами Аллу Абрамовну не подвела ее интуиция на таланты — она разглядела их еще тогда, когда увидеть в безумном трио на сцене Василеостровского дворца молодежи таланты было решительно невозможно.

Алла Абрамовна: Когда я в первый раз услышала Billy's Band, которые еще совсем не были Billy's Band, то я буквально почувствовала, как от них пахнуло талантом. В дальнейшем это мое восхищение переросло в желание чем-то им помочь, чему-то, может быть, даже обучить — так появился клуб «Boom Brothers».

2

Просто записать альбом мало. Самое главное — рассказать про него, сделать пластинку информационным поводом, заставить журналистов послушать его и полюбить, хотя насильно мил не будешь, но попытаться стоит. Питерская презентация альбома состоялась в «Red Club» в январе 2003-го. Тогда «Red Club» был совсем не похож на нынешний. Не было гламурного клуба «Cadillac», зато на его месте располагался второй, малый, зал, в котором Billy's Band тогда и выступали. В этот зал влезала пара сотен человек, и играть в нем было далеко не так престижно, как в нижнем зале, где, на тот момент, выступали все гранды отечественного рока от Tequilajazzz до группы «НОМ».

Ради презентации «Парижских сезонов» администрация клуба выделила для Billy's Band нижний этаж и не прогадала. В этот холодный зимний вечер в зал набилось более шестисот человек, которые пришли послушать алкоджаз и попытаться отойти от затянувшегося алкогольного привкуса новогодних праздников. На тот момент этот концерт казался пиком карьеры, потому что собрать полный Red Club без массированной рекламы на презентацию своего дебютного альбома было под силу далеко не каждой команде.

После этого выступления Billy's Band поняли, что Питер уже практически покорен, оставалось двигаться по накатанной дорожке и покорять столицу. Концерты, которые делал в Москве Макс Новый, собирали какое-то количество слушателей, название группы передвигалось с одной афиши на другую и успело примелькаться, но по большому счету Billy's Band знали немногие. Для того чтобы достойно представить группу, презентацию «Парижских сезонов» решили сделать не в каком-нибудь обычном для них клубе, а в Доме Журналистов и, соответственно, пригласить на этот концерт побольше представителей прессы. Если закрыть глаза на этот факт, то концерт в Домжуре можно считать провальным, потому что на него пришло по самым оптимистичным подсчетам тридцать-сорок человек. Но факт есть факт и две трети из всей публики были журналистами, и

большинству из журналистов выступление группы понравилось. Кстати, это выступление можно считать историческим и еще по одной причине: потому, что это был первый концерт Billy's Band на театральной сцене. Зал Дома Журналистов — это небольшое камерное пространство с лепниной на стенах и на потолке, с театральной сценой, тяжелым плюшевым занавесом и мягким светом. Billy's Band впервые оказались на подобной сцене, но многие тогда подумали, что они всегда играют в обрамлении тяжелых театральных кулис — настолько органично они выглядели в этой обстановке, настолько здорово отвязный алкоджаз сочетался со строгостью и условностью театра.

На том концерте сыграли почти весь альбом «Парижские сезоны», что-то из Уэйтса и что-то из незаписанных своих песен. Немногочисленная публика пришла в восторг, для Москвы это был глоток свежего воздуха, новая группа, которая подходит к исполнению и сочинению музыки очень необычно, у которой есть своя фишка и свой прикол, а значит, это то, что можно здорово продать, на чем можно отлично сыграть.

Итогом этого концерта в зале Московского Дома Журналистов стало большое количество положительных отзывов в прессе. Писали, что появилась новая, неожиданная и потрясающая группа, команда с явно петербургским акцентом и стилем, команда, подобной которой еще не было. Особняком среди этих публикаций стояла программа «За сценой» на «Нашем радио», которую сделал культовый журналист Борис Барабанов со своей коллегой Аней Кусто.

Борис Барабанов: Я пришел на концерт в «Домжур» со своей коллегой по «Нашему радио», где я тогда работал, Аней Кусто. В зале было человек двадцать, и нас очень впечатлило то, что происходило на сцене. Там еще такой зал какой-то в старинной лепнине, какой-то такой антураж, совершенно не ассоциируется с клубом. И я понял тогда, что именно в таких залах они должны играть, в залах с тяжелым плюшевым занавесом, как в театре.

3

Борис Барабанов заочно познакомился с группой за несколько месяцев до того, как они сыграли концерт в Доме Журналистов. Новый 2003 год он со своими друзьями, Юрием Сапрыкиным из журнала «Афиша» и Филиппом Бахтиным из Esquire, поехал отмечать в Петербург — там как раз была вечеринка, посвященная открытию питерского филиала «Афиши», после которой друзей занесло в знаменитый клуб «Пурга» на Фонтанку. К тому времени Билли уже подружился с Галой Филатовой, одной из основательниц «Пурги», Billy's Band отыграли там несколько концертов и постоянно выпивали — для Билли «Пурга» наряду с Psycho pub стала постоянным пунктом на пути домой, где он любил выпить пару кружек пива, перед тем как отправиться ночевать к брату на Мойку.

Компания Барабанова попала в «Пургу» на очередное отмечание Нового Года (там он отмечается ежедневно) и веселилась до потери пульса. И в какой-то очень правильный момент, когда стрелка часов перевалила далеко за двенадцать, а стрелка личного алкометра Бориса Барабанова подходила к отметке «full», он услышал, что из динамиков льется очень нужная и очень правильная песня, песня, которая необходима ему прямо сейчас.

— Что это играет? — едва ли трезвым тоном спросил он у бармена.

— Это Billy's Band.

— Надо запомнить, — сказал уже самому себе Борис, и это было последнее, что он запомнил в тот вечер.

Весенний концерт в Доме Журналистов ему тоже очень понравился — вживую группа звучала даже лучше, чем на записи, хотя и пластинка «Парижские сезоны», которую ему любезно подарила Алла Абрамовна, была отличной. Борис не только сделал с Биллисами передачу «За сценой», которая, конечно, была очень полезной, но и пришел к ним в гости, в их московскую съемную квартиру.

Там Борис поближе узнал весь Billy's Band. Его так впечатлила группа, что он решил, что обязательно поможет им в меру своих возможностей, и свое обещание выполнил на сто процентов. Во-первых, он стал рассказывать всем о том, что есть такая группа, носил их записи по клубам и пробовал забивать концерты, пытался отдать их музыку в кино. Первый концерт, который сделал Барабанов, случился в прозябающем ныне клубе «Швайн». Пришло сорок человек — это было не то, чтобы очень хорошо, но

и не плохо — главное, что люди вообще пришли, и интерес к команде рос.

После этого Биллисы сыграли концерт в культовом заведении «Проект О. Г. И.» на Чистых прудах, как раз в то время, когда пик интереса к этому клубу еще не прошел. На этом концерте впервые перед широкой публикой была исполнена знаменитая песня «Зимний сон», ставшая впоследствии визиткой группы. По этому поводу Борис Барабанов сказал тогда своему другу Саше:

— Саня, вот попомнишь мои слова, эта песня будет хитом новогодних программ 2004-го года.

4

Учитывая то, что «Зимний сон» — это действительно тот трек, благодаря которому про Billy's Band заговорила вся страна, стоит посвятить этой песне целую главу. Тем более что в ряду бесчисленных каверов, которые за свою историю сделали Billy's Band, эта песня стоит особняком. Как-то не вяжется Алсу с Deep Purple, Джимми Хендриксом, Борисом Гребенщиковым и уж тем более с Томом Уэйтсом. Однако именно она принесла долгожданный успех. Хотя если вспомнить начало нулевых годов, то удивляться нечему. Тогда голос Алсу звучал действительно из каждой дырки. Поэтому, даже если очень постараться, Билли не вспомнит момент, когда услышал эту песню в первый раз. Скорее всего около одного из музыкальных ларьков, которых тогда около станции метро Купчино было более чем достаточно. Да, кавер на Алсу на самом деле появился еще в те времена, когда он жил в Купчино. Каждый раз, возвращаясь домой или куда-то отправляясь с утра, около метро он слышал эту песню, в маршрутках и автобусах он слышал эту песню, из телевизора в баре он слышал эту песню, эта песня была везде. Алсу заполонила город и страну.

— Билли, я тут забил нам два концерта в «Лайзе», платят по сто пятьдесят рублей за каждое выступление, — Рыжик по арт-директорской привычке сделал группе концерты.

— Круто!

— Только играть надо будет много — три отделения по пятьдесят минут.

— И что же мы будем играть?

Репертуара на три часа у группы не было, даже с учетом написанных Билли песен и всех каверов на Тома Уэйтса. Приходилось выкручиваться — растягивать каждую песню на пятнадцать минут, гнать «рыбу», то есть просто что-то бормотать на псевдоанглийском и придумывать, какие бы каверы еще сделать. В момент таких размышлений, в голове Билли и всплыл «Зимний сон» — оказалось, что он помнит целых два куплета! — а любой куплет был тогда на вес золота, потому что его можно было обыгрывать с разных сторон, менять местами с другим куплетом и так далее. Тем более, и в оригинале, как тогда казалось Билли, песня была сделана в псевдороковой аранжировке — с гитарным вступлением, практически как у Цоя. В общем, она настолько нависла на ушах, что он был абсолютно уверен, что она ему нравится. Других выходов все равно не было и песню решили играть — она дебютировала в «Лайзе» и была

воспринята на «ура», тем более что и зрители прекрасно знали слова. Но, несмотря на несомненный успех песни, она не попала ни на неофициальную пластинку «Being Tom Waits», ни на «Парижские сезоны», ни на «Открытку от…», хотя записали ее почти сразу после первой записи на той же студии Зоопарка. Вышла эта песня только в 2008 на черноземном альбоме «Чужие», хотя в истории Billy's Band сыграла очень важную роль. Ее слышал каждый, но об этом, тем не менее, чуть позже.

Билли: Алсу отнеслась к нашему варианту «Зимнего сна» сдержано. Но Александр Шевченко рассказывал, как звонил ей как-то в Сент Луис, и у нее был утренний хриплый голос, которым она в трубку сказала: «На землю медным тазом опустилась зима…»

5

«Парижские сезоны» пользовались у слушателей довольно большим успехом — пластинки с удовольствием покупали, новые песни отлично воспринимали на концертах. Но уже к тому времени, и даже раньше, у группы скопилось определенное количество песен, которые не были записаны, но игрались на концертах и вызывали не меньшее, а может, даже большее одобрение у публики. «Немного смерти, немного любви», «На его месте должен был быть я», «Бильярд» — эти треки и сейчас радуют зрителей как в первый раз. Однако если не считать некачественной и неизданной пластинки «Being Tom Waits», они нигде не были записаны, к тому же и на той пластинке было только несколько русскоязычных треков, совсем не в тех аранжировках, которые привычны нам сегодня.

Никто, конечно, не считал выпуск «Сезонов» ошибкой, но и более ранние песни нуждались в том, чтобы их опубликовали. Правда денег на запись в хорошей студии не было, а спешить и писаться в плохом качестве, не было смысла — хотелось хоть какого-то качества. Перед группой встала невероятная на первый взгляд задача: издать песни, затратив на эти цели минимальные средства, сохранив, при этом, относительное качество. Так появилась «Открытка от…» — концертная пластинка, на которой были собраны самые востребованные треки, и вообще все то, что не было издано на «Сезонах».

На качестве пластинки сказалось то, что решение о ее выпуске было компромиссным — до сих пор Билли считает ее самым несовершенным альбомом группы и не любит ее переслушивать. Но для тех, кто любит Billy's Band не так давно, это своеобразный документ эпохи становления группы — на этой пластинке можно услышать Billy's Band таким, каким он был в первые годы своего существования. Звук, конечно, прихрамывает, не везде можно разобрать слова, но самое главное, что сохранила запись — поразительный и мощнейший драйв концертных выступлений. Большинство серьезных групп выпускают концертные пластинки как и «бесты» уже ближе к концу своей карьеры или по крайней мере после выхода нескольких номерных пластинок, а Billy's Band сделали все наоборот и в их случае это решение было скорее верным.

Все просто — Billy's Band изначально был концертным составом — когда группа начиналась, никто ведь и подумать не мог о записи в хорошей профессиональной студии, соответственно, рост группы происходил в первую очередь в

сфере публичных выступлений, все песни репетировались и оттачивались на концертах, музыкальный непрофессионализм компенсировался драйвом и мощью выступлений. При этом на записи эти черты пропадали, и музыка становилась слишком минималистической и может быть даже немного бледной. Концертный же альбом позволял представить группу во всей красе и подчеркнуть все ее сильные стороны, поэтому на тот момент решение о выпуске концертной пластинки выглядело более чем оправданным. Борис Барабанов до сих пор считает «Открытку от…» непревзойденной вершиной творчества группы. Любой может не согласится с этим утверждением, история группы, по крайней мере, на этой пластике не закончилась.

Борис Барабанов: Альбом «Открытка от…» меня поразил совершенно. Мне вообще нравился дизайн первых двух пластинок — «Парижские сезоны» и «Открытка от…». Для меня «Открытка» — и сейчас один из самых любимых альбомов, та вещь, которую, как мне кажется, они не превзошли до сих пор. Не знаю, может быть, конечно, ты всегда больше любишь то, с чего начиналось знакомство.

6

С 2003-м годом связан курьезный случай в истории группы. Все жители Петербурга хорошо помнят этот год и всеобщую истерию по поводу празднования трехсотлетия города. Тогда даже появилась шутка по поводу оптимизма по-петербургски: «Оптимизм по-петербургски: пережить трехсотлетие и не дожить до четырехсотлетия». То, что происходило в городе, действительно, трудно поддавалось логическим объяснениям: в срочном порядке отмывались и ремонтировались фасады зданий в историческом центре, на основных магистралях положили новый асфальт, город наводнили тысячи туристов из самых разных стран — подготовка к празднику походила на семейную подготовку к празднованию Нового года: еще с тридцатого декабря режутся салаты, готовится горячее, в магазине покупаются спиртные напитки, а когда усталые люди сидят за пятнадцать минут до полуночи перед телевизором, оказывается, что праздник снова похож на все предыдущие и где-то в половине первого наступает горькое разочарование и осознание того, что все ожидания были напрасны, а силы потрачены зря. Дни после празднования походили уже на постновогодний отходняк: казалось, что такого количества мусора Невский проспект не терпел на своей спине никогда. Лазерное шоу японского художника разочаровало горожан, разбившись об абсолютно белое небо ясной майской ночи, говорят, кого-то даже задавили в толпе. В общем, все было не слава богу.

Одним из удачных и забавных проектов, посвященных юбилею города была «Книга рекордов Петербурга» — шикарный альбом, изданный ограниченным тиражом. В этой книге собрали все самые выдающиеся и самые абсурдные достижения современных петербуржцев, и несмотря на то, что Billy's Band тогда еще не был самым экспортируемым в Москву питерским брендом, он все равно попал на страницы издания. Правда, не целиком, а в лице Антона Матезиуса. Антон был назван петербуржцем, который порвал за год наибольшее количество баянов — так и было написано, черным по белому. Только в 2003 году Антон порвал семнадцать штук — именно эта цифра задокументирована в качестве рекорда, а сколько всего инструментов было испорчено на концертах с его участием, сейчас не сосчитать.

Баяны на концертах тогда действительно рвались нещадно, но дело было даже не в богатырской силе Антона, а в качестве мехов. Денег на хорошие инструменты сначала не было, поэтому

приходилось играть на б/ушных баянах, а баян — не скрипка, с годами лучше не становится, поэтому в экстазе выступления старые изношенные голенища частенько рвались. Да и сейчас, когда Антон играет на своем фирменном компактном баянчике немецкой фирмы «Hohner», голенище иногда не выдерживает напора страстей. Кстати, все испорченные Антоном баяны похоронены в «Пурге» — там они не издают звуков, но служат украшением интерьера.

Глеб Лисичкин: Во время одного из первых визитов Billy's Band в Москву, я брал у них интервью по дороге в клуб. Когда мы вышли из такси, выяснилось, что Матезиус оставил свой баян в такси, а значит, играть не на чем. Мы оббежали все музыкальные магазины в районе Кузнецкого моста, но баяны в них были очень дорогие и денег на них, естественно, не хватало. Тогда мы купили в первом же ларьке газету «Из рук в руки» и позвонили по первому объявлению. Через полчаса старенький баян уже привезли в клуб, а Матез заплатил за него всего рублей пятьсот. Неудивительно, что такие баяны постоянно рвались.

Аншлаги, эфиры и премии

1

«Открытка от…» вышла летом 2003-го года, тогда же сдал последние рубежи и Михаил Козырев — Billy's Band зазвучали на «Нашем радио». В эфир попали три песни: «Немного смерти, немного любви», «На его месте должен был быть я» и «Зимний сон». Можно с полной уверенностью сказать, что это событие было важным не только для группы, но и для радиостанции федерального значения, потому что впервые на «Нашем радио» звучали песни в таком ужасающем качестве — первые две были записаны для альбома «Being Tom Waits», а «Зимний сон» был просто записью, сделанной скорее ради прикола, чем с расчетом на радиоротации. Звукорежиссерам «Нашего радио» пришлось изрядно потрудится над повторным мастерингом песен, чтобы поставить их в эфир, но Михаил Козырев принял окончательное решение о том, что время Billy's Band пришло, и песни зазвучали. Конечно, ротацией эти выходы в эфир назвать нельзя — каждая песня за лето 2003 прозвучала в эфире едва ли пару десятков раз, но этого было достаточно, чтобы о Биллисах заговорили в масштабах страны. Логичным итогом ротаций и нарастающего интереса к группе был концерт презентация альбома «Открытка от…» в Москве.

Непосредственное отношение к организации этого концерта имел Борис Барабанов — он планомерно обходил московские клубы со своим лэптопом, показывал видео с выступлений группы, оставлял диски с их музыкой. Как-то Борис заглянул в главный на тот момент клуб города, а значит, и страны «Б2», в

котором тогда выступали все гранды отечественного рока и серьезные зарубежные группы.

— Вот группа есть неплохая, — сказал он Андрею Александрову, арт-директору «Б2».

— Да, я что-то про них слышал.

— Хотят сделать презентацию альбома.

— Ну, в принципе можем поставить их на пятое августа. Надеюсь, зал они соберут, — простой и краткий ответ арт-директора поразил Бориса. Он не ожидал такого даже от своего приятеля, а с Андреем они знали друг друга довольно давно.

Это действительно была бомба — для практически никому неизвестной группы сыграть концерт в «Б2» в то время было чуть ли не высшим счастьем. Впрочем, главное было — не ударить в грязь лицом и собрать хотя бы половину зала.

Борис Барабанов: Когда я начал помогать группе с концертами и промо в Москве, то столкнулся с тем, что в принципе о Billy's Band уже знали, но не придавали особого значения. А мое появление, таким образом, провоцировало какие-то более активные действия. Так было и в «Б2», куда я зашел, чтобы рассказать про Billy's Band, но, честно говоря, прифигел, когда понял, что забил им концерт во втором по вместимости, после «Горбушки» клубе города.

2

— А могут они сыграть у меня на дне рождения? — незадолго до московской презентации Барабанову позвонил Михаил Козырев.

— Я спрошу.

Так совпало, что Козырев отмечал свой день рождения как раз в день концерта Billy's Band — пятого августа. К тому времени он окончательно распробовал Billy's Band и решил пригласить их в числе других музыкантов сыграть несколько песен на арендованном по случаю праздника теплоходе. День должен был быть безумным.

Сразу после первого саундчека в клубе Биллисы погрузили свой аппарат и инструменты на теплоход и отправились в плавание — нужно было успеть сыграть свой сет и вернуться на берег, чтобы доехать до «Б2» и немного отдышаться перед концертом. Выступление на теплоходе оказалось одним из самых ярких и провокационных — песню Фрэнка Синатры с Биллисами спел сам Барабанов, который до того был в замешательстве, какой номер ему приготовить. И главное, это выступление доказало, что Billy's Band не смотрятся новичками на фоне таких состоявшихся артистов, как «Би-2» и «Танцы Минус», также приглашенных на теплоход по случаю дня рождения Козырева.

Почти сразу после выступления музыкантов с инструментами с пристани умчал личный джип Козырева — надо было торопиться на концерт, который начинался через считанные часы. И мандраж перед этим выступлением был нешуточным — казалось, причем весьма обоснованно, что «Б2» им не собрать никогда в жизни. Но к удивлению группы, Бориса Барабанова и даже арт-директора клуба Андрея Александрова, клуб был забит почти под завязку — по самым скромным расчетам на тот, первый серьезный концерт Billy's Band в Москве пришло больше четырехсот человек. Причем ясно было, что дело тут не только в скромных радиоротациях, которые конечно, привлекли какую-то часть народа, но основная публика пришла все-таки благодаря сарафанному радио, которое, как известно, разносит новости только о чем-то действительно стоящем и интересном. Так для Billy's Band началась история истинного покорения Москвы.

3

Так сложилось, что в 2003-м году все основные события в истории группы, если не считать попадания Антона в Книгу рекордов Петербурга, перенеслись в столицу — они зачастили в Москву, где их быстро и горячо полюбили. Новый виток этой любви исходил опять же от Михаила Козырева. Директор «Нашего радио» всегда занимался одновременно несколькими самыми разнообразными проектами, так было и на этот раз — перед наступающим 2004-м годом Козырев продюсировал знаменитый «Неголубой огонек» на РенТВ и новогоднюю передачу на НТВ. Идея заключалась в том, чтобы разнообразить тухлый и обычный новогодний телевизионный эфир и позвать нетривиальных и интеллигентных артистов (НТВ) и сделать необычные каверы рок-исполнителей на старые или попросту неформатные для них песни (РенТВ). Под обе категории подходили Billy's Band.

Изначально, для обоих каналов планировали записать только одну песню — «Зимний сон», во-первых, она была очевидной бомбой, во-вторых это был кавер на совершенно нехарактерную для них песню, причем кавер не просто стебный, но яркий и запоминающийся. Но запись пошла не так, как было запланировано. Людям, которые делали огонек на НТВ, группа настолько понравилась, что после записи «Зимнего сна» они сказали: «А давайте запишем еще что-нибудь на всякий случай», а после «Немного смерти, немного любви», которая шла вторым номером: «Может, еще одну?» — записали «Выпей вина». В итоге, в новогодний эфир НТВ попали все три песни, а «Зимний сон» прозвучал непосредственно после поздравления президента, соответственно, его посмотрело если не полстраны, то очень существенный процент — тот эфир до сих пор прочно засел в памяти огромного количества россиян, как и «Немного смерти, немного любви» и «Выпей вина», которые прозвучали чуть позже. Конечно, после поздравления президента вся страна активно разливает шампанское, звонит родственникам и чокается бокалами, а значит, не слишком обращает внимание на телевизор, но знакомая песня в забавной и трогательной интерпретации пришлась по вкусу очень многим. Начинался год Billy's Band.

Новогодние огоньки повторяли на старый новый год, а «Неголубой огонек» вообще стал мегапопулярным проектом и видео с этой передачи расползлись по Интернету, а аудиоверсии песен зазвучали на радио. На этой волне и «Зимний сон» вернулся в эфир «Нашего радио». Ротация этой песни снова была

не слишком горячей, но с тех пор она периодически появляется в эфире.

Радио и телечиновники стали приглашать Billy's Band в эфир, даже несмотря на то, что всегда и везде группа была, что называется «неформатом», внимание к ней проявляли различные премии. Так, например, они появились в шорт-листе премии Night Life Awards и в итоге стали лучшим клубным проектом года. На церемониях в Москве и Петербурге они выглядели полными инопланетянами, чего стоит хотя бы тот факт, что на Московском концерте Billy's Band играли сразу после Кати Лель.

Подобный гламурный успех никогда не был самоцелью группы, но это было, конечно, приятно и даже полезно — аудитория Billy's Band выросла в разы, теперь можно было играть не только в Питере и Москве, но и в других городах России, а еще наконец-то появились деньги на запись тех самых песен, которые давно лежали и ждали своей очереди — нужно было выпускать очередной номерной альбом, который был назван как самая первая и единственная счастливая песня в репертуаре Billy's Band — «Немного смерти, немного любви».

4

Фантастический, насыщенный событиями, о которых раньше нельзя было даже мечтать, 2003 год закончился фурором на новогодних огоньках, а 2004 стартовал с премий и прироста популярности, которая спровоцировал появление еще более жесткого концертного графика и выступления в регионах. 2003 год был годом сбывшихся надежд и годом появления новых надежд. Billy's Band звучали по радио, их показывали по телевизору, они постоянно играли концерты и получили приглашение на летний фестиваль «Нашествие», все было здорово, и казалось, что так будет всегда. Но навсегда не получилось, и 2004 год стал с одной стороны той поворотной вехой, тем годом, который вывел группу на нынешнюю, бесспорно очень высокую орбиту, а с другой стороны, стал, наверное, самым грустным, и самым сложным этапом в истории Billy's Band. Истинное положение дел стало проясняться, когда на горизонте появился альбом «Немного смерти, немного любви».

Эта пластинка по логике вещей должна была быть первой в дискографии Billy's Band, потому что на ней вышли самые ранние русскоязычные треки группы, однако, так сложилась, что она стала лишь третьим диском группы и вторым номерным альбомом, опередившие ее «Парижские сезоны» по большей части состояли из более поздних и не проверенных временем песен.

Отчасти потому, что «Немного смерти, немного любви» была таким долгожданным детищем, отчасти потому, что это была последняя работа группы на тот момент, эта пластинка была как-то особенно дорога, на нее возлагались определенные надежды, тем более что группа была на пике популярности: про Billy's Band говорили по телевизору и радио, а значит, покрытие медийного пространства было максимальным.

Билли: В 2003 вышел «Немного смерти…», но по большому счету никого не интересовал альбом, он — в первую очередь для народа, а для всех этих воротил гламурного шоу-бизнеса, нужен был прикол. Им пофиг до романтики, нужен только прикол. Я чувствовал, что ко мне относятся так же, как когда-то люди относились к Кириллу Немоляеву («Бони НЕМ») или Профессору Лебединскому, который так переиначивал песни, что все хохотали. Но серьезно, по-моему, никто к этому не относился. А нам все равно было: ну, не относятся и не надо. Я знал, что есть пара-тройка людей, которые действительно вслушиваются и воспринимают бэнд таким, каким я его сам воспринимаю. Я не говорю, что бэнд — это очень серьезно, это несерьезно, но мне бы

хотелось, чтобы иногда были струнки такие, чтобы люди понимали, что это не прикол никакой, а на самом деле душа по швам трещит.

5

Конечно, телевидение оказалось жестокой дамой, которая использовала своего молодого любовника и бросила на произвол судьбы, но, тем не менее, оно сделало для группы очень много: помимо статуса команды, которую показывают по ТВ, оно позволило донести свое творчество до широких масс и найти в миллионах сердец те нужные, которые срезонировали с тугими струнами контрабаса Билли и дальше пошли вместе с группой. Как оказалось, таких людей очень много и они готовы приходить на концерты даже если об этих концертах им не расскажут по радио и ТВ и физиономия Билли не будет украшать обложки модных журналов. Осознание того факта, что их творчество нужно большому количеству людей, пришло только в 2004 году, когда стало понятно, что Billy's Band — это, хотя и не слишком, но все-таки серьезно, что это не прикол, а важное, для каждого из бэнда, дело. Особенно очевидным это стало после презентации альбома «Немного смерти, немного любви» в на тот момент главном московском клубе «Б2».

Для Billy's Band это был уже не первый концерт в «Б2», в память группы и менеджмента клуба прочно засело их выступление в августе 2003-го с презентацией «Открытки от…», на которую пришло гораздо больше народа, чем ожидалось. В этот раз выступление в «Б2» снова устраивал Борис Барабанов, ему удалось забить для группы субботу, самый кассовый день и организовать поддержку концерта в СМИ, хотя и не слишком массированную, но итог поразил абсолютно всех. В тот вечер в «Б2» сложно было купить билет, зал трещал по швам и после

отличного бойкого концерта дважды вызывал группу на бис. Когда подготовленные для концовки песни закончились, Билли зарядил уже сыгранную в начале концерта никому тогда не известную песню «Оторвемся по-питерски», которую зал воспринимал на ура и по свидетельству Бориса Барабанова, кто-то даже успел запомнить слова и пытался подпевать. За кулисами «Б2» помимо администрации группы и Барабанова, стоял приглашенный на концерт Михаил Козырев. Когда концерт плавно подходил к концу, он, глядя на происходящее на сцене и в зале, подошел к Борису и спросил: — Ну, что, чувствуешь себя Брайаном Эпстайном?

Барабанов, конечно, чувствовал себя не хуже первооткрывателя The Beatles, потому что хотя и не он привез Billy's Band в Москву впервые, он сделал для них столько в смысле освещения в СМИ, сколько никто другой, и сейчас, стоя за сценой, в общем, пожинал плоды своей деятельности.

6

Сама песня «Оторвемся по-питерски», которая была впервые издана летом 2004 на одноименном сингле, до сих пор — главная визитная карточка группы. То, что песня нравится слушателям, стало ясно, как только ее более менее сделали и начали играть на концертах — исполнение на бис в «Б2» было тому подтверждением. Вообще, Billy's Band всегда играют несколько новых песен задолго до выхода очередного альбома, обкатывают материал на зрителях, чтобы понять, как публика принимает те или иные композиции. Так было и в этот раз, очевидно, «Оторвемся по-питерски» оказывался главным хитом готовящегося альбома. Как и многие другие песни в репертуаре Billy's Band, «Оторвемся по-питерски» — плод воображения Билли самого начала нулевых годов, эта песня была на самой первой кассете, которую он записал на кухне своей купчинской квартиры, в одиночестве, под гитару. Песня тогда называлась «Погуляем по-питерски» и совершенно не понравилась никому из группы, резко отрицательно настроенной против русскоязычного материала, зато позже, когда команда играла уже в основном песни Билли, всплыла и после небольшой переделки оказалась очень даже удобоваримой.

«Оторвемся по-питерски» стал первым синглом в истории Billy's Band. Конечно, издание сингла — дело сугубо местечковое и не рассчитанное на выгоду, но Billy's Band никогда и не был заточен на выгоду, так что сингл был пробой пера перед выходом очередного номерного альбома и напоминанием слушателям о том, что бэнд занят работой, а не сидит без дела. Кроме трех версий песни «Оторвемся по-питерски» (стандартная, джаз-версия и инструментал) на пластинку попали трэк «Так я падал» и исполненная Биллисами и Гариком Сукачевым песня «Кладбище девичьих сердец», которая с этого момента стала традиционным завершающим треком большинства концертов, сменив в этом качестве песню «Муз Замбела» с альбома «Немного смерти, немного любви».

Для 2004-го года выпуск сингла был довольно новаторским решением, который, тем не менее, прижился довольно успешно и стал постоянной практикой как для Billy's Band, так и для других андеграундных групп и впоследствии приобрел особое значение, учитывая популяризацию Интернета и связанную с ней изменившуюся психологию слушателей, большинство из которых заточено скорее на прослушивание нескольких ударных песен, чем на целый концептуальный альбом.

Бэнд растет и меняется

1

В 2003–2004 годах к названию Billy's Band снова добавилось еще одно слово, но на этот раз не «Dilly's», а «Big». Дело в том, что для многих концертов состав группы усиливался несколькими джазовыми музыкантами, на сцене играло шесть, а то и восемь человек и команда, которая выступала в таком составе, получала название Billy's Big Band. Первые эксперименты с составом группы связаны с записью альбома «Парижские сезоны». Незадолго до этого Билли в любимом арт-кафе «Пурга» познакомился с Александром Буткеевым, известным петербургским джазовым музыкантом, пианистом-экспериментатором и импровизатором. После одного из камерных концертов Billy's Band в «Пурге» к Билли подошел невысокий полный мужчина в черной широкополой шляпе.

— Привет, мне очень нравится то, что вы делаете, я бы хотел, чтобы мы с вами как-нибудь поджемили чего-нибудь вместе, — сказал этот человек, который и оказался Сашей Буткеевым.

— Круто, давай! — оказалось, что Билли всегда мечтал поиграть с каким-нибудь «большим джазменом», как он тогда называл Буткеева, — Правда мы джемить особо-то не умеем, может быть ты запишешь нам кое-что для альбома?

Буткеев согласился и через несколько дней пришел в студию записать партию пианино для «Коктейля из лунного света и вина» и еще нескольких песен, большую часть из которых он до этого никогда не слышал. Он сидел за пианино, плечом поддерживал наушник, в котором играла фонограмма, к другому уху прикладывал телефон, по которому постоянно разговаривал, а свободной рукой что-то наигрывал на пианино.

— Прошу прощения, мне просто позвонили, давайте еще раз запишем, — Саша наконец-то закончил разговор и был готов к записи.

— Нет, нет, нет! Все уже и так отлично!

Так началось сотрудничество Billy's Band с Сашей Буткеевым.

Саша сыграл партии фортепьяно и для «Немного смерти, немного любви», а потом познакомил группу со своими коллегами по цеху, в числе которых был саксофонист Миша Жидких, периодически играл на фоно на концертах. Со временем у Билли появилась идея создать настоящий Big Band, большую группу, которая бы помогала ему в реализации его творческих идей и замыслов, потому что три инструмента, как ему тогда казалось, не давали необходимого объема и мощи, а хотелось весомости и серьезного взрослого звучания, которое обеспечивали пианино, саксофон, тромбон, ударные и другие инструменты. Так появился Billy's Big Band, который принимал участие в записи «Немного смерти, немного любви» и частично «Оторвемся по-питерскими» и провел на сцене вместе с Билли, Рыжиком и Антоном чуть больше года.

2

Громкие мощные концерты нравились публике, но со временем поднадоели самому Билли. Увлечение мощью прошло и появилось ощущение неконтролируемости, разгульности музыки, которую они играли. Не то, чтобы хотелось вернуться в маленькие подвальные залы и играть втроем, хотелось какой-то вескости и значимости, которая бы достигалась не путем увеличения количества инструментов и музыкантов, а принципиально другим качеством исполнения и верно расставленными акцентами, хотелось не прибавить звук, а сменить пластинку.

— Не важно на каком инструменте играет человек, но это называется болезнь сологитариста, — Билли с Мишей возвращались с репетиции и Новик делился своими соображениями по поводу того, какую музыку должен играть бэнд.

— Даже самые классные музыканты иногда не знают, сколько нужно играть.

— Да-да, самое важное — это чувство меры, даже если у тебя в голове крутится какая-то музыкальная фраза, важно подождать и сыграть ее именно в тот момент, когда это нужно.

— Ага, это как культура потребления красного вина. Нельзя пить больше одного бокала.

— Точно.

После этого разговора стало ясно, что представления Билли и Миши о том, какой должна быть музыка Billy's Band и музыка вообще, оказались очень схожими. Если за несколько лет до этого Билли объяснял Рыжику, почему в определенных моментах лучше не играть вообще, чем играть все, что попало, то Мише даже не нужно было ничего объяснять, потому что он изначально думал так же. В итоге, из стремления к лаконичному, но вескому звучанию Billy's Big Band был распущен, а Миша Жидких остался с группой. Сначала он значился как сессионный музыкант, но со временем стало ясно, что он такой же член группы, как и все остальные и что без него Billy's Band совершенно немыслим.

Стоит заметить, что музыканты, прежде входившие в Big Band расстались с группой в самых лучших отношениях, до сих пор они принимают участие в записи некоторых треков группы и иногда играю на больших концертах, так что никаких обид и непониманий между Billy's Band и музыкантами из Big Band не осталось.

3

Billy's Band во многом обязаны своему формированию улице — там появился тот Billy's Band, который мы знаем до сих пор, также вышло и с самим Мишей Жидких. В родном Нижнем Новгороде он закончил музыкальное училище и перебрался в Питер. В Москву никогда не хотел, а вот в Питер — в самый раз. Здесь были дальние родственники его жены, да и казалось, что город, по крайней мере, с музыкальной точки зрения, гораздо приятнее. Миша поступил в Институт культуры на дневное отделение, а по вечерам подрабатывал — играл на улице. У него было два любимых места — арка Главного штаба и второй этаж Гостиного двора. Оба места были очень козырными и проходными — и там и там удавалось неплохо зарабатывать даже при условии того, что в арке он стоял раз-два в неделю. Тем не менее, в кофр от саксофона падали не только рубли и доллары, но и записки с предложениями работы. Звали играть на каких-то свадьбах и корпоративах, а то и присоединиться к военному оркестру. Такие записки, как правило, летели в мусорную корзину, но стоило поиграть пару-тройку месяцев, как появилось действительно стоящее предложение — играть в гостиницах «Астория», «Невский палас» и «Европа». Тут уже отказываться не имело смысла. Работа, конечно, была тяжелая — играть приходилось очень много, причем все, от классики до джаза, но это приносило неплохой доход и моральное удовлетворение. Главным образом от того, что Миша чувствовал — он приобретает незаменимый опыт, который позже может очень пригодиться ему в жизни. И этот опыт действительно пригодился. Потихоньку он стал вливаться в питерскую музыкальную тусовку и получать предложения от музыкантов записать несколько партий в студии для их альбомов. Как ни странно, участие в любых проектах (а в Питере Миша отыграл практически со всеми местными командами и музыкантами) оказалось не менее интересной и даже более сложной работой. К концу 90-х он стал заметными саксофоноситом, на счету которого было полторы сотни сессий, сыгранных для представителей самых разных стилей — от поп-музыки до шансона. Плотное сотрудничество с Максом Леонидовым даже вылилось в совместные гастроли, а с Игорем Конрелюком — в работу над саундтреками к российским сериалам, в том числе и к знаменитым «Бандитскому Петербургу» и «Мастеру и Маргарите».

В начале нулевых годов Михаил Жидких — это уже известное имя в питерской музыке, он состоявшийся музыкант, который

переиграл в городе со всеми и заслужил отменную репутацию, он учится на заочном отделении в Нижегородском пединституте на факультете музыкальных искусств. Ему самому комфортно в этом статусе, он и сейчас говорит, что никогда не жалел о сотрудничестве с теми или иными людьми, потому что все они, на удивление, исключительно приятные и профессиональные, и с ними было хорошо и интересно работать. Но именно в этот момент, когда все складывается как нельзя лучше, старый приятель Миши по Нижнему Новгороду — Саша Буткеев — знакомит его с Billy's Band. Буткеев перебрался в Питер чуть раньше Миши, он тоже поступил в «Кулек», и, возможно, даже его закончил, в отличие от Жидких, которого выгнали после первого курса из-за какого-то ненаписанного реферата. Буткеев давно знал Биллисов, он играл партию фортепьяно еще на их первом официальном альбоме «Парижские сезоны».

Мише Billy's Band понравились, они показались ему совсем непрофессиональными и слабоватыми с музыкальной точки зрения, но очень крутыми и энергичными. По его словам, на них тогда было очень интересно смотреть, а вот слушать — тяжеловато. Тем не менее, все как-то неожиданно покатило: он сделал для Биллисов пару сессий к альбому «Немного смерти, немного любви», и очень скоро стал выступать вместе с ними, а потом оказалось, что ни на что больше просто не остается времени. Вливаться в уже сложившуюся команду было тяжеловато, приходилось придумывать для него новый образ, находить свое место на сцене. Так на фоне трех очень активных музыкантов появился один спокойный и меланхоличный, в плаще и с саксофоном, который, стоя все время в тени, выдает потрясающие пассажи и выполняет в группе огромный объем работы.

Сейчас Миша в Billy's Band пишет музыку, занимается аранжировками, играет на саксофоне, фортепьяно и ударных, участвует в театральных постановках группы; пока он не имеет отношения разве что к текстовой составляющей, а что касается музыки, то здесь он принимает участие абсолютно во всем — от ее написания до записи и аранжировки.

Миша: В Billy's Band у меня очень большая реализация. Здесь я получил возможность развиваться не только как саксофонист, но и как музыкант. Это очень важно.

4

История Billy's Band складывалась таким образом, что ни один шаг, даже сделанный второпях и необдуманно, не был шагом назад. Несмотря на то, что группа часто шла вслепую, оказывалось, что выбранная дорога верна. Так было и в случае с Billy's Big Band: поначалу казалось, что отказ от большого расширенного состава — это шаг назад, возвращение к изначальному Billy's Band. Но войти в эту реку во второй раз не удалось: во-первых сотрудничество с профессиональным музыкантами не могло не оставить следа на музыке группы, во-вторых, в ней появился еще один человек, а в-третьих, как только с этим этапом развития было покончено навсегда, стало понятно, в какую сторону можно развиваться дальше. А дальше был только театр: Billy's Band со временем все больше и больше развивался в артистическом смысле, а выступления группы становились похожими на театральные действа.

Сейчас никто не может точно вспомнить, когда впервые прозвучало слово «театр» по отношению к тому, что делали Billy's Band. Скорее всего, это произошло еще до того, как они стали регулярно выступать на сцене, то есть в Германии, во время уличных выступлений, когда к ним подходили простые прохожие и говорили, что еще чуть-чуть и это будет уже театр. Что эти прохожие вкладывали в понятие «еще чуть-чуть», было не совсем понятно, но слышать подобные отзывы — конечно, приятно. Тем более что тогда существовала четкая установка на оригинальное

исполнение, потому что выделиться было жизненно необходимо, а значит, лучше было мрачно колбасить короткий пятнадцатиминутный сет, чем спокойно и размеренно играть на протяжении часа.

Привычка играть ярко и запоминающеся осталась и по возвращении в Россию, потому что никак иначе группа уже не могла, выкладываться на сцене надо было полностью и если поначалу для этого требовались немаленькие дозы алкоголя, то со временем необходимость в подобном допинге отпала, а осталась только привычка к мощным и захватывающим выступления, из-за которых многие до сих пор считают, что на записи Billy's Band теряют значительный процент своего природного магнетизма и что настоящую группу можно почувствовать только на концерте.

Безусловно, огромное влияние на театрализацию Billy's Band оказало культовое арт-кафе «Пурга», название которого уже не раз упоминалось в этой истории. Так случилось, что Билли попал в «Пургу» одним из первых. В 2001-м году он возвращался домой с концерта и, выйдя из Psycho Pub, который располагался в соседней от «Пурги» арке увидел на своем райончике новое заведение с пафосными золотыми зайцами у входа. Решил заглянуть и, оказавшись в пустом зале один на один с барменом, смог не только выпить своего любимого пива из пластикового стакана, но и послушать Уэйтса и потанцевать под собственные песни, диск с которыми он тут же отдал диджею. В следующий раз он завалился туда уже с огромной компанией друзей-иностранцев и собственной водкой, потому что «Пурга» тогда еще не получила лицензию на крепкий алкоголь. Постепенно именно «Пурга» стала местом постоянного пребывания Billy's Band, местом, где они играли маленькие концерты «для своих», давали пресс-конференции и просто отдыхали.

Интерьером «Пурги», составленным из безумных, на первый взгляд несочетаемых вещей, занимались и занимаются Фрол и Гала, которые быстро стали друзьями группы. Постепенно их стали привлекать к оформлению сцены для выступлений. Гала сшила и придумала плащи, в которых сейчас постоянно играют Billy's Band и даже приняла участие в написании песни «Я послала любовь» для альбома «Оторвемся по-питерски» (она придумала первый куплет).

Гала Филатова: Мы только-только открыли «Пургу» и сидели в пустом зале до шести утра каждую ночь — ждали посетителей. И вдруг заваливается пьяная компания со своей водкой, ведут себя страшно нагло, разговаривают частично на английском, частично на русском и с таким апломбом: что здесь за местечко

такое? Что за зайцы? И так далее. Я сижу одна в углу забившись и думаю, что за нахалы пришли пьяные? В итоге они поставили четко одну бутылку нам всем, персоналу, одну себе. Ну, молодцы такие и бухали. Поставили свою музыку, Билли даже почему-то пригласил меня танцевать, наверное, потому что я была единственной женщиной, которая сидела и грустила. А потом мне его брат, которому посвящена песня «Передай привет», говорит: «Ты не отнекивайся, не смотри, что они такие алкоголики, ты теперь с этими людьми будешь все время связана!»

5

К 2004-му году количество песен Тома Уэйтса, исполняемых на концертах Billy's Band стало стремительно приближаться к нулю, процентов на девяносто выступления состояли из собственного русскоязычного материала, который лишь иногда разбавлялся номерами каверов на Уэйтса. Публика уже успела привыкнуть к тому, что Billy's Band — это в первую очередь русские песни и только во вторую — песни старика Тома. Это раньше люди приходили на Billy's Band, потому что на афишах видели фамилию Уэйтса, а теперь на них стали приходить просто так.

Но сам Билли всегда считал Тома своим главным учителем музыки, не стесняясь копировал его вплоть до внешнего вида и даже немного расстраивался по тому поводу, что песен великого бродяги в их репертуаре стало меньше. Своеобразным прощание с кумиром стала программа «Being Tom Waits», или «Игры в Тома Уэйтса», которая появилась в самом конце 2004-го года. До ее появления у группы не было концертной программы в полном смысле этого слова, то есть отработанного списка песен с заранее продуманными сюжетными ходами и репризами. Билли много говорил на сцене, но в основном это были экспромты, которые в той или иной степени варьировались от концерта к концерту, а работа над программой «Игры в Тома Уэйтса» заключалась не только в адаптации песен американца, но и в тщательном и своеобразном их переводе для российской публики.

Не понаслышке Билли знал, что тексты Уэйтса не всегда понятны русскому уху, в них слышится эхо собственных чувств, но полного резонанса не происходит по причине их недопонятости и сложности, наполненности мощными и оригинальными метафорами, которые не так-то просто перевести. К 2004-му Билли уже настолько погрузился в Уэйтсовский материал, что стал одним из крупнейших специалистов по Уэйтсу в городе, изучал литературу, переводил тексты, а к новой программе придумывал репризы, в которых коротко в своей неповторимой манере рассказывал содержание песни, а только потом группа начинала ее играть. Все это походило на известную песню «Открытка от…», только в сильно укороченном варианте, или на трек «Эдвард» из «Парижских сезонов».

Неофициальная премьера программы состоялась в клубе «Академия» на стрелке Васильевского острова. Биллисы тогда сыграли два десятка песен и выступали в белых рубашках с бабочками — в духе The Tiger Lillies. Тогда казалось, что

сумасшедшие британцы очень неплохо реализуют идею театрализованного представления на концертах, хотелось быть на них похожими, тем более что состав инструментов групп во многом схож. «Игры в Тома Уэйтса» вызвали положительный отзыв, пора было показать эту программу на подходящей сцене.

Гала Филатова: Концерты Billy's Band в «Пурге» обычно сопровождались каким-нибудь паясничанием со стороны жителей «Пурги», то есть все время скакали какие-то там зайцы, танцевали какие-то девицы в бумажных костюмах и так далее и так далее. Первый подобный концерт не в «Пурге» был в клубе «Академия». Мне кажется, это Алла Абрамовна предложила сделать какую-нибудь декорацию, чтобы попробовать создать атмосферу «Пурги» в вынесенном пространстве. Тогда мы сделали первый бумажный экран, который они разрывали в начале выступления, то есть придумали этот теневой театр, и всем это очень понравилось, мы поняли, что надо двигаться в этом направлении, потому что поют многие, но интересный визуальный ряд есть далеко не у всех.

6

Чуть позже после появления идеи программы «Being Tom Waits» было решено, что англоязычная программа — это хорошо, но для того, чтобы ее уравновесить, необходимо сделать и русскоязычную. Даже несмотря на то, что среди поклонников группы не было категорического разделения на почитателей английских и русских песен, такая мера казалась вполне обоснованной. Так появилась знаменитый театральный проект Billy's Band «Блюз в голове».

Как вы помните, первый свой серьезный концерт в Москве Billy's Band сыграли в камерном театральном зале Дома Журналистов. То выступление в сидящем зале, которое всем так понравилось, возможно, было одной из первых серьезных предпосылок к театрализации группы. Другими предпосылками было театральное образование Аллы Абрамовны, дружба с творческими людьми из «Пурги» и, конечно, фантастический ораторский талант Билли, который всегда балансировал на грани между жизненной откровенностью и театральностью, реализуя таким образом принцип художественной реальности, в которой правда жизни облекается в художественную форму.

Песни для «Блюза в голове» подбирали совместно, на тот момент это были самые актуальные и мощные хиты в репертуаре группы. Концерт начинался с «Иисуса», а заканчивался неистовым исполнением заглавной песни «Блюз голове», в конце которой Билли играл на контрабасе как на гитаре, а все декорации на сцене рушились самостоятельно или при активном участии музыкантов. Режиссером шоу стала Алла Абрамовна, а все декорации и образ музыкантов продумывали Гала и Фрол из «Пурги». Самой эффектной идеей был «театр теней», который разворачивался на огромном полотне, свисавшем с потолка, и прекращался с очень мощным началом первой песни, когда музыканты буквально прорывали занавес и вбегали на сцену. Кроме того, вся сцена была усеяна бумажными коробками и прочим хламом, отражающим маргинально-лузерское направление музыки группы. Подобное устройство концертов, которые по-взрослому состояли из двух отделений, каждое из которых было строго регламентировано, подразумевало выступления на большой театральной сцене перед сидящим залом. Таких концертов в истории Billy's Band, привыкших выступать в прокуренных клубах и на улице, еще не было, а потому было не совсем понятно, как вести себя на сцене и как общаться с сидящим залом.

Премьера обоих программ состоялась 18 и 19 марта в Петербургском Театре Эстрады — группа, которую на тот момент почти не показывали по телевидению и совсем не крутили на радио, давала два больших концерта в серьезном зале (более чем на четыреста человек). Обе программы оказались прорывом. На такой Billy's Band шли уже не только молодые любители выпить, завсегдатаи клубов и баров Петербурга, а серьезные и взрослые мужчины и женщины, которым алко-романтика в стиле Тома Уэйтса приходилась по душе. Тем более в зале Театра Эстрады можно было слушать сидя и молча, а не прорываться сквозь кричащую и курящую толпу. Эти концерты были совсем другим поворотом событий, как для зрителей, которые не ожидали такой академичности и театральности от Billy's Band, так и для самой группы, которой приходилось работать с тихим сидячим залом, а значит, можно было не истошно вопить, а даже шептать и не бояться, что тебя не будут слушать. Сидячая публика оказалась более податливой и подготовленной, не лучшей, но другой по отношению к клубной. Выступления на сцене Театра Эстарды стали на тот момент самыми масштабными по количеству зрителей для Billy's Band. После окончания первых театральных выступлений стало понятно, что театральные эксперименты надо продолжать, особенно учитывая то, что группу, наконец, стали действительно принимать всерьез.

Билли: Театр Billy's Band появился, когда мы поняли, что у нас есть стремление сделать шоу, которое будет, с одной стороны, музыкальным, и в первую очередь, музыкальным, а с другой стороны, театральным; чтобы это был театральный зал и театральные возможности — настоящая сцена, настоящий зал, где можно сидеть спокойно, никто тебя не обольет пивом, не накурено, и куда может стекаться абсолютно разнообразная аудитория. Учитывая тот факт, что процентов шестьдесят нашей публики — это люди уже взрослые, то им не всегда комфортно ходить на клубные выступления. Во-первых, это очень поздно по времени, а во-вторых, им комфортнее в театре. Но это не главное. Главное, что сидячий зал и оформление сцены накладывают на нас несколько большую ответственность перед зрителем. Мало просто отколбасить несколько песен и на этом успокоиться, — надо как-то разнообразить программу, что-то постоянно придумывать: какие-то решения песням, решения межпесенным зарисовкам, мизансценам, приходится как-то поднимать литературную часть. Это, конечно, дает нам огромную возможность и стимул развиваться не только как музыкантам, но и как просто артистам, актерам сцены.

Минимализм и ностальгия

1

Еще одним веским аргументом на пути к взрослению стал до сих пор самый популярный альбом Billy's Band «Оторвемся по-питерски», который вышел в самом начале 2005-го года. До сих пор, когда у Билли спрашивают, какая его любимая песня из репертуара Billy's Band он неизменно отвечает — «Оторвемся по-питерски». Этот альбом писали осенью 2004-го, но издавать решили не самостоятельно, или на небольшом независимом лейбле, как обычно, а на настоящем «мажоре», который бы не только напечатал диск, но и вплотную занялся продажами и распространением музыки. Было ясно, что альбом получился удачным — многие песни уже были обкатаны на зрителях и зрителям они нравились. Сингл «Оторвемся по-питерски» тоже удачно продавался, хотелось донести эту музыку до как можно большего количества слушателей, а помочь в этом, как тогда казалось, мог только большой тотальный лейбл. Тем более группа все больше и больше начинала чувствовать себя взрослой и серьезной, во многом благодаря театральным выступлениям, изменению статуса и большому приливу возрастных зрителей.

Кстати, в списке музыкантов на «Оторвемся по-питерски» Миша Жидких значится как сессионный музыкант, который исполнил партию на саксофоне для четырех песен, хотя на тот момент он, по сути, уже был четвертым членом группы и принимал чуть больше участия в записи, чем это обычно делает сессионный музыкант.

После долгих раздумий было решено подписать контракт с лейблом Grand records. Права на альбом отдали лейблу на год, получили гонорар. Поначалу все шло хорошо: гонорар по меркам тех лет оказался высоким, даже более чем, дисками были завалены все магазины, причем не только в Питере и Москве, но и в большинстве городов России, продавались пластинки очень хорошо. После первых же месяцев продаж было ясно, что «Оторвемся по-питерски» становился самым популярным альбомом Billy's Band. Он вышел в начале 2005-го, но стал своеобразной точкой в самом успешном в смысле расширения аудитории году — 2004- ом, потому что все, кто узнавал про Billy's Band и шел в магазин покупать их диск, приходили домой именно с этой пластинкой и не только потому, что там было очень много известных и популярных песен, но и потому, что этот диск можно было найти в любом магазине практически любого более-менее крупного города России.

«Оторвемся по-питерски» до сих пор остается самым

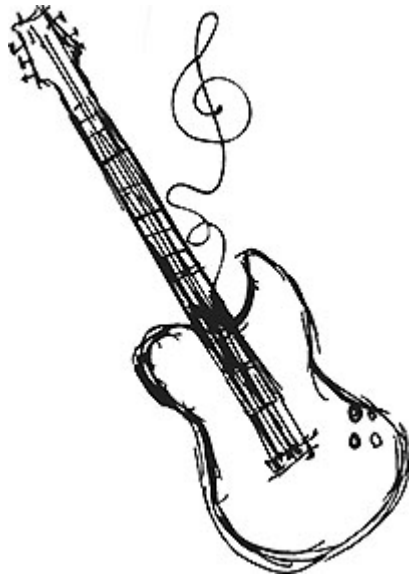
удивительным альбомом Billy's Band с той точки зрения, что все песни на нем, за вычетом инструментала «Упражнение в…» до сих пор постоянно исполняются на концертах. Ни один другой альбом не удостоен такой чести от музыкантов. И это при том, что для Billy's Band образца начала 2005-го года «Оторвемся по-питерски» — это скорее эксперимент, чем то, чего от них ожидали. Так выходило, что альбомы группы никогда не отличались особенной цельностью композиции и однородностью песен, но этот диск выходил за все пределы: рванув с места яростным исполнением заглавного трека, он рвет и мечет от сумасшедшего по темпу «говноджаза» «32 рубля» к шепоту и мягкости «Где спит твое сердце» и инфернальным завываниям «Кладбища девичьих сердец». Вся эта расхлябанная и развязная конструкция несется вперед, опираясь на размеренность и депрессию «Так я падал» и на плавную романтику «В этом городе». Да, здесь нет продуманной композиции, и отчасти не хватает привычных концертных связок между песнями, которые оправдывают исполнение той или иной композиции, но так случилось, что здесь каждая песня — стопроцентный местечковый хит, который знают наизусть все поклонники Billy's Band, посетившие в своей жизни, по крайней мере, три их концерта. Ситуация в своем роде уникальна, потому что номерной по сути альбом напоминает по составу треков Greatest hits, хотя очевидно, задачи такой перед его записью не стояло.

Может быть, секрет в том, что многие из этих песен «долежали» до своего времени, потому что часть из них, например, «Где спит твое сердце» или «В этом городе» были задуманы еще в 2001-ом, но сделать их не удавалось ни к «Сезонам», ни к «Немного смерти…», а к записи «Оторвемся по-питерски» они оказались уже отшлифованными и полностью готовыми к выходу в свет.

Билли: У меня был период, когда я был очень полигамным. Я достаточно долго жил семейной жизнью, а потом, видимо, у меня сорвало крышу, и я отрывался по-полной. Мне это было интересно тем, что я изначально мог себя представить в роли плохого персонажа, не надо было претворяться, что я на самом деле хороший, а не плохой, это был такой способ борьбы с реальностью: надоело мне быть хорошим, — буду плохим, пошли все в задницу. И оказалось, что это здорово работает, много кому нравится. Мне было очень легко. А поскольку я был плохим, то у меня постоянно возникали какие-то проблемы, какие-то бесконечные разговоры, разборки, на протяжении полутора лет я выслушивал такое количество излияний, и пьяных в том числе, что у меня голова пухла от этого всего, от всего, что я выслушал:

и нежного, и плохого, и хорошего, и какого-то сокровенного. И в какой-то момент я подумал: «Черт возьми, еще чуть-чуть и я начну понимать женщин по-настоящему». К тому же я был изрядно заряжен цинизмом, я думал, что есть куча мыслей, которые я знаю, но не могу реализовать и выразить, потому что я мужчина, мне стыдно о таких вещах говорить от своего лица. А все равно ведь хочется сказать от первого лица, не хочется петь от третьего лица. И все это в итоге слилось в песни, получилось, что вроде ты и не виноват и не несешь никакой ответственности, раз от лица другого человека поешь, клево. Так и получились песни, спетые от женского лица вроде «Где спит твое сердце».

2



Конечно, массированные продажи «Оторвемся по-питерски» очень помогли группе донести свою музыку до большой аудитории слушателей, такого масштаба распространения их музыка не знала. Но через год после выпуска пластинки выяснилось, что с этим альбомом не все так просто. Он стоял на полках у многих любителей Billy's Band и просто случайных покупателей, даже самые скромные расчеты позволяли понять, что первый тираж альбома должен был разойтись через несколько месяцев после начала продаж, но диски продолжали лежать в магазинах, причем складывалось впечатление, что их становится больше и больше. По заверениям представителей лейбла, диски, оставшиеся на прилавках к моменту окончания действия контракта — это нераспроданный первый тираж, а значит, никаких роялти группе не полагается. Кроме того, лейбл утверждал, что контракт закончен и конвейер по производству пластинки остановлен, а права на нее возвращаются группе.

На деле же оказывалось, что диски в магазинах появляются с той же периодичность, что и расходятся по коллекциям слушателей, а вознаграждение за них проплывает мимо группы и уходит в неизвестном направлении. Через некоторое время магазины оказались завалены и пиратской (или псевдопиратской, кто его сейчас разберет) продукцией, получалось, что «Оторвемся по-питерски» выходил не только на «Grand Records», но и еще на паре десятков никому не известных лейблов.

Вся эта ситуация была, конечно, страшно неприятна, тем

более, что группа попала в нее впервые и не была предупреждена о том, что в случае продажи прав ее практически неизбежно ждет разочарование. Конечно, издавая альбом на маленьких независимых лейблах или самостоятельно, невозможно добиться дистрибьюции аналогичной той, которую позволяют себе мажоры, но и убытки от этого значительно ниже, потому что если бы с каждого диска «Оторвемся по-питерски» группа получала хоть какие-то деньги, Billy's Band уже давно были бы одними из самых богатых независимых музыкантов России. Характерно, что «Оторвемся по-питерски» до сих пор можно без труда найти в любом сетевом музыкальном магазине, в отличие от остальных пластинок, которые надо искать, причем не в сетевых, а, как правило, в маленьких магазинчиках типа питерского «Кайласа». И дело тут не в лени группы, которая не хочет заниматься распространением, а в том, что сети, согласно договорам с крупными лейблами в большинстве своем просто не имеют право брать пластинки у независимых издателей.

3

Альбом «Оторвемся по-питерски» — это флюгер, который указывает, в какую сторону двинулся Billy's Band в 2004-м году. В этой, новой группе, которая уже пережила гигантоманию в плане количества музыкантов на сцене и, наконец, окончательно определилась со своей эстетической концепцией, эту концепцию определил и всячески насаждал Билли, причем серьезно, безо всяких шуточек с длинным названием вроде похоронного дисксиленда с бесконечным хеппи-эндом или словечка «алкоджаз», которое куда лучше прижилось на русской почве. Без шуток концепция состояла в веском эстетском минимализме, где каждый музыкальный шаг обоснован, где лучше промолчать, чем сказать лишнее — такая несколько скупая, а оттого щемяще эмоциональная мужская музыка — собственно это то, о чем разговаривали Билли и Миша в тот памятный день, когда стало ясно, что Жидких должен стать новым членом группы.

Это питерское эстетство, которое взамен отвязной маргинальности прошлых лет, стало прорисовываться в творчестве группы и определило дальнейший путь ее развития. Если переход от 2003 к 2004 ознаменовал начало эпохи интереса к группе электронных СМИ, то переход от 2004 к 2005 стал границей, разделивший прежний Billy's Band, который, например, очень любит Макс Новый и который он именует «настоящим» и тот Billy's Band, который мы знаем сейчас. Вопрос, какой из них лучше — оставим за скобками нашего повествования, потому что это личное дело каждого; что касается меня, то я считаю это изменение планомерным, просто новым витком развития, который, ведет группу куда-то вперед.

В это время действительно появляется очень много признаков современного бэнда: театрализация, интерес к группе старшего поколения, изменившаяся, но не изменившая себе музыка, которая лучше всего чувствуется в этом безумном миксе вальсов, баллад и роковых номеров, которые появились на «Оторвемся по-питерски». Кроме всего прочего, музыкально и творчески важного для группы, после выхода альбома у группы появились «ЛюББители», организованная группировка фанатов, которые сами придумали себе название и сами себя организовали.

В реальную жизнь они вынырнули из гостевой книги на сайте Billy's Band, где впервые познакомились друг с другом и стали общаться не только с музыкантами, но и между собой. Постепенно выяснилось, что их интересы схожи не только в отношении любви к Billy's Band, но и во многих других областях

вроде арт-хаусного кино и посиделок на крышах. Симптоматично, что компания «ЛюББителей» сформировалась не в родном для музыкантов Питере, а в Москве. Поначалу это были просто постоянно повторявшиеся лица в первом ряду, обладатели которых всегда вежливо благодарили за концерт и активнее других поддерживали группу, потом, уже когда они познакомились между собой, те же лица стали появляться и в Питере. Сформировалась некая группа, которая была похожа на фан-клуб Billy's Band, но по сути этим фан-клубом не являлась, потому что в этих людях нет и не было безумного фанатизма, зато есть бесконечная любовь и уважение.

Как-то раз на форуме они предложили свою помощь в подготовке сцены для одного из театрализованных концертов и организованной группой пришли в театр, чтобы безвозмездно помочь расставить декорации. Так началось дружеское сотрудничество группы со своими поклонниками, которое продолжается до сих пор. Всего таких основательных почитателей творчества Billy's Band где-то около двух-трех десятков, состав их периодически меняется, но сами они остаются. И сейчас уже невозможно представить концерт Billy's Band без их лиц в первом ряду.

Рыжик: Моя школа игра на гитаре — это Билли, который мне всегда говорил: играй меньше и по делу. Он все-таки мой главный учитель, потому что в институте я в какой-то момент перестал заниматься и при уровне моей лени (он очень высок) я, к сожалению, оттуда не вынес почти ничего.

4

Почему-то даже в самые тяжелые и мрачные времена, то есть в самые первые годы существования группы, песни Billy's Band отдавали ностальгией, а с течение времени градус этой настойки из тоски по прошлому и невозможности вернуться назад постоянно и планомерно рос. И не то, чтобы хотелось вернуться в какой-то определенный момент, просто с высоты лет казалось, что когда-то было чуть лучше, чуть романтичнее и чуть правильнее, чем сейчас. Может, правильнее и не было, но было действительно по-другому. Например, году в 2002-ом Билли пригласили на корпоратив. Одного. С контрабасом. Трудно это назвать корпоративом, но какая-то вечеринка определенно была, причем абсент вечеринка. Билли приплелся туда ближе к ночи, после работы, уже изрядно на пиве. Сыграл несколько песен на контрабасе, что-то под пианино, выпил абсента и пошел домой, на Мойку, 10. По дороге он ссорился со своей девушкой и пытался не упасть с ног. Пик ссоры пришелся на Дворцовую площадь. Девушку раздражало то, что он постоянно пьет. Она не хотела идти к нему, что-то в этом роде.

— Ладно, можешь делать, что хочешь, а я буду спать прямо здесь, — Билли отвернулся от нее и пошел устраиваться около стенки Главного штаба.

А она обиделась и ушла, правда не слишком обиделась и не так далеко ушла, чтобы через некоторое время не начать переживать за Билли. Тем не менее, когда она вернулась, Билли уже спал в обнимку с контрабасом. Судя потому, что дома и по дороге домой, куда она его отвела, ему было ужасно плохо и он сильно замерз, проспал он довольно долго. Дома он разделся и тут же упал спать, а утром его разбудил брат:

— Нет, я понимаю, что ты вчера напился, но почему весь коридор в говне?

Билли вскочил и побежал в коридор: действительно все было в говне, и стены в говне, и пальто в говне. Оказывается, он не только спал на Дворцовой площади, но еще и спал в куче лошадиного дерьма.

Подобные корпоративы, самые первые и странные, были довольно редки, зато, примерно как этот, очень богаты на события. С появлением в жизни группы телевидения, а позже театральных программ, корпоративов становилось все больше и постепенно они стали составлять примерно половину от всего количества концертов. Корпоративы бывают лучше или хуже, но в любом случае, когда ты едешь на такой концерт, трудно

предположить, что именно тебя ждет. Иногда компания, которая собралась, чтобы послушать группу, под влиянием босса или сами собой уже любят Billy's Band, знают их песни, готовы внимательно слушать и подпевать — в таких случаях корпоративное выступление немногим отличается от обычного концерта в небольшом уютном кафе, иногда даже публика на корпоративах реагирует более открыто и легко, чем на концерте. Бывает правда, и другой вариант, когда группа приезжает к совершенно неподготовленным слушателям, которые совсем не знают их репертуар или слышали только пару песен. В таких случаях у Billy's Band появляется элемент уличности или спорта, желание сделать из обычного корпоративного концерта, когда зрителям пофиг, кто для них играет, а музыкантам — кто их слушает, нормальное живое выступление с драматургией и содержанием, взять сырых, совершенно к этому не готовых людей и заинтересовать их, сделать так, чтобы они заострили свое внимание не на еде и общении, а на том, что происходит на сцене. А попытаться заслужить доверие или спровоцировать симпатию у незнакомых людей — задача на порядок выше, чем порадовать людей, которые и так тебя давно знают.

Билли: Самым экзотическим корпоративом оказалась поездка аж на Карибские острова, где мы играли на какой-то свадьбе, сделанной в пиратском стиле. Выступали на самом настоящем фрегате тридцатых годов.

5

Целый год Биллисы играли концерты «Being Tom Waits» и «Блюз в голове», в Москве и Питере с этими программами собрали рекордные по количеству зрителей залы — в Питере «Мюзик-Холл» рассчитанный почти на полторы тысячи человек, а в Москве клуб «Апельсин», в который набилось столько же народу. Эти же концерты давали и в других городах, к сожалению, без декораций — не везде сцена, на которой играли Billy's Band позволяла разместить декорации. Поэтому не все концерты содержали элементы театра, некоторые напоминали скорее «кабаре без женщин», как сказал сам Билли. Примерно такой концерт можно увидеть на первом в истории группы DVD, который был презентован летом 2005-го и назывался «Концерт в Новосибирске».

Как и многое в истории группы, этот DVD получился спонтанно, — давно было ясно, что снять концерт на видео необходимо, многие группы уже выпускали DVD, но до того, чтобы плотно заняться этим, никак не доходили руки. А в Новосибирские операторы предложили свои услуги — в зале было заранее установлена несколько камер, с которых велась съемка концерта, говорят, что сами музыканты даже не знали о том, что их снимают, а потому вели себя по традиции раскованно и свободно.

Почти весь 2005-й прошел в гастролях разной степени успешности. В Москве стало ясно, что публика окончательно привыкла к группе, сложился круг людей, которые ходят на все концерты Billy's Band и приводят с собой друзей, в Новосибирске записали DVD, в Ростове познакомились с группой «Каста» и решили непременно поработать вместе, а в Америке развеяли некоторые свои представления о том, как там у них живут.

Для всех членов группы первая совместная поездка в Америку была в принципе первой. Эти гастроли с самого начала казались несколько самонадеянными и абсурдными — все-таки путешествие на родину Тома Уэйтса не могло не стать знаковым событием для такой группы как Billy's Band. Ожидать от этих концертов можно было чего угодно, кроме того, что их организация окажется на уровне России конца 90-х. И не то, чтобы организаторы концертов — какие-то неприятные ушлые люди, совсем нет, они делают свое дело, но, увы, делают его без особого энтузиазма, так, например, рг-поддержке концертов они не уделили практически никакого внимания, и, как следствие, народу не всегда было много. На самые успешные выступления

приходило двести-двести пятьдесят человек, а на самые провальные двадцать-тридцать. Хотя успех — дело относительное, потому что из двадцати человек, которые пришли на концерт в маленьком пабе Ричмонда, восемнадцать были американцами и только двое русскими, причем после выступления все остались довольны и восемнадцать из двадцати купили диск, а то и несколько — то есть девяносто процентов — показатель более чем серьезный. В целом Америка оказалась дружелюбной страной, которая не проявила особого энтузиазма по поводу Billy's Band, возможно, потому, что в одном Нью-Йорке такое количество самых разных, но при этом высокопрофессиональных групп, что удивить местную публику очень сложно. Билли даже ради интереса разок вышел поиграть на улице и понял, что несмотря на огромную конкуренцию, и в Нью-Йорке он не пропадет, на жизнь заработает. После этого визита в США, в 2006-м было еще две поездки, которые не принесли ни разочарования, ни успеха, но дали понять, что группа наигралась в эти эмигрантские игрушки и больше не хочет выступать перед кучкой эмигрантов, потому что хотелось настоящей американской публики и настоящего независимого мнения касаемо того, что они делают. Но все в свое время.

Обострение лучших чувств

1

Когда Billy's Band делали театрализованное выступление «Being Tom Waits», у всей группы сложилось такое впечатление, что они не просто переделывают песни американского певца и композитора, но ставят Шекспира. Настолько серьезным и вдумчивым оказался подход. На тот момент, то есть к 2005-му году, Билли был одним из самых серьезных специалистов по Тому Уэйтсу не только в Петербурге, но, скорее всего, и в России. Он перестал просто любить американского бродягу, слушать его песни в баре и копировать его стиль, он стал действительно разбираться в творчестве Уэйтса: прочитал всю существующую на русском литературу о нем, что-то прочел на английском, переслушал все альбомы и даже попал на концерт в Берлин.

Другого пути просто не было, потому что Россия — не Европа, и здесь многие просто не понимают содержания англоязычных песен, так что необходимо было хотя бы вкратце объяснять перед песней, о чем она, хотя бы используя так любимые Уэйтсом абсурдные метафоры, пытаться намекнуть на содержание текста оригинала. И вот ведь странно, как только группа начала серьезно относиться к Уэйтсу, его сразу стало как-то меньше в их собственном творчестве, то есть они перестали по-настоящему его копировать, а стали делать что-то свое,

категорически иное по отношению к тому, что делает Уэйтс. И в следующем альбоме, который вышел в 2007-м его совсем мало. Своеобразным прощанием с Уэйтсом стал альбома «Being Tom Waits», вышедший вначале 2006-го года по мотивам концертной программы. Для сравнения можно послушать знаменитую «Clap Hands», изданную, правда, чуть позже на концертнике «Блюз в голове», и оригинальный вариант этой песни в исполнении самого Уэйтса, чтобы понять, насколько велика разница между Томом и Billy's Band, между авангардным и жутковатым Уэйтсом и более популяризаторскими и мощными Billy's Band. Как это ни парадоксально звучит, но самому Билли стало иногда казаться, что их интерпретации песен Тома, более живые и, может, более понятные, чем первоисточники. К сожалению, ничего не известно о том, слышал ли Уэйтс свои песни в исполнении Billy's Band, говорят, что Рыжик передал диски группы его гитаристу, Марку Рибо, но ответа до сих пор не последовало. Но, например, еще одни кумиры Billy's Band, The Tiger Lillies, которых они даже разогревали перед одним их российских концертов, с удовольствием говорят о том, что они про них думают: «По-моему, они неплохая группа. Нам говорили, что они копируют некоторые наши фишки, но лично мне не показалось, что они косят под нас, скорее, они мне напомнили мою первую группу Uncle Lumpy and the Fish Doctors, только Uncle Lumpy были повеселее, а эти ребята из Billy's Band уж очень серьезные!»

2

Да уж, серьезнее некуда.

— «Оторвемся по-питерски» — отличный альбом, — говорил Билли во время интервью одному из музыкальных изданий, — но надо было начинать его с другой песни, а то как зарядили с первой этот тынц-тынц-тынц, так уже и не остановиться».

Имидж джазового «Ленинграда», который связан с появлением в репертуаре группы «дебильных хитов», как их называет Билли, вроде «Оторвемся по-питерски», стал постепенно раздражать. Массы по-прежнему воспринимали Billy's Band как прикол, а хотелось искренности и романтики. Первыми шагами в эту сторону стали концертные альбомы «Блюз в голове» и «Being Tom Waits», выпущенные для того, чтобы порадовать тех, кто за год так и не смог увидеть концерты вживую и во многом исправить ошибки «Открытки от…», которую Билли никогда не любил. На этих концертниках все было по-другому: чище, аккуратней и продуманней, но не без традиционного для группы безумия. А самым главным шагом в сторону серьезного восприятия действительности и настоящей черной романтики должен был стать очередной студийный альбом группы.

Поклонники Billy's Band привыкли, что новые пластинки обычно появляются сразу по несколько раз в год: альбомы, синглы, концертные записи, всего этого за 6 лет существования группы вышло столько, что не каждому под силу, но с альбомом «Весенние обострения», релиз которого состоялся весной 2007-го года, вышла совсем другая история. Эта пластинка готовилась долго и фундаментально.

Уже в 2006-м на концертах стали появляться первые песни с еще не вышедшего альбома, немного недоделанные, но с радостью принимаемые публикой. Первым известным треком с «Весенних обострений» стал очередной «дебильный хит» «Счастье есть», позже названный «рабочей песней». Вслед за ним публике представили «Ни шагу из дома» и «Время, которое нужно убить».

Примерно в это же время, в творчестве группы стал принимать участие еще один человек — Сергей Витальевич Резников, муж Аллы Абрамовным и отец Рыжика. Оказалось, что он не только менеджер группы, но к тому же может помогать Билли с текстами песен. Именно у него появилась идея переделать стихотворения любимого поэта Билли — Бродского «Не выходи из дома» и сделать из него песню. Сергей Витальевич написал несколько первых куплетов, к которым Билли придумал музыку, а потом и дописал песню. В итоге получилось то, что

получилось — «Ни шагу из дома» до сих пор постоянно играется на концертах. Но некоторые песни для «Весенних обострений» Билли брал из своих старых запасов. Так случилось с первой известной балладой — «Время, которое нужно убить». История этого трека достаточно традиционна для Billy's Band: когда-то давно, году в 2001-м были написаны первые две строчки первого куплета, которые на тот момент не получили никакого достойного обрамления, а в последствии медленно обрастали словами и строчками, окончательно оформившись только к 2006-му году. Это песня первой дала понять, какими будет альбом, потому что «Счастье есть» и «Ни шагу из дома» были, по сути, традиционным Billy's Band, к которому все уже так привыкли, и никак не выпадали из общей канвы песен, а вот размеренная и по-настоящему грустная «Время, которое нужно убить», на концертах заставляла публику стать серьезнее. Кстати, на альбоме она появилась в двух вариантах — в классическом, и с битом, сделанным Влади из группы «Каста».

3

Сотрудничество с «Кастой» — отдельная история. И с той и с другой стороны первое знакомство произошло заочно. Billy's Band, как и все в России начала нулевых, знали о существовании ростовской рэп-формации, и Билли даже любил их музыку. К тому времени он уже стал интересоваться не альтернативными группами вроде Sepultura, которые он любил в девяностых, а совсем другой музыкой, и рэпом в том числе. Он даже записал исторически важный трек Ника Кейва «Stagger Lee» в духе американского ганста рэпа. Окончательно же рэп вошел в его жизнь после личного знакомства с «Кастой».

Что касается «Касты», то они познакомились с творчеством Billy's Band в довольно неожиданной ситуации. Как-то году в 2003-м они приехали с гастролями во Владивосток. Там по городу их возил местный таксист, который как мог развлекал музыкантов. В какой-то момент он достал из бардачка кассету, которую на днях привез из Питера, и сунул ее в магнитофон. На кассете был записан неофициальный альбом Billy's Band «Being Tom Waits». Как только заиграли начальные аккорды одной из Уэйтсовских песен в исполнении Биллисов, Шым узнал свою любимую музыку и стал на ходу сочинять рэп куплеты на темы песен Уэйтса и читать их в такт. Всех настолько поразили эти неожиданные экспромты Шыма и сама музыка Billy's Band, что «Каста» запомнила название новой Питерской команды.

Оказалось, что Шым был и остается давним поклонником творчества Тома Уэйтса, и потому он сразу почувствовал в Billy's Band родственные души.

Но от этого интерактивного музыкального знакомства до реального общения было достаточно далеко — только через несколько месяцев члены «Касты» пришли на концерт Billy's Band в родном Ростове и были приятно поражены тем, что происходило на сцене. Во время знакомства после концерта, выяснилось, что у них с Биллисами совпадают не только музыкальные вкусы, но даже и жизненный опыт — неблагополучное Купчино, в котором вырос Билли — это почти то же самое, что и родной для «Касты» Ростов.

Познакомились, погуляли по городу, выпили пару бутылочек и решили, что обязательно должны что-то сделать вместе, несмотря даже на кардинальное различие жанров. Разговоры об этом возникали каждый раз, когда Billy's Band и «Каста» пересекались друг с другом, но, как это водится, разговоры долго не превращались в конкретные действия. Тем не менее, они ходили друг к другу на концерты, общались, а сотрудничество все никак не начиналось, пока во время подготовки альбома «Весенние обострения» у Влади и Шыма не появились наметки куплетов, к которым они попросили Билли записать припев. Так зарождался трек «Голос брехуна», аранжировки к которому «Каста» и Billy's Band сделали вместе — получился рэп с живыми инструментами и припевом, который исполнял Билли. Специально для того, чтобы исполнить эту песню, Шым и Влади даже приезжали на презентацию альбома в Москву и Питер и на некоторые последующие концерты Billy's Band.

От идеи о совместном творчестве до ее реализации прошло несколько лет, но как только сотрудничество началось, новые идеи стали появляться моментально. Билли прислал в Ростов готовый материал к альбому, а Влади послушал и решил сделать ремикс на трек «Время которое нужно убить», добавить в него олдскульный бит (эта версия вошла в альбом «Весенние обострения» в качестве бонус-трека) и так вошел во вкус, что предложил Билли сделать подобные ударные для всех песен альбома.

— Идея крутая, конечно, но это будет совсем не Billy's Band — к такому выводу по этому вопросу пришли в итоге и оставили все, как есть, а «Каста» включила «Голос брехуна» в свой альбом «Быль в глаза» в качестве бонус-трека. А в альбом Billy's Band в итоге вошли «Голос брехуна», «Весенние обострения» и «Передай привет» — для последних двух песен Влади сделал бит.

К слову о «Касте», в 2009 году в репертуаре Billy's Band

появилась старая знаменитая песня «Касты» «На порядок выше», которую Биллисы исполняют в так называемом «рок блоке» на своих последних концертах с использованием бас гитары вместо контрабаса и тяжелых жестких ударных. Возможно, именно эта песня войдет в готовящийся альбом трибьютов «Касты».

4

При желании, можно было бы посвятить целую главу каждой песне «Весенних обострений» и это не было бы стратегической ошибкой, но я все равно постараюсь уложиться в меньшие объемы. Презентация пластинки в Петербурге состоялась 14 апреля 2007-го года. Конечно, это был аншлаг, но впечатления остались противоречивые, усилило эти впечатления и прослушивания самого альбома.

Так в чем же все-таки его уникальность и непохожесть на все остальные диски Billy's Band? Почему стоит так сильно заострять внимание именно на нем? Причин много. Для тех, кто привык воспринимать группу, как увеселение для распития спиртных напитков в баре или просто помнил их угарные концерты в «Molly's» на Рубинштейна, эта пластинка могла стать неожиданность — все-таки угара и веселья на ней стало совсем не много. Все веселье здесь драматическое: веселая музыка и невеселый текст раскачивают восприятие и не позволяют отнестись к песням только как к развлечению, заставляют вслушиваться, причем очень внимательно. Кроме того, эта пластинка уникальна составом творческих людей: Билли перестал быть безраздельным правителем всех студийных дел — в смысле написания песен к нему присоединился Сергей Витальевич, а в смысле аранжировок и музыкальной составляющей вообще — Миша Жидких, который привнес свой бережный подход и серьезное музыкальное образование, которого прежде группе, возможно, не хватало. И наконец, на этой пластинке осталось совсем мало копирования Уэйтса, то есть по сути только одна песня — «Купчино столица мира» вслепую копируют манеру Тома Уэйтса, но не зря же сам Билли говорил, что если бы Уэйтс родился в Купчино, он бы написал о нем именно эту песню. Тем более «Купчино» — тоже песня из древних запасов, которая вернулась в строй только в 2007-м.

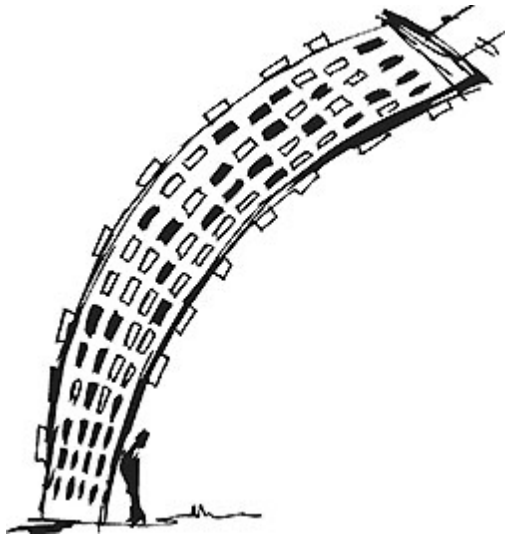
Что касается всех остальных треков, преимущественно написанных за те полтора года, на протяжении которых готовился альбом, то они резко отличаются как от творчества Уэйтса, так и от ранних Billy's Band. Самый выразительный в этом смысле трек — заглавный — «Весенние обострения», сдобренный оркестровой вставкой, грустный и лиричный до предела.

Характерно, что «Обострения» вышли после театральных экспериментов Billy's Band, возможно, поэтому именно на этом альбоме так много театра. Театра в том смысле, что реальность здесь не голая и дикая, это не гоголевская «натуральная школа», а

чуть преувеличенная и измененная, поданная со скидкой на происходящее на сцене, с учетом того, кто слушает альбом или концерт, то есть с учетом зрителя в принципе. Возможно, именно с этим фактом, с преобладанием театра, связаны основные нападки на Billy's Band, которые обрушились на них после 2005-го года. Многие говорили о том, что они предали реальность и стали слишком буржуазны. Но в этом случае происходит путаница понятий — то, что песни превратились действительно в песни, то есть в настоящее искусство, а не в зарисовки действительности, совсем не означает, что тексты от этого стали фальшивы, а музыканты потеряли восприимчивость к внешнему миру. Нет, все тексты здесь прочувствованны и пропущены через себя, каждый — правда. Может быть не конкретная, но обобщенная, это художественно измененный личный опыт, умноженный на опыт друзей и знакомых. И как это ни глупо звучит, но впервые появившиеся у Billy's Band песни с ярко выраженным социальным звучанием «Снежная королева» и «Невиновен», тоже правдивы. К сожалению, это так.

Билли: Против песни «Невиновен» были люди из благополучных семей, они считали, что я все придумал, а я — то знаю, что я не придумал. Они жизни-то не видели, блин, мне за них даже немножко стыдно, потому что они ни хрена не знают, как это все бывает. Между прочим, нашлось много людей, которых эта история затронула за живое. Вот, например, Миша — из Нижнего Новгорода, он говорит: «Блин, у меня то же самое было, вот один в один». Кроме того, что в его семье не было убийства, зато во дворе у них чувак маму убил спинкой от кровати. Это мы живем здесь сейчас, как сыры в масле катаемся в Москве да в Питере, а что там творится? Да даже что в Купчино творится? Я уж не говорю о средней полосе, о Нижнем, о Ростове. Там мрак.

5



Серьезная пауза, выдержанная перед выходом «Весенних обострений» придала группе сил. Не успел этот альбом оказаться на прилавках магазинов, как появилась идея выпустить еще один, сборник. Вернее сказать, эта идея давно витала в воздухе, но до ее реализации никак не доходили руки. Дело в том, что за время своего существования, Billy's Band сыграли такое количество каверов на самых разных исполнителей, что в пору было выпускать альбом. Причем даже без учета действительно бесчисленных каверов на Уэйтса, набиралось что-то около полутора десятков песен, которые когда-то были записаны и не вышли, либо попали на альбомы в качестве бонус-треков.

Для того чтобы записать подобный альбом, не надо было прикладывать ровным счетом никаких усилий, потому что он, по сути, уже был записан, оставалось просто собрать разрозненные песни на один диск и выпустить его. Записывать песни заново не требовалось — это принципиальная позиция — альбом должен был стать не просто сборником каверов, он должен был продемонстрировать аутентичный звук Billy's Band разных периодов их творчества, поэтому все песни были оставлены как есть. Тем более что попытки Мити Максимачева привести их в порядок не увенчались успехом.

Так, уже через несколько месяцев после выхода «Обострений» сформировался плей-лист новой пластинки, которая должна была выйти осенью 2007-го. Но просто выпускать пластинку каверов не хотелось — кто-то мог бы даже заподозрить в этом конъюнктурный ход и жажду легкой наживы, поэтому к

презентации диска, которая состоялась в московском клубе «Б1» был подготовлен новый музыкальный спектакль «Чужие», премьера которого состоялась в сентябре 2007-го года. Кстати, это концерт стал в своем роде историческим, потому что на тот момент, он был рекордным по количеству зрителей сольником Billy's Band- «Б1» вмещает 2500 зрителей и в тот вечер зал был заполнен до отказа. Еще одно нововведение «Чужих» — появление в компании Billy's Band виджея, который отвечал за видеоряд за спинами музыкантов. Пурговские декорации всегда и всем нравились, но были слишком тяжелыми и неудобными для того, чтобы транспортировать их в другие города, поэтому на гастроли приходилось возить спектакли без декораций, виджей же мог поехать с группой куда угодно, и устроить спектакль только с помощью экрана и проектора, хотя, справедливости ради стоит сказать, что и в спектакле «Чужие» не обходится без декораций Галы и Фрола.

6

— Я всегда хотел свалить из России, — сказал Билли в 2006-м году в интервью для журнала Fuzz, — Когда я жил в Купчино, то мне все не нравилось, хотя сейчас тоже. И я здесь, наверное, только благодаря музыке.

Наверное, так оно и есть, потому что давно стало понятно, что за границей группа бы, конечно, не пропала, да и один Билли смог бы заработать себе на жизнь любимых делом. Но он не уехал. Конечно, для слушателей — это к лучшему, а как для него — знает только он сам. Но даже несмотря на это примирение с Родиной, которое было связано с ростом популярности группы, зарубежные концерты для группы всегда были очень важны. До 2007- го их главным триумфом за границами России было путешествие в Париж и выход с улицы в высшую джазовую школу Парижа, где им аплодировали так, как будто играл сам Луи Армстронг, но с тех пор, никаких серьезных приглашений так и не поступило. Они продолжали ездить в Германию, играли на улицах, американские гастроли не увенчались успехом, а хотелось настоящего признания. Комплекс непрофессионалов от джаза, «русских медведей», которые и играть-то толком не умеют, после подобных поездок никуда не исчезал, а только усугублялся. Уничтожить его мог только триумф на европейской или американской сцене, потому что в России они уже заняли определенную нишу, к которой стремились. И шанс сыграть на большом фестивале представился им летом 2007-го, как раз, когда тур по России с новым альбомом подходил к концу.

После очередного концерта в Питере к группе подошли люди из Петербургского Комитета по Культуре.

— Слушайте, а почему мы о вас ничего не знаем? — спросили они.

— Не знаю, мы уже давно тут у вас под боком.

Завязалось знакомство, результатом которого стало приглашение группы в Страсбург на международный фестиваль «Европейские ночи». На нем Billy's Band должны были представлять Петербург.

Конечно, сыграть в Страсбурге ребята хотели. Оказалось, что «Европейские ночи» — серьезный европейский фестиваль, такое интеллигентное «Евровидение», где каждая страна показывает музыкальные и театральные проекты, все самое лучшее и необычное. Россию на этом фестивале представляли Billy's Band. Естественно, во Франции им пришлось играть перед абсолютно неподготовленной публикой, которая видела и слышала группу

впервые. Раньше перед подобными зрителями Billy's Band играли исключительно англоязычный материал, чтобы публика хоть как-то включилась в происходящее, но в этот раз решено было сделать все по-другому, все-таки группа представляла Россию, а значит, играть надо было русские песни.

Специально к выступлению Билли подготовил свои фирменные вступительные «чатки» на медленном английском, в которых вкратце рассказывал о том, что происходит в песнях, и возможно именно эти «чатки», а может быть, творчество виджея, который как раз перед этим выступлением оказался в строю Billy's Band, помноженное на творчество самих Биллисов, оказало такое неимоверное воздействие на окружающих. Как только они вышли на сцену и начали свой сет, к «Южной сцене», на которой они играли, стало подтягиваться все больше и больше людей. К концу выступления все пространство перед сценой было заполнено людьми из самых разных стран Европы, которые были в полном восторге и даже пытались подпевать незнакомым, но классным, русским джазменам, игравшим совершенно непривычную и не поддающуюся наименованию музыку. А сами музыканты поймали удивительный кураж и получали удовольствие от этой сцены, от этих милых улыбающихся зрителей и от своих песен, которые, казалось, звучали по-новому под темневшим небом Страсбурга.

7

Перерыв между «Оторвемся по-питерски» и «Весенними обострениями» — почти два года. Но это, как оказалось, не предел. Потому что альбом «Блошиный рынок», выход которого запланирован на весну 2010-го и совпадет с выходом в свет этой книги, сочинялся и писался еще дольше — целых три года. И если через пару десятков лет кто-то будет изучать дискографию Billy's Band и увидит этот огромный перерыв между пластинками, то к нему в голову невольно закрадется мысль о том, что эти два с половиной года группа просто бездельничала, или в муках творчества рожала новый альбом. Оба этих предположения окажутся неверными.

Конечно, два с половиной года группа жила обычной активной жизнью: один-два концерта в месяц в Москве, столько же в Питере, гастроли по регионам и ближайшему зарубежью, плюс постоянные корпоративы — это вам не шутки. К тому же между номерными альбомами уместились еще три релиза — «Чужие», о которых было сказано выше, сингл «Отоспимся в гробах», предвещающий выход альбома и очередной концертник «Осенний алкоджаз», так что об отдыхе не может быть и речи.

Про муки творчества — тоже не совсем верно. Правда, этот альбом действительно очень долго появлялся на свет. Может быть, дело в том, что для «Блошиного рынка» уже не осталось ни одной приличной песни из прошлого, а значит, весь материал будет совершенно новым. Вернее, песни остались, но они уже совершенно никуда не годятся — этакие зарисовочки в духе альбома «Ленинграда» «Мат без электричества», который так нравился Билли году в 98- м. Естественно, что сейчас эти песни в репертуаре Billy's Band представить сложно, особенно учитывая тот факт, что, по мнению музыкантов, «Блошиный рынок» станет самым экспериментальным и концептуальным альбомом в истории группы, таким, как «Alice» у Тома Уэйтса.

Привычка называть каждый следующий альбом экспериментальным появилась у Билли перед выходом «Оторвемся по-питерски», который должен был стать революцией и стал ей, «Весенние обострения» тоже наметили новый для группы путь, который будет развит и во многом реализован в новом альбоме. По уже известной песне «Отоспимся в гробах» судить о «Блошином рынке» сложно, особенно зная привычку Billy's Band выпускать на сингле перед альбомом не самые характерные песни, а, напротив, самые традиционные «дебильные хиты». Сначала «Оторвемся по-питерски», потом «Счастье есть», а

сейчас — «Отоспимся в гробах», который в классической обработке выполнен в традиционной стилистике Billy's Band.

8

С тех пор, как Billy's Band представили альбом «Чужие» в самом большом клубе страны «Б1 Maximum», все самые главные презентации стали переносить туда, тем более, очевидным оказалось и то, что группа способна собрать этот клуб, а значит, нет никаких причин, чтобы не играть там концерты. Очередное выступление Биллисов в «Б1» состоялось 11 апреля 2009- го, концерт-премьера живого диска «Осенний алкоджаз», на котором, в свою очередь, записан концерт в Питерском клубе «А2». Может, из-за разразившегося финансового кризиса, а может по каким-то другим причинам, зрителей на концерте было чуть меньше, чем обычно на выступлениях Billy's Band в «Б1», но праздник все равно состоялся, настоящий праздник, без дураков.

— Сегодня вас ждет три отделения, мы сыграем три концерта без перерывов, — рассказал Билли со сцены перед началом выступления, — сначала мы сыграем расширенным составом вместе с Женей Бобровым на барабанах и Сашей Буткеевым за пианино, потом вас ждет традиционный Billy's Band, а последнее отделение станет сюрпризом.

Поначалу все шло как обычно: знакомые песни, знакомые люди на сцене, почти час традиционного интеллигентского алкоджаза и черной романтики закончились феерическим исполнением «Блюза в голове», а музыканты в спешке покинули сцену. Желавшие поскорее попасть в гардероб зрители довольно быстро смылись, потеряв всякий интерес к происходящему и даже не вызвав группу на бис — видимо они просто забыли про обещанный в конце концерта сюрприз и потеряли в связи с этим очень много. Потому что когда они надевали свои куртки и покидали «Б1», на сцену выбежала, вылетела уже совершенно другая группа: за барабаны сел Миша Жидких, сменивший брюки на джинсы, а смокинг на футболку, Рыжик появился с новой гитарой, в черной футболке и темных очках, а Билли выбежал последним — в майке и с бас гитарой на перевес. Рок-трио Billy's Band задало такого рока, какой не снился даже AC/DC: четыре песни в рок обработке, среди которых совершенно новая «Все здесь и сразу», раскачали публику как на настоящем рок-концерте. Пока не понятно, что станет с рок-блоком, будут ли переделанные и новые песни записаны на отдельный диск или «Все здесь и сразу» окажется на «Блошином рынке», но это не так уж и важно, потому что рок-блок показал Billy's Band с самой неожиданной стороны и подарил публике дозу самого настоящего кайфа, который может быть только на рок концерте. Да и сами

музыканты, похоже, в восторге от того что можно вспомнить юность и поиграть в рок-группу: Рыжик чувствует себя настоящим рок-героем, когда скачет по сцене в рваных джинсах и темных очках и может безо всяких ограничений и скидок на минимализм играть сочные гитарные рифы, а Билли радуется новой подаренной бас гитаре и чувствует себя настоящим серьезным рокером, которые рубит медиатором по струнам и смотрит в зал, где визжат поклонницы. Ведь когда-то все они думали, что будут играть в настоящей рок группе.

Вместо послесловия

Я пишу эти строки летом 2009-го и думаю о том, что на данный момент группе Billy's Band идет только восьмой год и в их истории еще слишком рано ставить точку — надеюсь, эта точка будет поставлена совсем не скоро. Еще я думаю о том, что в этой книге удалось рассказать о многом, но еще столько же материала осталось в запасе и не попало в окончательный текст. Перед тем как я начал ее писать, у меня был целый список событий, что-то вроде плана, согласно которому нужно было выстраивать композицию книги, но в итоге план был выполнен условно, история выстроилась сама собой и стала такой, какая она есть.

Среди всего того, что не попало в книгу, есть одно событие, без которого все же никак не удается обойтись. Это поездка группы в США летом 2008-го. Тогда, их пригласили на крупный джазовый фестиваль в городе Ротчестер, который на время проведения традиционного джазового действа превращается в одну сплошную музыкальную сцену — куда ни пойдешь, везде музыканты разной степени известности и мастерства играют свою музыку и каждый находит своего слушателя. Кто-то больше, а кто-то меньше. Когда Биллисы ехали на фестиваль, они понимали, что не попадают в список главных действующих лиц — грандов в Ротчестере и без них хватало, но уж слишком лестным было приглашение, чтобы от него отказываться. В итоге же их ожидания не оправдались, и в Ротчестере произошло то, что можно считать настоящим джазовым крещением Billy's Band.

На их первое сольное выступление в рамках фестиваля сразу собралось немало народа, и этот народ был в восторге. Следующее выступление должно было состояться через несколько

часов. В это короткое время по всему городу расползлись слухи о невиданной российской группе, играющей какой-то совершенно сумасшедший и мастерский джаз, который никому на этом фестивале не снился. В итоге к следующему выходу Billy's Band на сцену, собралось такое количество человек, на которое была не рассчитана площадка и несколько десятков потенциальных слушателей, а то и пара сотен, просто не вместились в зрительный зал даже несмотря на в спешке организованные дополнительные места, а после выступления все привезенные диски Биллисов были проданы в течение несколько минут и к музыкантам выстроились огромные очереди за автографами — пришлось подписывать пластинки почти целый час.

Это я все к тому, что Billy's Band на данный момент — это действительно очень профессионально, оригинально и попросту говоря круто. Вряд ли в России найдется еще хотя бы десяток групп, которые смогут доказать свою состоятельность в тех условиях, в которых это не раз удавалось Биллисам. Я совсем не хочу сказать, что они недооценены и пожалеть их из-за того, что они часто играют в маленьких клубах, в то время как «Звери» собирают стадионы. Нет. Потому что это другая музыка и, в конце концов, кто хочет узнать — тот всегда узнает, ведь Billy's Band — не абсолютный андеграунд, они все же иногда попадают в теле и радио эфиры, постоянно гастролируют. Хотя все равно хочется, чтобы о них знали чуть больше и чуть лучше, может быть, отчасти для этого была написана эта книга. И последнее. Когда я думал, как назвать книгу, то среди прочих вариантов, мне больше всех нравилось название «Так я падал», которое Билли придумал для одной из моих любимых песен в репертуаре Billy's Band. Но книга называется совсем не так, потому что назвать ее так значило бы покривить душой, ведь история Billy's Band — это что угодно, но не история падения.

Москва, июнь 2009

Тексты песен Billy's Band

Парижские сезоны
(2003)

Уличный вальс

(Новик)

Серое утро, холодные руки
Улица, здравствуй, привет.
Добрые люди, добрыми будьте,
Дайте бедняжке на хлеб.
Эй, господа, госпожи, господарики,
Не пожалейте рубля,
Дайте сиротке на воду, сухарики,
Песню спою вам я.
Грустную песенку, просто мелодию,
Тарам-пара-рам-пара,
Слушает нищий, больной и юродивый,
Я сочинила сама.

Папа мой пьяница, спит у аптеки,
Мама идет на панель,
Плачут голодные, бедные дети,
Вы пожалейте детей.
Холодно, мерзнут тонкие пальчики,
И за монетку сейчас,

Нищие девочки, нищие мальчики,
Песню спою для вас.
Грустную песенку, просто мелодию,
Тарам-пара-рам-пара,
Песня для нищих, больных и юродивых,
Я сочинила сама.

Коктейль

(Новик)

Я сидел и смотрел, как усталое солнце
Купалось в моём недопитом вине,
Что кончился день нерешённый,
И что эта ночь приготовила мне.
И вот я сижу на траве под своим окном
И грею своё одиночество в рукаве,
Начну, пожалуй, а то не успею потом —
Когда опять до слёз захочу к тебе…

Коктейль из лунного света и вина…
Ныли под водку грустный мотив…
Я знаю — где-то ты одна,
Глотаешь свой лунный аперитив…

Случайные люди обходят меня стороной,
А я никуда не иду — всё равно не встать,
И вроде бы мёртвый, но и чуть-чуть живой,
И взял бы ещё, да некуда больше брать…
А ночью такой одинаковый белый свет,
И небо над ним раскинулось звёздным шатром,
А я вот так вот, один не сидел столько лет —
С луной в стакане и бесплатным дождём…

Коктейль из лунного света и вина…
Ныли под водку грустный мотив…
Я знаю — где-то ты одна,
Глотаешь свой лунный аперитив…

А завтрашний день принесёт ещё больше забот,
Проблемы свои я умею ещё решать,
Я так свободен сейчас, и так одинок,

И пьян абсолютно — таким я хотел стать…
Когда пил…

Коктейль из лунного света и вина…
Ныли под водку грустный мотив…
Я знаю — где-то ты одна,
Глотаешь свой лунный аперитив…

Ночь в «Пурге»

(Новик)

Ты видишь меня только пьяным
За барною стойкой в «Пурге»
Не жаждешь ты видеть изъянов
В моей захмелевшей душе

Считаешь, что лих я и весел
Так просто тебя рассмешить
Скажи же, девочка, чем же
Чем тебя угостить?

Ты выпьешь морковного сока
А я пивом запью бурбон,
Ты мило мне улыбнёшься,
А меня уже клонит в сон.

Но вот наступает утро,
Я спал, да как же я мог?
Какой-то богатый сука
С собою тебя уволок.

Снег на улице, мокрый ветер,
А мне бы глоточек воды,
И на пару мгновений ступени
Запомнят мои следы.

Дура

(Алексей Кривский)

Я нашел тебя в консервной банке
Ты была голодной и худой
В качестве решающей приманки
Я воспользовался бородой

Я тебя не боюсь, ски-би-ди-би-ди-ба…
Я тебя не боюсь…
Я тебя не боюсь, ски-би-ди-би-ди-ба…
Я тебя не боюсь…
Прочь, прочь, прочь, прочь…
Дура… Дура…
Дура… Ски-би-ди-би-ди-ба… Дура…

Ты меня покушала глазами
Я от неожиданности сник
Поливая нежными слезами
Закопал тебя я как в тростник

Я тебя не боюсь, ски-би-ду-би-ди-ба…
Я тебя не боюсь…
Я тебя не боюсь, ди-б-ди-ба…
Я тебя не боюсь…
Прочь, прочь, прочь, прочь, прочь…
Ты дура… Дура…
Дура… Дура…

200 кубиков Агдама

(Новик)

Друзьям сказал — ушел в запой
А сам весь вечер был с тобой
И в общем пил, и в целом плотно
И пьяным был смешным и потным
А утро головною болью
Мешало тошноту с любовью.

Двести кубиков «Агдама»
Это много или мало
Чтоб в ноябрьском тумане
Твоего тепла хватало
Сухари и крошки пепла

Это мало или много
Как-то вышло все нелепо
И сквозит тоска
И сквозит тоска немного

Холодный воздух лечит тело
А душу вылечит вино
И может даже в этом дело
Что я и ты давно одно.

Такое милое чувство
Приближения тепла
А может ты всё любишь
Меня…

Двести кубиков «Агдама»
Это много или мало
Чтоб в ноябрьском тумане
Твоего тепла хватало
Сухари и крошки пепла
Это мало или много
Как-то вышло все нелепо
И сквозит тоска
И сквозит тоска немного.

Друзьям скажу — ушел в запой
Чтоб всю неделю быть с тобой
Чтоб пить, и в целом плотно
Чтоб пьяным быть смешным и потным
Чтоб утро головною болью
Смешало тошноту с любовью

Двести кубиков «Агдама»
Это много или мало
Чтоб в ноябрьском тумане
Твоего тепла хватало
Сухари и крошки пепла
Это мало или много
Как-то вышло все нелепо
И сквозит тоска
И сквозит тоска немного.

Выпей вина

(Новик)

Конфетти и серпантин
На снегу и в голове.
Отгорели свечи зря,
И шампанское на дне
Мы разделим пополам.

Ёлки выброшены в снег,
Санта-Клаусы пьяны,
Все закрыты на обед.
«Мне дожить бы до весны», —
Ты скажешь мне, а я отвечу:

Давай-ка выпей вина, вина, вина.
Ты же осталась одна, совсем одна.
Но ты же знаешь, что я, что я
Всё равно люблю тебя, и только тебя.

Но ты же любишь карнавал,
Ты же любишь громкий смех,
А по ночам берёшь с собой,
За него считая всех,
Всех за него.

А потом идёшь домой.
Дома будет всё равно,
Остаётся путь один —
Сквозь открытое окно.
И тут ты вспомнишь слова:

Давай-ка выпей вина, вина, вина.
Ведь ты осталась одна, совсем одна.
Но ты же знаешь, что я, что я
Всё равно люблю тебя, и только…
Хотя…

Райончик

(Новик)

Медленно-медленно я пройдусь по райончику
То ли иду, то ли плыву — не пойму

Плюну, вспомню тебя, закурю папиросу я
Дуну пивка и тебя навещу.

Лестницы тёмный подвал запахи грустные
И в углу пыльным мешком кто-то лежит
Стены исписаны сплошь буквы нерусские
Вот по чему изучают английский язык.

Дома нет никого, значит где-то бродишь ты
Выйду во двор, подожду, посижу на бревне
Солнце упало и все надежды поломаны
Кроме одной, то, что ты возвратишься ко мне

Я посижу дотемна, торопиться мне некуда
Холодно стало и градус пора повышать
Звёздочкой манит киоск, и я иду туда
Там может наши дорожки сойдутся опять
Сойдутся опять…
Сойдутся опять…

Немного смерти, немного любви (2003)

Немного смерти, немного любви

(Новик)

Спят игрушки, книжки спят,
Окурки во всех кружках и бутылках храпят,
Выдохлось пиво, портвейн помутнел,
И хлеб, оставшись на столе, уже зачерствел,

И солнце уже встало, друзья разошлись,
Приятная усталость, и мы снова одни,
И то, что нам осталось, посмотри —
Немного смерти, немного любви.

Еды больше нету, и выпивки нет,
Я пойду пожарю зачерствевший хлеб,
Воды студеной из под крана вдоволь попью,
И разбужу тебя, чтобы сказать, что люблю,

Что солнце уже встало, гости разошлись,
Приятная усталость, и мы снова одни,
И то, что нам осталось, посмотри —
Немного смерти, немного любви.

Эх, тяжело, и надо идти,
За огненной водой, тут как ни крути,
Но фокус рюмочка, две, три, посмотри —
Теперь нет смерти, есть много любви,
Смотри: нет смерти, есть много любви!

Кафе «Последний путь»

(Новик)

В голове туман, на сердце ртуть,
Дорога, ты ведешь меня сюда,
Возможно, это карма или самообман,
Но я снова в кафе «Последний путь».

Я забываю, ты волнуешься где-то там,
Ждешь меня, а может быть нет,
Я вернусь, не плачь, только посижу чуть-чуть,
Еще раз в кафе «Последний путь».

И я сижу один, на столе портвейн,
Я размешаю осадок гвоздем,
С пьяным музыкантом что-то споем,
Бурлит портвейн и мне уже не встать.

Официантка-бабушка, бармен-синяк,
Я вижу ты немного болен, сосед,
Мы с тобой умрем, когда до дна допьем ртуть —
Твой фирменный коктейль «Последний путь».

Любовь, подойди, посиди со мной,
Красивей девушки не видел нигде,
Но ты исчезаешь, ты не со мной,
Наверное, просто ты приснилась мне.

Всю ночь сижу клюю носом за столом,
Но настигает зимний жидкий рассвет,
Я задыхаюсь, я с трудом ловлю воздух ртом,
В мой последний путь другой дороги нет.

На его месте должен был быть я

(Новик)

Иисус существует, Он где-то живет,
Годы проходят, Его дело живет.
Иисус не торчал, не курил и не пил,
И даже по девушкам Он не ходил.
Самый известный у людей персонаж,
А я с трудом забираюсь на третий этаж.

На Его месте должен был быть я.
На Его месте должен был быть я.
Напьешься будешь — утешают друзья.

А что если я чудо, а что если я бог?
Но ты утверждаешь, что я — неудачник и лох.
Кабаки да бабы — то, что все любят —
Вот ведь, что людей губит.
Я играю на гитаре, пою рок-н-ролл,
И даже во дворе играю в футбол,
Но все равно Джисус круче меня,
На Его месте должен был быть я!

Дорожная (интро)

(Новик)

…И без конца дорога, пыльная и чужая…
Но где-то в глубине души я понимаю, что ничего ближе нее
у меня никогда не было…
И, вероятно, никогда уже не будет…
И пусть мои новые брюки, купленные на последние сбережения
в придорожном супермаркете, заляпаны грязью,
А мои лучшие ботинки совсем прохудились, я точно знаю,
что Главное в моей жизни еще
не случилось,
И поэтому убыстряю шаг и иду, —
Иду туда, где меня еще не было, и где, может быть, это

Главное
и произойдет.

Дорожная

(Новик)

Как дома я давно не видел,
Ходил бродил по белу свету,
И где-то там любил и ненавидел,
И с кем-то там делился сигаретой.

Я позабыл, какой бывает дома осень,
И как друзей встречают вечером на кухне,
И про тебя я позабыл, хотя скучал и очень,
Не помню, и от этого мне грустно.

Не помню, и поэтому мне жалко
Себя, хоть я свободный и счастливый,
И в этот полдень, здесь чужой и жаркий,
Мне плохо, а вокруг все так красиво!

Друзья мне пишут часто и подробно,
О том, что денег вечно не хватает,
А я сижу вон тут такой свободный,
И каждый день по сотне пропиваю.

На улице играет музыкант,
Какой-то незатейливый мотивчик,
Послушаю и двину в ресторан,
Пусть думает, что я такой счастливчик.

А завтра я возьму билет домой,
Последние долги отдам судьбе,
Покину город мне такой чужой…
И вдруг пойму, что дома я уже.

Бильярд

(Новик)

Дело было вечером, делать было нечего,
А не пойти ли мне сыграть в бильярд?
Взяв последний стольник, выбрав русский столик,
Поначалу был я очень рад.

А в уголке сидели местные каталы,
Искоса смотрели на меня,
Изрядно насосавшись, и смелости набравшись,
С одним из них решил сразиться я.

«Сейчас подразойдемся, и понедорогу сведемся,
Рублей не больше, чем по 25»,
И как довольный пончик, наприпудрив кончик,
Шагаю пирамиду разбивать.

Дедулька дурку гонит, — на куш меня выводит,
Киксует и косит под лоха,
Все объясняя пьянкой, слил три «американки»,
Актер дедуля, в общем хоть куда.

Но вот к ничье приходим, «Разойдемся и удвоим», —
Партнер мой мрачно предлагает мне.
«Ты не увлекайся, и не зарывайся» —
Шепчет что-то внутреннее мне.

Я не унываю, ставку поднимаю,
Но сливаю партии подряд,
Мандраж меня колотит, черт за нос меня водит,
И в сотый раз я проклинаю бильярд.

Русский бильярдик, это черный праздник,
Фишки, снукер, пул и карамболь,

Но все кончается похоже, каждый раз одно и тоже,
Рассвет, долги и в крови алкоголь.
Рассвет, долги и в крови алкоголь.
Рассвет, долги и в крови алкоголь.

Все хорошо

(Новик)

Всё хорошо, только не ты,
Всё позабылось, — все наши мечты,
Всё хорошо — только нет ничего,
Чтобы хоть как-то вернуло его.

Всё прошло, как с белых яблонь дым,
И поезд несёт его в солнечный Крым,
Белогорск, Севастополь, Судак и Джанкой,
Но время вернёт его к тебе домой.

Мир твой полон печали тревожных теней,
Тебе нужно быть проще, веселей и смелей,
Так что же ты плачешь, так же нельзя,
Он не сможет без Купчина и без тебя.

Ты любишь мечтать, помнишь все свои сны,
Ты колдуешь ночами, как дитя сатаны,
И он уедет из Ялты, сбежит из Сочей,
Он не сможет без Питера, и белых ночей!

Мир твой полон печали тревожных теней,
Тебе нужно быть проще, веселей и смелей,
Так что же ты плачешь, так же нельзя,
Он не сможет без Купчина и без тебя.

Никогда не разговаривай с мертвецами

(Новик)

Рассвет, каждый рассвет, скрип ворот прощального зала,
Каждый день звон ключей, и свет ламп неземного начала…
Тишина, никого, и когда людей соберет природа, —
Будет тихо, и так каждый раз, каждый день, год от нового года.

Ходил по пустым коридорам, и слушал свои шаги,
Разговаривал сам с собою, — больше не с кем здесь говорить.
Курил папиросы, вдыхая дым пополам с воздухом мертвых, затхлым,
Курил и стряхивал пепел в гробы, сам самому понятный.

А потом снова взгляды, кричащие болью, молящие, а еще испуганные,
Приторный запах последних роз, и пластмассы — цветов искусственных,
Никому не нужна святая вода, чище слезы! Болью святых радовать!
И не было мучеников смиренней, и некому в глаза заглядывать.

И вдруг, простыми такими словами, вспомнилась фраза из фильма одна:
«Никогда не разговаривай с мертвецами, если не хочешь сойти с ума!»
И стало понятно, — уже сошел. Стоял в стороне, улыбаясь.
Этот странный дом, где ему хорошо, каждый день, каждый век умиралось…

Муз Замбела

(Новик)

Песчаные сопки покрыты тоской,
Мальчик Муз Замбела как скелет худой,
Даже корки от банана в доме нет,
Перед смертью дедушка съел последний хлеб.

Солнце накалило песок добела,
Из пиначетовской фляги высохла вода,
Безумный детский взгляд устремлен вникуда,
Не поможет ничего, только…

Муз Замбела огорчился, вернулся домой,
Упал на землю бамбуком, накрылся простыней,
Бредил в лихорадке, забыл, как его звать,
Только песчаная буря продолжала напевать…

Оторвемся по-питерски (2005)

Оторвёмся по-питерски

(Новик)

Я вернулся в город поздно вечером,
На перроне — голуби вокзальные.
Мне сегодня делать вовсе нечего,
Вот, иду и просто отдыхаю я.

Эта ночь — не ночь, а только сумерки,
За деревьями — дома многоэтажные.
По аллее я шагаю и не думаю,
Ведь сегодня просто отдыхаю я.

Ведь летом можно гулять круглосуточно,
И завтра ты свободна практически,
Посидим, кирнем на скамеечке…
Давай сегодня оторвемся по-питерски!

Может, позвонить друзьям… Да смысла в этом нет:
Все они на дачах, да и поздний час.
Я пойду пешком домой встречать рассвет,
Может, завтра снова позвоню опять.

Ведь летом можно гулять круглосуточно,

И завтра ты свободна практически,
Посидим, кирнем на скамеечке…
Давай сегодня оторвемся по-питерски!

Ты меня встречаешь — я не ждал тебя —
Перед домом, сидя на скамеечке.
Вероятно, даже где-то благодарен я,
Вот, приехал, здравствуй, моя девочка…

Ведь летом можно гулять круглосуточно,
И завтра ты свободна практически,
Посидим, кирнем на скамеечке…
Давай сегодня оторвемся по-питерски!

Я не вернусь

(Новик)

Поливальные машины,
Тяжелая бутылка пива,
Надломанные сигареты,
Мозжечковые расстройства…

Случайные подруги в баре,
Бессмысленные разговоры,
Размазанные макияжи,
Озадаченные лица…

Разбросанные по асфальту
Следы вчерашнего веселья…
Опять убит один день жизни
Надлежащего похмелья.

Ключ не подходит к двери дома.
Ты — моя любовь до гроба.
Опять ты чем-то недовольна,
Дерьмо попало в вентилятор…

Но я не вернусь.

Праведные обещания,
Что так больше не случится,

Подкрепленные слезами
Девичьего мазохизма…

Мысли утомляют тело,
Разговоры путают.
Деньги скажут свое дело —
Дураки послушают…

Но я не вернусь.

В голове блюз

(Новик)

Поздний звонок в дверь. «Извини, это — я.
Прости, что так поздно, но ты же знаешь меня…
Родители дома, с ними нельзя?
Они умрут со страха, если увидят меня?

Я пьян, метро закрыто. Пойми, денег нет,
Пусти заночевать, не на званный же обед…
Мне не нужно ничего, уложи меня спать,
Ты же видишь, я готов, мне уже не встать».

Мятые штаны, порвался пиджак,
Каблук отвалился, на лбу синяк.
«Ладно, лягу там, у лифта, к черту всех будить.
Тогда тащи одеяло и воды попить!

Ты только не уходи, посиди со мной,
Иногда мне тоже жаль, что я плохой такой.
Но в этом мире есть минус, а в тебе есть плюс:
Ты понимаешь, что такое в голове блюз!

Я расскажу тебе все, ты сможешь понять…»
Ты зеваешь, намекая, завтра рано вставать.
«Иди, друг, иди, подремли часок»
И больше тебя нет со мной. Щелкнул замок…

Я послала любовь

(Новик — Филатова)

Я послала любовь — а она… не уходит.
Я на грядку ее — а она… колосится.
Испеку из нее какой-нибудь… пудинг!
Накормлю всех друзей — пусть будет ей хуже!

В небе звезды зажгут — полюбуюсь луною.
Все пургой занесет — как бы не простудиться…
Опрокину на грудь, на женское сердце.
Не уходит любовь, что же это такое?!

Все, что было — прошло, и не больно хотелось…
Что писала тебе — разорву и забуду.
Утром смою все то, в чем испачкалась ночью,
Но не смоет вода боль из глупого сердца!

Так я падал

(Новик)

Я сижу во дворе своего дома
На скамейке под ольхой. Все так здесь знакомо…
Шляпа сползла на глаза, я дремлю,
Черт возьми меня, как я все это люблю.

Детишки веселятся, бабушки ворчат…
По-моему, одному мне здесь дорога в ад.
Третий день мне уже не дойти до порога,
Наверно, в твоем сердце уже шевелится тревога.

Голова трещит, в судороге нога,
Я докурил здесь все окурки, что раскидал вчера.
Бродячая собака обнюхала меня,
Наверное, решила: «Он такой же, как и я».

Из подъезда выползает Василич-инвалид,
Его жена-посудомойка после смены спит.
Червонец, четвертак, полтинник — время не ждет,
И вот за «килограммом» старый дядя Саня идет.

Так я катился вниз,
Так я падал,

Так я катился вниз,
Спотыкался, плакал…

Столик во дворе, карты, домино —
И ты уже не поднимаешь взгляд на свое окно.
Распрощавшись навсегда со своим пиджаком,
Ты кричишь «кукареку» петухом под столом.

Так я катился вниз,
Так я падал,
Так я катился вниз,
Спотыкался, плакал…

32 рубля

(Новик — Матезиус)

140 по Садовому, я слушал Depeche Mode
И даже прозевал нужный поворот.
И тут меня нагнала «копейка» Жигули,
Я посмотрел налево — за рулем сидела ты!

Права остались дома, под фляжкою пустой,
Ты впереди на сотню метров, куда же ты, постой!
Нетрезвою ногою я давлю на газ…
Уж сзади вой сирен — такой вот алкоджаз

Ты, видно, решила поиграть со мной?
Я в погоне за мечтою, за мной гонится вой.
В кармане негусто — 32 рубля.
Придется отрываться, и все из-за тебя!

Вокруг уже мелькают чужие города,
Но я тебя поймаю, и ты мне скажешь «да».
Пробитый глушитель, в баке — ниже нуля.
По ходу, я попал, и все из-за тебя!

Машину — на запчасти по смешной цене,
И я в ближайшем баре купаюсь в вине.
И снова в кармане 32 рубля,
Не хватит даже на такси, и все из-за тебя!

Где спит твоё сердце

(Новик)

Вот и кончились зимние вьюги,
Зазвенели капели,
Запах земли и привкус талой любви.
Я прочитала все твои письма,
Которых ты даже не помнишь,
В мутные серые слепые дни…

Скажи мне,
Где спит твое сердце
Этой весенней ночью
И когда оно вернется
Домой?
Может быть, все это глупо,
По-детски и несерьезно,
Но я хотела быть только
С тобой.

До сих пор ношу то колечко,
И наше фото в дряхлом кошельке.
И в церкви ставлю свечку —
Тебе.
Плакать, терпеть и молиться
Или напиться в хлам и забыться?
Да плевала я тысячу раз
На тебя!

Только скажи мне,
Где спит твое сердце
Этой весенней ночью
И когда оно вернется
Домой?
Может быть, все это глупо,
По-детски и несерьезно,
Но я хотела быть только
С тобой.

Что будет этим утром,
Холодным и светлым,
Пьяным и одиноким,
С тобой?

Скажи мне,
С кем спит твое сердце
Этой весенней ночью,
Когда же оно вернется,
Домой…

Не верь мужикам, все равно обманут

(Новик)

Это случилось в центре, на улице Роз.
Осенней темной ночью я был полон слез,
Я бродил по тротуарам, пугаясь собственной тени,
И я курил, как дизель, и дрожали колени…

Мои шаги были реквиемом, мой голос воем,
Я знал, что так все и будет, но не знал, что так скоро.
И я совсем не хотел возвращаться домой,
И напоил двух проституток с Малой Морской…

Когда я увидел лицо одной из них в отражении зеркала гардероба,
Эти глаза белые, зрачки-точки… В голосе — тревога…
Мне показалось, то ли померещилось — черт, ничего не понимаю —
Она сказала: «Я тоже не знаю, откуда тебя знаю…»

Мы долго сидели в баре, «красотки» пили джин,
На нас уже косился непонятный господин.
Так, болтали ни о чем, да и не болтали особенно, но все же,
И, невзначай, узнал от них я случай один (о, Боже…)

Была у них подруга по имени Кристель.
Какой-то странный миллионер поселил ее в отель.
Кувыркаясь в лимузине и утопая в кокаине,
К утру сменила стоптанные туфли на Baldinini.

Она умирала от любви, просто дохла от счастья,
А в золотистых облаках таилось ненастье.
«Это мой принц!» — кричала она, —

«Тот единственный, которого я столько ждала!»

Ее обнаружили мертвой в одном из номеров,
Лежащей в луже крови в колыбели из ковров.
И на надгробье глаза ее и век не устанут кричать:
«Не верь мужикам, все равно обманут!»

В этом городе (Усталое сердце)

(Новик)

В этом городе белых ночей и ветров,
Непризнанных гениев, шлюх и воров,
Где Надежда, Любовь, хоть и все это зря,
Найдется местечко в баре и для тебя.

В воскресенье — четверг… в понедельник — среда,
И домой возвращаешься в девять утра,
Полупьяный местами, в остальном — пьяный в хлам,
Ты порой Johnnie Walker, а порою — «Агдам».

Почему переулки не ведут никуда,
И соль на ботинках, и с соляркой вода,
Перекопаны улицы… Так же было всегда.
И отчего плачет небо, не поймешь никогда.

Когда в жилах играет весенняя кровь,
Ты хочешь подняться, но падаешь вновь.
И все меньше друзей, но все больше столбов,
Где куда б ты ни ехал, возвращаешься вновь.

Эй, приятель, плесни, твой бар не станет бедней!
Да, стопочкой меньше, но гораздо теплей.
Ты же помнишь, что трус не играет в хоккей,
Наливай до краев и не думай о ней.

Помнишь? Та, что играла с парнями в буру,
Вышла замуж за дворника и упала в Неву,
А ту, с глазами, что опухли от грёз,
На запрошлой неделе совратил Дед Мороз.

Андрюха женился, Серега в тюрьме,

Вовка в больнице, Колян на войне.
И так было всегда, только жалко чуть-чуть —
Тех, кто ушел, невозможно вернуть.

Эй, приятель, плесни, твой бар не станет бедней!
Да, стопочкой меньше, но гораздо теплей.
Ты ответь мне, скажи! Так, а что же делать нам?!
Да, конечно, я помню, с получки отдам.

Кладбище девичьих сердец

(Новик — Матезиус)

«Спокойной ночи» — мне пели звезды,
Когда я выпал из твоих дверей.
Я сяду в баре и выпью рюмочку
За упокой души твоей…
Я сяду в баре и выпью рюмочку
За упокой души твоей.

Машины смыли с бульваров утро,
В кармане горсть твоих колец…
Я выпью с дворником и расскажу ему
Про путь на кладбище девичьих сердец.
Я выпью с дворником и расскажу ему
Про путь на кладбище девичьих сердец.

Январским вечером ходил смотрел,
На то, как весело твой дом горел,
Потом с пожарными кутил всю ночь,
За то, что не смогли тебе помочь.
Курил с пожарными и, наконец,
Исчез на кладбище девичьих сердец.

Весенние обострения (2007)

Счастье есть

(Новик)

«Не родись богатым, — говорил отец, —
Кому-то ананасы, кому-то холодец».

«Не родись красивым, — говорила мать, —
Жизнь несправедлива, надо ж понимать».

Но счастье есть,
Счастье есть,
Счастье есть, я верю,
Надо просто ждать.

Почему я вою волком на луну?
Мало витаминов, я иду ко дну.

Да, я знаю точно, счастье нужно просто ждать.
Главное — не спиться и не заторчать.

Ведь счастье есть,
Счастье есть,
Счастье есть, я верю,
Надо просто ждать.

И если в жизни этой всё, как в кошмарном сне,
То в следующей, наверно, жизни уж повезет тебе.

Сегодня обокрали, завтра изобьют,
Знаю, так бывает, а все вокруг поют,

Что счастье есть,
Счастье есть.
Счастье есть, я верю,
Надо просто ждать.

И вот счастье постучало раз ко мне в окно,
А я валялся в хлам усталый, и не смог впустить его…

Теперь мчит тебе на встречу, смотри не прозевай!
А чтоб не обознаться, все время повторяй:

Счастье есть…

Время которое нужно убить

(Новик)

Вот пепел, который мы сделали вместе,
Вот запах с печальным названьем «Вчера»,
Пустая рюмка на фортепьяно
И где-то в области сердца дыра.
Что мне осталось… Немного печали,
Ночи, которые нужно забыть,
Деньги, которые можно потратить,
И время, которое нужно убить.

А ей билет на скорый поезд,
Солнце, воздух и цветы.
А тебе битвы с алкоголем
И дурацкие мечты…
Катастрофа личных жизней,
Роза в мусорном ведре,
Льда кусок в стакане рома,
Сигарета в тишине…

Желтые листья прилипли к асфальту,
Бреду я, лужи не обходя,
Ноги в ботинках чавкают вальку,
Я вспоминаю тебя.
Серое небо, ты так часто рыдаешь,
Ведь солнце с другой стороны у тебя.
Солнце с одной, с другой у тебя я,
Значит, ты все-таки любишь меня.

Ей билет на скорый поезд,
Солнце, воздух и цветы. —
Тебе битвы с алкоголем
И дурацкие мечты…
Катастрофа личных жизней,
Роза в мусорном ведре,
Льда кусок в стакане рома,
Сигарета в тишине…

Очки конденсируют капли тумана,
И сердце набито тоской,
Я буду спокоен, как рубль в кармане,
Довольствуясь пустотой.
Что мне осталось… Немного печали,
Ночи, которые нужно забыть,
Деньги, которые можно потратить,
И время, которое нужно убить.

Ей билет на скорый поезд,
Солнце, воздух и цветы.
А тебе битвы с алкоголем
И дурацкие мечты…
Катастрофа личных жизней,
Роза в мусорном ведре,
Льда кусок в стакане рома,
Сигарета в тишине…

Ни шагу из дома

(Новик — С. Резников)

В деревне собаки задрали мальчонку —
Тяжелые были тогда времена.

В центральной котельной сорвало заслонку
И спирт из манометров вытек до дна.

Балтийские сосны шумели тревожно,
И слышалось: выпью, а может, убью.
И взвизгнул последний трамвай осторожный,
И вздрогнул шофер, наклонившись к рулю.

Ни шагу из дома, не делай ошибку!
Вернешься под утро, забудешь, как звать.
Танцуй в одиночку, листай себе книжку,
На вой в дымоходе не смей отвечать!

Шуршат по асфальту полночные шины,
Луны кокаиновой меркнет зрачок,
И принц сумасшедший в слепом лимузине
На небо хрустальный увез башмачок.

Глина, сквозняк… зачем это надо?
Ночь для другого совсем создана!
И тот, кто мудр, так же, как Прапхупада,
Скажет, что правда здесь только одна:

Ни шагу из дома, не делай ошибку!
Вернешься под утро, забудешь, как звать.
Танцуй в одиночку, листай себе порно,
На вой в дымоходе не смей отвечать!

Главное самое — не оступиться,
Высидеть дома еще ночку одну,
Самое главное — не суицидься,
Трубку не брать и не смотреть на луну.

А «принцессы» заждались на тротуарах,
И кости уж воют, наружу хотят,
И сам дьявол под дверь уже карты пихает,
Но главное — вспомнить дорогу назад…

Ни шагу из дома, не делай ошибку!
Вернешься под утро, забудешь, как звать.
Смотри себе порно, листай себе книжку,
На вой в дымоходе не смей отвечать!

Снежная королева

(Новик — С. Резников)

Ночь, мороз и снег звенит.
До утра приют закрыт.
Клей раскрасит эту ночь.
Мороз, иди прочь!

К нищим детям она мчит,
Обогреет, приютит.
Манекенов ритм немой,
Шелест листьев за спиной.

Загадай желанье и закрой глаза,
До рассвета.
До утра осталось три часа
И конфета.
Где-то мчит по улицам она,
Королева —
Снежная
Нежная.

Птица в темноте поет,
Мама издали зовет,
Королева в двух шагах.
Друг не врал — дыши в рукав!

Загадай желанье и закрой глаза
До рассвета.
До утра осталось три часа
И конфета.
Где-то мчит по улицам она,
Королева —
Снежная
Нежная.

Передай привет Богу

(Новик — С. Резников)

Вкус «Беломора», тяжесть рассвета,

Жизнь на краю сладка.
Сжатые зубы помнят об этом,
Темная помнит река.

Тебя, брат, месяц как нету,
Но кровь, до сих пор на асфальте —
Почернела, смешалась с грязью,
Будет смыта июньским ливнем.

Передай,
Передай привет!
Передай привет Богу,
Если увидишь…

Я везде постоянно встречаю
Наших общих и твоих бывших.
Но не смотрю я в глаза им,
Словно есть между нами лишний.

Бывших подружек повсюду лица,
Но не поднять глаза.
Как тебе там под землею лежится?..
Господи, где же гроза!

От нашего детства остались крохи:
Раздолбанная гитара.
И твой грубый и тонкий профиль
В красном сумраке бара.

Но я знаю точно: теперь ты увидишь,
Того, в кого никогда не верил толком.
Я прошу только: покайся немного —
За себя, за меня. И будь тебе земля пухом.

Передай,
Передай привет!
Передай привет Богу,
Если увидишь…

Невиновен

(Новик)

О том, что мать его пьет, знал весь город,
Что превратила квартиру в притон.
А ему она лишь все обещала,
Каялась ночью, плакала днём.

А по ночам приходил новый папа,
А по праздникам даже по два.
И растворялась вся ее зарплата,
И с неделю потом держалась она.

Но вот снова явились под утро
Мать и новый ее «господин».
«Убирайся! — кричал он мальчишке, —
Будем делать здесь, что захотим!»

Пацан схватил и потащил к двери его.
«Как ты смеешь отца выгонять?!» —
Мать кричала. И тут от обиды
Стал от горя сын рассудок терять.

Только голос, по-отечески добрый,
Так приятно и нежно шептал:
«Ведь даже Бог никогда не смеется,
А дьявол отродясь не рыдал».

Невиновен!

Но того, кто на ухо шепчет,
Не свалят ни нож, ни ствол,
И если лекарство — хуже болезни,
Значит, нужен крепкий осиновый кол.

На все вопросы подробно ответил
И лишь под конец у суда он спросил:
«А как Вы на моем поступили бы месте,
Если жить так больше уж не было сил?»

А голос, по-отечески добрый,
Так приятно и нежно шептал:
«Ведь даже Бог никогда не смеется,
А дьявол отродясь не рыдал».

Невиновен!

Судья не смог посмотреть в глаза ему,
Ведь сам у нее не раз он бывал.
Помолчал, а потом раздраженно ответил:
«Каждый место себе выбирает сам…»

Невиновен!

Последний день лета

(Новик)

Пустые карманы,
Промокшие кости,
Гнилые ботинки,
Луна и вороны,
Ночные вокзалы,
Опасные зоны,
Забытые песни
Пропитаны лестью…

Как мы носились по лужам, поившим водой,
Хохотали до крови, обнимались с землей.
И твои губы шептали, что это теперь навсегда,
И не вспомнить дорогу домой никогда.

Морозное утро,
Сырые окурки,
Живые скелеты,
Боязнь не догнаться.
Никто не узнает,
Никто не заметит,
Последний день лета
Дрожащий рассветом.

Мы танцевали у магазина, катались в пыли,
Падали и просыпались, обнимались и шли.
И твои губы шептали, что это теперь навсегда,
И не вспомнить дорогу домой никогда.

Голод и жажда,
Озноб и веселье,
Орел или решка,

Чужое похмелье.

Мы целовались у магазина, катались в пыли,
Падали и просыпались, обнимались и шли.
И чьи-то губы шептали, что это уже навсегда,
Ты не вспомнишь дорогу назад никогда…

Я не стеклянный

(Новик)

Я не стеклянный,
Не деревянный,
Я не графитовый,
И не победитовый,
Не позолоченный,
Ржавый и сточенный.

Я не титановый,
Не марципановый,
Не пластилиновый,
И не поролоновый,
Резано-колотый,
Черствый и стоптанный.

Я — эбонитовый.

Ты туманно-сладкая,
Призрачно-мягкая,
Придумано-яркая,
И в лихорадке я.
В щепки разбитого,
Хочешь спасти меня?

Ты — ненормальная.
Беженец ада — для тебя то, что надо,
Мы — сумасшедшие!

Ляг на землю

(Новик)

Ляг на землю, отоспись,
И домой не торопись.
Завтра будет день иной,
И все станет ерундой.

Обо мне ты не грусти,
Кто-то должен был уйти.
Рельсы, шпалы, провода.
Но во снах мы навсегда.

А проснутся петухи,
Отряхнувшись от тоски,
Ты иди, куда глаза глядят,
В жизни нет пути назад.

Мамы номер набери
Да всю правду расскажи.
Или Богу помолись.
А на меня ты не сердись…

Все затрётся, все пройдет,
День за днем, за годом год.
Только преданность твоя
Не вернется никогда.

А в один прекрасный день
Я вернусь к тебе, как тень,
Теплым ветром иль дождем,
Папироской перед сном…

Встречай меня, Москва!

(Новик — Матезиус — С. Резников)

Вот бетон перрона,
Вот стены Кремля,
Вот пикет ОМОНа,
Здравствуй, Москва,
Вот и я!

Куда не ступи — сияют деньги.

Здесь родина всех великих идей!
Здесь каждый второй становится первым,
Ведь здесь так много хороших людей.

Прощайте, мать, прощай, сестра,
Прощай, былая жизнь моя.
В прозрачном платье ты — судьба моя!
Прощайте, старые долги.
И ты меня в себе прими,
Я — твой герой,
Встречай меня, Москва!

Бомжи у метро, музыкант у аптеки,
Но этот удел не для меня,
Я здесь и я съел счастливый билетик,
И ты будешь моей, Москва!

И если выбран верный путь,
То назовут когда-нибудь
Проспекты именем
Моим!
Кто знает, может, час пробьет,
И мой профиль на рубле сверкнет.
Я — твой герой,
Встречай меня, Москва!
Я — твой герой,
Встречай меня, Москва!

Купчино — столица мира (прощальная)

(Новик — С. Резников)

Храпит район, из сказки сделав быль.
Пустых бутылок свалка на балконе.
И первый черно-белый порнофильм
На самом первом видеомагнитофоне.

Барыге снится мрачный суицид.
В болоте топком тонет райский остров.
За стенкой гений-музыкант в бреду кричит
И видит сны, как у Иеронима Босха.

Купчино — ты край земли,
Купчино — кругом огни,
Купчино — столица мира.
Посмотри, как здесь красиво!

И, как лунатик, покидая дом,
Она идет во сне над бездной по карнизу,
Как ангел без бровей, как Мона Лиза,
В пивной — от входа справа за столом.

Она мечта, она судьба, но не моя,
И ждет всю жизнь кого-нибудь другого,
Хотя она во всей округе нарасхват,
А мой удел — шататься до восхода.

Купчино — ты край земли,
Купчино — кругом огни,
Купчино — столица мира.
Посмотри, как здесь красиво!

Простим друг друга

(Новик)

Ты — бездомное море,
Я — ветер и облака.
Я — щепотка горя
В бочке добра.

Ты — вольное синее небо,
Я с тобой становлюсь глупцом.
Короля ты делаешь нищим,
А нищего — королем.

Червь прощает плугу,
Зеркалу — глаза.
Но память ходит по кругу…
А ты сможешь простить меня?

Мне хочется, чтобы ты знала:
Я останусь таким иногда.
И ты знаешь, горбатого правит

Лишь могила, и то не всегда.

Мы никогда не поймем друг друга,
Мы никогда не найдем друг друга,
Давай просто простим друг друга
За завтра и вчера.

Давай простим друг друга,
Давай простим друг друга,
Давай простим друг друга
За завтра и вчера.

То, к чему пришел я сегодня, — есть то,
От чего я вчера убежал.
И надоели за счастьем погони,
И видно снова я проиграл.

Выпьем черного ямайского рома
И лучше останемся дома.
Может, к черту эту работу?
Давай не пойдем никуда.

Может,
Станет
Немного
светлей…

Весенние обострения

(Новик)

Недели кошмаров
Беспрестанных.
Я устал от баров
И девушек пьяных.

Хоть сам и не лучше,
Ни рыба, ни мясо,
Но я верю, завтра
Станет чуть лучше.

Недели кошмаров…

Как вспомню, так вздрогну.
Весь в татуировках
И тощий, как вобла.

Я заблудился
В стенах сомнений,
Опять обознался:
То был шепот весенний.

Если в сердце боль и сомнения,
И не найти в вине утешения,
Доктор скажет, что то, без сомнения,
Лишь весенние обострения.

Недели кошмаров,
Ночами не спится.
Знаешь, мне так надоело,
Когда рассудок двоится.

Как рыба на суше,
Я не могу, когда душно…
Но утром открою все окна —
И станет чуть лучше.

Не спится,
Не спится,
Не спиться,
Не спится!

Голос брехуна

(Шым-Влади («Каста»))

А рассказать друзьям, ведь засмеют же тут же…
А если не засмеют, то это ещё хуже.
Сидел себе дома, и тут как будто бы голос внутри:
«Оденься и выйди», — говорит.
Ну, я накинул куртку, спустился во двор,
Передо мной новостройка, машины, забор.
И слышу снова голос, он говорит: «Перелезь».
И вот стою теперь здесь, а голос исчез.
А как бы здорово было, если б в самом деле

В мою бы голову голос такой бы был поселен,
Но не играл бы мной, а вел бы, словно за руку,
И я шагал бы, как малыш с отцом по луна-парку.
Вот это тема была бы, я знал бы все наперед!
Все говорили бы: «Миша, тебе по жизни везет!»
И все бы было б иначе тогда бы наверняка…
Прошу, прости меня, Господи, дурака.

Чей голос ведет меня сквозь будни?
Он запутал путь мне,
Он шалит со скуки,
Он мой давний спутник…
Голос ведет меня сквозь будни,
Он запутал путь мне,
Он шалит со скуки,
Он мой давний спутник…

Я смотрел дома в окно, через которое
Про полрайона кино можно снять за шторой.
Тревогу переборол, взял ключи,
Запер дверь и побрёл из-за таких причин:
И я услышал голос свыше.
Как в фильме ужасов, я послушался и вышел
Навстречу к незнакомке мне обещанной,
Мимо бензоколонки, через газон поспешно.
Вьются её волосы, силуэт безупречен,
Я благодарен голосу за эту встречу.
Ночь, луна в окнах новостройки.
И вместе мы идём прочь шагом широким.
Задумчиво слушаю лай собак…
Откуда тут счастливый случай? Что-то не так.
Нет незнакомки, слышу голос Брехуна:
«Здесь ты только, лай этот и луна».

Чей голос ведет меня сквозь будни?
Он запутал путь мне,
Он шалит со скуки,
Он мой давний спутник…
Голос ведет меня сквозь будни,
Он запутал путь мне,
Он шалит со скуки,
Он мой давний спутник…

Блошиный рынок (2010)

Отоспимся в гробах

(Новик)

Как медузы после шторма,
В предрассветном хлороформе
Мы движемся на ощупь,
спать хочется до тошноты…
«Жизнь печальна, а сон так сладок…
Стоит ли играть с мозгами набок?»
Но я прошу тебя:
Верь мне, верь мне, верь мне!

Мы — партизаны
На болотах любви,
Горлопаны
Бестолковой весны,
И когда-нибудь опять
Все мы превратимся в прах.
Так не ной, что так хочется спать.
И поверь — есть правда в ногах.
И если же в жизни не выспимся мы —
Ничего, отоспимся в гробах.

Кромка ночи, все непрочно,
Ты надолго — это точно.
И мы еще станцуем
На клумбах наших могил.

Нас коротило, целовало…
Два сердца на стекле в трамвае ржавом…
И каждый миг — последний.
Верь мне, верь мне, верь мне!

Мы — партизаны
На болотах любви,
Горлопаны
Бестолковой весны,
И когда-нибудь опять
Все мы превратимся в прах.
Так не ной, что так хочется спать
И поверь — есть правда в ногах.
И если же в жизни не выспимся мы —
Ничего, отоспимся в гробах.

Туманная погода

(Новик)

Туманная погода, утренний дубак,
А здесь полно народу — feiertag.
Бритва и кассеты, трофейный портсигар,
Фуражка и электросамовар,

Сервиз и ржавый спиннинг, бюстик Ильича,
Котелок и гимнастерка с солдатского плеча,
Китайский битый термос, погоны и очки,
Дрель, значки и вилки, я сама вяжу носки.

«Медали по десятке! Ордена за четвертак!
Сегодня все равно темнеет рано так…»
«Купи, сынок, на счастье! Или возьми «за так»…
Может, пригодится такой пустяк…»

А она идет, качаясь… Она так молода…
«Пирожки, горячий кофе, чай, вода!»

В ватнике принцесса, теплая щека,
Ноябрьский подснежник, золушка…

Некуда

(Новик)

Я, наверно, слишком долго ждал…
Что-то главное проспал опять.
Я не помню, как пришел домой утром —
Слишком много думал о тебе…
Где ты, с кем…
Любовь моя.

Серое во мне везде
Где ты, с кем…

Все из-за простылой осени —
Твой солдат покрылся плесенью,
Почерствел и капельку уменьшился.
Жизнь когда-нибудь наладится…
Где-нибудь…
Как-нибудь…
А пока — некуда.

Все плохое позабудется…
Где-нибудь…
Как-нибудь…
А пока — некуда.

Мария

(Новик — С. Резников)

Мария, хватай детей, вода все выше —
Мутный поток пришел за своим.
Дом слишком стар, в этот раз ему не выжить,
И оставаться больше нет ни смысла, ни сил.

Ну и утро… Долина вся под водою,
Могилу отца смыло на наших глазах.

Вещи помнят все, но не взять их с собою.
Все наше прошлое скоро покатится в ад…

Сколько же раз
Начинать всё сначала?
«К дьяволу все» —
Вот мой ответ.
Все святое вмиг
Рухлядью стало,
Тех чувств, что были,
Больше нет.

Мария, хватай детей, вода все выше —
Мутный поток отнимает мой дом.
Дороге конец… Может, там можно выжить,
Если забыть о всем том, что ушло на дно.

Небу плевать на желания птицы,
Кричи — не кричи. Если не ОН, то кто?
Что я теряю — в словах не опишешь.
Я никогда еще не был так одинок…

Сколько же раз
Начинать всё сначала?
«К дьяволу все» —
Вот мой ответ.
Все святое вмиг
Рухлядью стало,
Тех чувств, что были,
Больше нет.

Мария, хватай детей, вода все выше —
Мутный поток изменил все кругом…
Мутный поток изменил все кругом…
Боже, грязная жижа разрушает мой дом!

Все здесь и сразу

(Новик)

Она так дико двигает тазом,
Требует драйва, она хочет джаза,

Ей не нужно слов, не надо рассказов —
Она хочет всё, здесь же и сразу…

Хитрый прищур зеленого глаза,
Она прячет виски в бачке унитаза.
Скачущий психиатрический пазл
Ацетальдегид дегидрогеназа…

Я сошел с рельс. Я пуст до отказа.
Опять попадаю в противофазу.
«Это не катит, это отмаза!»
Она хочет всё, здесь же и сразу…

Все здесь и сразу…

Где-то у края /колыбельная/

(Новик — Жидких)

Тот, кто придумал мир,
Позабыл,
Что где-то есть я, и нет тебя,
Где-то у края.
Значит мне пора
В никуда.
Время к пяти — время идти,
В сумерках тая.

Я возьму с собой
Только то,
Что не отнять и не продать —
Горсть воспоминаний.
Заиграли мы в шлюх и пьяниц,
Примет ли нас, простит ли нас
Блудную стаю?

Пес скребется дверь —
Умный зверь
Где-то бродил шесть долгих зим,
Как тебя не стало.
Верю, что где-то там
Будет дом нам

С запахом щей, тех детских дней
И горбушкой хлеба.

Снилось, будто ты позвала…
Путь недалек, но есть огонек
Где-то у края…

Ну, а если вдруг ничего
Нет там вокруг?
Черный паук и ночь слепая…
Предрассветный туман устилает
Полем кровать, смысла нет спать
Уже светает…

Налейте собаке

(Новик — Евлахов)

Налейте собаке рюмку вина —
Пускай вам расскажет, с кем прожила она,
Пускай скажет вам, как его любила,
Пускай вам покажет, где его могила.

Налейте котейке водки стакан —
Пускай вам расскажет свой жизненный план,
Пускай вам расскажет, с кем дрался он в детстве,
Пускай вспомнит ту, что жила по соседству.

Налейте барбосу фужер коньяку —
Пускай вам покажет, с кем служил он в полку,
Пускай скажет вам, как работать хотел,
Пускай скажет вам, отчего поседел.

Налейте сломанной кукле коктейль —
Пускай вам расскажет, чем дышит бордель,
Пускай скажет вам, зачем красят губы,
Пускай вам покажет, кто кого любит.

Налейте артисту утренних зорь —
Не каждый Киркоров, не каждый Кобзон;
Пускай вам расскажет, к чему он стремился,
Пускай вам расскажет, зачем он…

Налейте старухе рюмку вина…
Налейте бродяге водки стакан…
Налейте банкиру фужер коньяку…
Налейте красавице модный коктейль…
Ну а артисту утренних зорь…
Налейте…

Безголовый /сказка-фантазия/

(Пушин в ред. Новика)

По тропинке вниз скакала отрубленная голова
И напевала очень грустную песенку.
Где-то в лесу с ней воем перекликалась сова.
И раскрашивалась красной лентой к плахе лесенка.

Вздремнул топор после вечерней работы,
Уткнувшись носом в окровавленный пень.
Палач разложил ужин: чёрный хлеб и шпроты.
Жевал и смотрел, как распускалась сирень.

На ощупь поплёлся безголовый бедняк
Искать на кладбище свободное место.
Его не пугал ни уличный кромешный мрак,
Ни запах пекарни сдобного теста.

Сейчас он всех был несчастнее на свете,
Хотя ничего ценного не было в той голове.
В неприкрытую шею задувал свежий ветер…
Спотыкаясь, он брёл по зелёной свежей траве.

«Кому так насолил? — обратился к нему прохожий, —
Проигрался в кости, а потом горько пил?
И у меня, поверь, был случай схожий…»
Прищурился и облако табачного дыма пустил.

«У меня лучший товар и широкий выбор,
Давай не стесняйся, выбирай поскорей,
И сразу отметим — есть яблочный сидр.
Ну, выбирай же! И жизнь пойдёт веселей»

Безголовый стал примерять все подряд,
Выбирая цвет глаз, улыбки и белые зубы,
Дошёл до последней — и стал возвращаться назад.
А в тёмном углу двигались в заклинании хозяина губы.

«Ну, что? Выбрал? Теперь надо платить!»
И вздрогнул от слов новой головы обладатель.
«Да, ладно. Забудь всё, отныне будешь мне служить,
С этой минуты я — твой Бог, властелин и спасатель!»

Бедняга попятился, не веря своим новым глазам —
Дьявол в огненной маске пред ним возвышался.
Надеялся, что пришёл конец его страданиям, слезам,
Но так, как сейчас он ещё не ошибался…

Ужас сковал его жалкое тело,
Упал на колени и голову попытался сорвать,
Но она так сильно к нему прикипела…
И ему пришлось слугой дьявола стать.
Его душа черствела и лишалась волнений,
И он стал подыскивать себе палача,
Искал на улицах и в газетах, среди объявлений.
Отчаявшись, решил прибегнуть к услугам врача.

Надев маску и плащ с капюшоном,
Весь день он скользил в тенях старых домов,
Чувствовал себя одновременно шпиком, и шпионом,
И непослушным ребёнком, без спроса покинувшим родительский кров.

«Три раза стучать», — табличка гласит на двери,
И сам доктор Ф. её отворил.
Гость стал умолять, чтоб ему тот поверил,
Рассказав перед этим, что он натворил.

«Шутки с дьяволом всегда боком выходят? —
Глядя в окно, врач отвечал? —
Таких, как ты, ко мне много приходят,
Но очень немногим я помогал.

Вопрос не в деньгах, не в страхе, не в совести, —
Оставаясь неподвижным, врач продолжал, —
Мне так же не нужно ни славы, ни почести…
«Не навредить» — когда-то я клятву давал».

«Пришёл к тебе я за помощью.
Хотя и звучит всё это, как бред,
Прошу: отрежь эту проклятую голову.
Не нанесёшь ты этим мне вред».

Доктор зажмурился, взяв прозекторский нож,
Перекрестился и сделал пациенту знак:
«Надеюсь, всё это не дьявола ложь,
И моя душа за тобой не провалится в ад».

Голова отскочила, брызнув пеной из рта,
На простынь хлестала алая кровь.
Безголовый поднялся и, как тогда,
На ощупь на кладбище поплёлся вновь.

Он хотел всего лишь себя закопать,
Чтобы покоилась его душа с миром,
Или переродиться и хотя бы кошкой стать,
Или даже дырявым швейцарским сыром.

Так и закончился бы этот рассказ,
Если бы не принципиальность одной особы.
Решил попробовать он ещё раз,
Душой безголового овладеть чтобы.

И вдруг оступился бедняк и в колодец открытый
Провалился и падал до самого дна,
А там, в плаще из заблудших душ сшитом,
На огненном троне восседал сатана.

«Вижу, отказался от моего подарка…
Но у безголовых нет глаз и мозгов,
И все старания твои вышли насмарку.
Глупо попался — вот побега твоего печальный итог.

Как ни пытайся, тебе не сбежать.
Нет места, куда от меня можно скрыться.
Ты не можешь мне даже соврать!
Так что придётся тебе просто смириться.

Запомни, ты теперь — слуга ада,
Но на земле будешь срок отбывать.
Наделю-ка тебя обликом мерзкого гада,

И в этой роли станешь мне помогать».

Безголовый прижался к холодной стене,
Почувствовав во всём теле слабость,
Хотелось заплакать, но слёзы остались в той голове,
И, как всегда, не хватило самую малость.

Сейчас наслаждался бы свежестью сырой земли
И к майскому солнцу прорастал бы цветами,
И пусть навеки остаться без головы,
Но не заниматься бы подлыми дьявольскими делами…

Но вышло как раз всё по-другому:
Безголовый принял внешность мерзкого гада,
Получил задание: сживать со света любого,
Кто противится воле всесильного ада.

Свободное время проводил в мрачных подвалах,
Вспоминая прошлое, каким оно было:
Азартные игры и пьянки в дешёвых барах,
И как потом за это его жена стыдила.

От страшной болезни она умирала в муках,
А он, вдрызг напившись, до дома не мог доползти.
Она сокрушалась о нерождённых детях и внуках,
И умоляла небо самой наказание за всё понести.

Она ведь так сильно его любила,
И готова была вечно за него страдать,
А он не понимал… И небо ему отомстило,
Решив самый страшный на свете урок преподать.

Он столетиями в мыслях себя изводил,
Сгнивал в уродских гримасах на дне подземелья
И, как бы сильно он не просил,
Так и не получил за свои грехи прощения…

За ее окном

(Новик — Жидких)

За окном ее, заколоченным,

Дождь идет с утра и небо клочьями.
Птицы улетают многоточием
В дальние города…

Голову склонила моя Золушка:
«Может быть, уехать прочь из города?
Грязь вокруг на все четыре стороны,
Вороны да тоска…

Всяко, может, лучше будет где-то там,
А вещи пусть достанутся друзьям-врагам…
Как вороны, всё растащат по своим птенцам —
Стыд и хлам, пыль и срам…

Может, кто и хватится из продавцов,
Кто из инвалидов и сердечных вдов.
Утром в понедельник уж не найдешь концов —
Ни друзей, ни следов…

Кто же к жизни светлой пробудит меня?
Холодом осенним отрезвит меня?
Просто за собою позовет меня?
Иль одной быть мне навсегда…»

Веселый поселок

(Новик)

На детской площадке
Бухал отставник,
Гулял без оглядки
Один за троих.
Консервная банка
Да рыбки скелет.
Веселый поселок,
А радости нет.

Люди — балбесы,
Все ерунда.
Ты будешь принцессой
Моей навсегда.
Не хочешь — не надо,

Я знаю ответ:
Веселый поселок,
А радости нет.

К чертям боль и старость,
Не надо речей —
Самую малость
Веселья налей!
За каждым окошком
Таится ответ:
Веселый поселок,
А радости нет.

Станцуем на небе,
А нет — под землей.
Пускай не под солнцем,
Хотя б под луной.
Кто же сожрал
Мой счастливый билет?
Веселый поселок,
А радости нет.

Я — трава

(Новик — С. Резников)

Я — трава, я сырой земле родная.
Вашу скорбь я не успокою,
Но пока ваши мертвые смотрят в рай,
Я сделаю все остальное.

Соберите убитых, предайте земле.
Клятва мести и все такое…
А теперь идите, оставьте их мне.
Я сделаю все остальное.

Стащите их в кучи, у них нет имен,
Чтоб память о них истлела.
Не бойтесь, ребята, я скрою все,
Я сделаю свое дело.

Стали дети солнца — детьми луны,

Неужели это со мною…
Я запомню их странные дикие сны,
Шевелюры могил весною.

Даже если бросят случайный взгляд:
«Где мы, что за место такое?»
Никто не ответит. Это я
Сделала все остальное.

Покуда живой

(Новик — С. Резников)

Гаснет небо и поздно плакать,
Скамейка в холодной росе.
Плевать на осеннюю слякоть,
Мы с тобой не такие, как все.
И неважно, что жизнь обманет.
Все что твое — с тобой,
А солнце, как прежде, встанет.
Надейся, покуда живой.

Нас штормило по темным аллеям,
Кружило под пьяной луной,
Хохотали над собственной тенью
И прощались с последней звездой.
И плевать, что любовь обманет,
Фляга твоя с тобой,
А солнце, как прежде, встанет.
Вонзай, покуда живой.

Доплыть до черты — и вернуться,
Когда сведут мосты.
Но однажды настанет утро,
Когда не вернешься ты.
И когда-нибудь друг обманет…
Пёс твой еще с тобой,
А солнце, как прежде, встанет.
Мечтай, покуда живой.

И неважно, что память канет.
Твой Бог все еще с тобой.

А солнце, как прежде, встанет,
И солдат возвратится домой.

notes

Примечания

1

Чернозем — (сленг, муз.) — брутальное негритянско-джазовое изложение материала (прим. Билли)